РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЦЫГАНСКИЙ ЯЗЫК В РОССИИ

Сборник материалов Рабочего совещания
по цыганскому языку в России

Санкт-Петербург, 5 октября 2012 г.

Санкт-Петербург
Нестор-История
2013

УДК 811.1
ББК 81.2
Ц94

Редакционная коллегия:
К. А. Кожанов, С. А. Оскольская, А. Ю. Русаков

Ц94 **Цыганский язык в России.** Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России, Санкт-Петербург, 5 октября 2012 г. / Ред. К. А. Кожанов, С. А. Оскольская, А. Ю. Русаков. СПб. : Нестор-История, 2013. — 230 с.

ISBN 978-5-4469-0154-8

УДК 811.1
ББК 81.2

Утверждено к печати Институтом лингвистических исследований РАН

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовила С. А. Оскольская

Издание подготовлено при поддержке гранта РГНФ 11-04-00231
«Островные и периферийные диалекты балканских языков: грамматика и лексика»

ISBN 978-5-4469-0154-8
9 785446 901548

© Коллектив авторов, 2013
© ИЛИ РАН, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателя сборник содержит статьи, основная часть которых была представлена в виде докладов на Рабочем совещании по цыганскому языку в России (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, 5 октября 2012 г.)[1].

Сборник открывает вводная статья Л. Н. Черенкова, в которой дается общая характеристика диалектного разнообразия цыганского языка в России, определяются основные вехи в изучении цыганского языка на территории России и обозначаются актуальные проблемы (отсутствие подробных описаний, неадекватность имеющегося материала).

В первом разделе содержатся статьи, посвященные казалось бы хорошо изученному диалекту русских цыган. Тем не менее авторы статей убедительно показывают, что наши знания об истории русскоцыганского диалекта далеко не полные, а некоторые источники нуждаются в тщательной ревизии. Так, И. Ю. Махотина рассказывает о ранее неизвестной записи цыганского языка, сделанной в 1827 г. (т. е. одной из первых на территории России). Ее анализ показывает, что диалектную основу записанных примеров с большой долей уверенности можно определить как русскоцыганскую. В первой статье В. В. Шаповал обращается к практически неизученной проблеме восточнославянских диалектных заимствований в языке русских цыган. Такие заимствования с определенной долей осторожности позволяют делать предположения о пути миграции цыган по славяноязычной территории. В другой статье В. В. Шаповал ставит вопрос о корректности материала Цыганско-русского словаря 1938 г. (также частично затронутый в статье Л. Н. Черенкова) и разбирает значительное количество содержащихся в нем ошибок. Словарь 1938 г. до сих пор остается основным источником по лексике не только русскоцыганского, но и

[1] Подробнее см. К. А. Кожанов, С. А. Оскольская, М. В. Ослон. (2013). Рабочее совещание по цыганскому языку в России // *Вопросы языкознания* 2, 157–159.

сэрвицкого диалектов, и его критический анализ чрезвычайно важен для будущих исследований.

Во втором разделе разбирается языковой материал влашской диалектной группы. Две статьи анализируют грамматические проблемы на основе говора котляров-молдовая: в статье К. А. Кожанова рассматриваются типы модальных конструкций с глаголом-связкой ‘быть’ и развившийся из них ирреальный показатель *сahкэ*, а в статье С. А. Оскольской подробно разбираются употребления каритивной конструкции и обсуждается вопрос о морфологическом статусе единицы *би* ‘без’. Интересные данные о тайной лексике в рамках диалекта ловаров (чокещи) представлены в статье Г. Н. Цветкова.

Завершают сборник статьи, затрагивающие прикладные проблемы цыганского языкознания — использование цыганского языка в образовании (М. В. Смирнова-Сеславинская) и запись цыганской речи на письме на материале крымского диалекта цыганского языка (В. Г. Торопов, В. Б. Гумероглый).

Основная задача рабочего совещания состояла в объединении ученых, занимающихся цыганским языком на территории России, и в определении основных направлений развития лингвистического цыгановедения. Статьи, вошедшие в сборник, демонстрируют потенциальные пути дальнейших исследований — критический анализ имеющихся данных, поиск новых источников, описание вариативности в рамках одного диалекта, подробный грамматический анализ цыганских данных, описание плохо изученных диалектов и, наконец, развитие письменности и образования на цыганском языке.

При организации рабочего совещания и подготовке настоящего сборника неоценимую помощь оказали Н. А. Зиневич, М. В. Ослон, Л. Н. Черенков, которым редакторы хотели бы выразить искреннюю благодарность.

К. А. Кожанов, С. А. Оскольская, А. Ю. Русаков

Л. Н. Черенков

Москва

ЦЫГАНСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ

0. Введение

Цыганское население Российской Федерации для цыганологов (в последнее время очень политкорректно, но чрезвычайно неуклюже называемых ромологами) — бескрайнее, почти не вспаханное исследовательское поле. При относительно умеренном — в сопоставлении с территорией страны — числе лиц, декларировавших себя цыганами (по переписи 2010 г. 204 958 человек), имеется большое разнообразие цыганских субэтнических групп и, соответственно, диалектов. При этом некоторые цыганские диалекты (сэрвицкий, «влашский», ришарский, плащунский, крымскоцыганский; также литовскоцыганский и латышскоцыганский) встречаются только на территории бывшего СССР.

Цыгане распределены по территории Российской Федерации крайне неравномерно: больше всего их в южных областях России (в Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях), а меньше всего в северных административных образованиях (в Республике Коми, Республике Саха, Магаданской области и пр.). За Уралом от Тюмени вплоть до Дальнего Востока большинство цыган (вероятно, следуя старой традиции, утвердившейся еще в конце XVIII в.) предпочитают селиться в областях, расположенных неподалеку от Транссибирской железной дороги (а до ее постройки — от Сибирского тракта). Естественно, при переписях населения никогда не указывалась и не указывается принадлежность индивида к субэтническому подразделению, однако, основываясь на данных переписи по регионам, можно сделать осторожные, но близкие к правдоподобным выводы. Так, только в трех южных регионах России — в Ставропольском крае, Ростовской области и Краснодарском крае — по данным переписи 2002 г. проживало около 45 000 цыган, в то время как на огромной территории, охватывающей Зауралье, Южный Урал, всю Сибирь и Дальний Восток — только 29 000 цыган. Можно

предположить, что в перечисленных южных административных образованиях большинство цыганского населения составляли представители таких цыганских субэтносов как сэрвы и влахуря (хотя на западе Краснодарского края очень высок процент крымских цыган). В перечисленных выше восточных российских регионах большинство цыганского населения составляют, по-видимому, все-таки «автохтоны», т. е. сибирские цыгане, сформировавшиеся как отдельное субэтническое подразделение (северно)русских цыган в течение XVIII–XIX вв., хотя возможен и более поздний приток переселенцев из европейской части России (и СССР). Цыган Сибири изучал талантливейший цыганолог Валерий Иосифович Санаров, см. некоторые его работы [Sanarov 1967, 1970; Санаров 1971].

В то же время, на мой взгляд, нельзя рассматривать цыганские диалекты России в отрыве от диалектов цыган соседствующих с нашей страной новых государств, некогда входивших в СССР (Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Казахстана). Многие цыганские субэтнические подразделения живут по обе стороны новых государственных границ, а в отдельных районах России мы находим литовских, так называемых «польских» (т. е. западнобелорусских) и латышских цыган.

1. Цыганские диалекты России

Перед тем, как приступить к краткому описанию цыганских диалектов России, необходимо вспомнить различные классификации диалектов цыганского языка в Европе и, в частности, на нынешнем постсоветском пространстве (в России, странах СНГ и Балтии). Первым серьезную попытку такой классификации предпринял выдающийся австрийский языковед Франц Миклошич (Franz Miklosich) в своем ставшем классическим труде «О диалектах и миграциях европейских цыган» [Miklosich 1872–80]. Его классификация основана на истории проникновения цыганских групп в ареалы современного (Миклошичу) проживания и на фактах влияния на речь цыган языка нецыганского населения. Константинопольский врач Александр Паспати (Alexandre Paspati, Αλεξάνδρος Πασπάτης) в своей книге «Заметки о чингене, или цыганах Османской империи [Paspati 1870] применил другой принцип классификации, определяя границы описываемых им

цыганских групп и особенности их речи в зависимости от образа жизни (оседлого или кочевого) и вероисповедания (мусульманского или христианского). Известный британский цыганолог Бернард Джозеф Гиллиат-Смит (Bernard Joseph Gilliat-Smith) в статье «Доклад о цыганских племенах в Северной Болгарии» [Gilliat-Smith 1915: 1–54, 65–109] в значительной степени продолжил классификационные принципы Паспати, добавив к ним признак принадлежности к «влашским» (Vlach) и «невлашским» (non-Vlach) цыганам. В дореволюционной России не было ни одной публикации, посвященной классификации диалектов цыганского языка. Первую попытку классификации говоров южнорусско-украинских цыган сделал Алексей Петрович Баранников. В кратком варианте она представлена в его очерке «Об особенностях диалектов южных (украинских) цыган» в [Сергиевский, Баранников 1938]. Классификация основана на описании и анализе дифференцирующих признаков цыганских диалектов европейской части СССР (без прибалтийских стран). Этот же принцип применен в моей классификации, положительно оцененной в 1962 г. в частном письме ко мне Б. Дж. Гиллиат-Смитом и впервые опубликованной в книге [Вентцель 1964].

В данной статье я использую общепринятую в последнее время классификацию Ярона Матраса (Yaron Matras), представленной в частности в его работе «Классификация цыганских диалектов: географическо-историческая перспектива» [Matras 2005: 7–26].

1.1. Северо-восточные диалекты

На обширнейшей территории от Камчатки и Приморья до границ новых постсоветских государств с Польшей большинство, по нашему мнению, цыганского населения говорит на диалектах, входящих в северо-восточную группу. Совокупность этих чрезвычайно близких друг к другу и легко взаимопонимаемых диалектов с некоторой долей смелости можно квалифицировать как макродиалект с крупными локальными разновидностями, к которым относятся русскоцыганский, или севернорусский, диалект цыганского языка, включающий говоры (*северно*)*русских цыган* (*ру́сска* — а в западных районах Псковской области также — *халады́тка рома́*) с говорами *сибирских* цыган (*сибиря́ки, тоболя́ки*), диалект т. н. «польских» цыган (*по́льска рома́*) Западной Белоруссии и Латгалии, диалект литовских цыган

(*литóўска ромá*) в Литве и Калининградской области РФ и, наконец, диалект латышских цыган (*лотфи́тка/лотфи́ке ромá*) в трех разновидностях — курземской (*курзэмáки/курзэмниекэ́нги*), видземской (*видзэмáки/видзэмниекэ́нги*) и эстонской (*лāлō-ри́[т]ко*), происходящей от видземской. Русскоцыганские говоры юга Брянской области «плавно переходят» в т. н. «расейские» цыганские говоры Черниговской и Сумской областей Украины, а те, в свою очередь, — в диалект (говор) т. н. «гимпэнов», или «чернобыльцев», Киевской, Житомирской, Ровенской и Волынской областей Украины.

Изучение цыганского языка в России началось в 1851 г. написанием мещанином М. Григорьевым работы под названием «Формы и словарь цыганского языка» [Григорьев 1851]. Рукопись любительской грамматики М. Григорьева в данный момент готовится к публикации. В 1853 г. российский и немецкий ученый Отто фон Бетлингк (Otto von Böhtlingk), основываясь на работе Григорьева, опубликовал статью «О языке цыган России» [Boehtlingk 1853]. В 1900 г. Петр Серафимович Патканов[1] (Истомин), гитарист петербургских цыганских хоров и композитор, опубликовал «Грамматику и руководство к практическому изучению разговорной речи современных русских цыган» [Истомин (Патканов) 1900], в которой довольно удачно сделана попытка систематического описания диалекта русских («московских», по терминологии автора) цыган. Несколькими годами позже смоленский краевед Владимир Николаевич Добровольский опубликовал фольклорные записи «Киселевские цыгане. Вып. 1. Цыганские тексты» [Добровольский 1908], которые, несмотря на неудачную кириллическую транскрипцию и некоторые ошибки в записи живой речи, представляют непреходящий интерес как для современных исследователей севернорусского диалекта цыганского языка, так и для этнографов и фольклористов.

В 1926 г. комиссия, состоящая из ученых-языковедов и возглавляемая профессором Максимом Владимировичем Сергиевским, разработала принципы цыганской письменности на рус-

[1] Не следует путать этого автора с его дедом, знаменитым арменологом-иранистом Керопэ Петросовичем Патканом (Патканьяном) (1838–1899) — автором известного труда «Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи» [Патканов 1887].

ской кириллической основе и правила правописания, т. е. состоялись кодификация и нормирование севернорусского цыганского диалекта. С основными положениями предложенной нормы можно ознакомиться в книге [Сергиевский 1931]. В 1938 г. им же в сотрудничестве с академиком Алексеем Петровичем Баранниковым был выпущен в свет «Цыганско-русский словарь» [Сергиевский, Баранников 1938], где представлена лексика севернорусского, сэрвицкого и отчасти т. н. «влашского» диалектов. Подробного анализа заслуживает лексикологическое качество этого словаря, изобилующего множеством неточностей. В качестве примера можно упомянуть систематическое указание на принадлежность к женскому роду вместо мужского существительных с суффиксом *-ыма, -има*; смешение фрикативного *ґ* и взрывного *г*, например, *ґэралó* (должно быть *гэралó*) и *гужлó* ‘должен’ (должно быть *ґужлó*); неправильные ударения, например, *годлá* ‘крик’ (должно быть *гóдла, гóдлы*); неправильное, иногда дико звучащее для носителей языка словоупотребление (незнание семантики), например, *сарэ́ сы гужлэ́ тэ кэрэ́н бутьы́* ‘все должны трудиться’ (при том, что *гужло* ‘финансовый должник’), *ёй кэ́рла арманя́ прэ пэ́скирэ чяворэ́ндэ* ‘она дурно обращается со своими детьми’ (на самом деле — ‘она проклинает своих детей’), *адавá сыкáдыя мáнгэ пхарэ́ арманéнца* ‘это мне показалось грубым издевательством’ (на самом деле — ‘это показалось мне тяжелыми проклятиями’); увлечение созданием лженеологизмов при помощи фактически не употребляемых или употребляемых крайне редко русских глагольных префиксов — например, *изрикирибэ́(н)* ‘издержка’, *убарыдырякирэ́с* ‘увеличивать’ и мн. др. Особенно много неточностей, ошибок и даже фальсификаций содержится в части, представленной А. П. Баранниковым. Например, ученый «сконструировал» слово *впатяндэ́ тэ* ‘поверить’ (вместо *впатя́с тэ*), «восстановив» его из формы прошедшего времени из популярной цыганской частушки на русскоцыганском диалекте *манушá наговорúли, ту сарó патяндыя́н* ‘люди наговорили, ты всему порверил(а)’. У Баранникова дан несколько измененный текст *со ромá лэ́скэ пхэндэ́, ёв сарó впатя́ндыя* и перевод ‘он всему поверил, что ему сказали’ с утратой субъекта говорения — цыган (*ромá*). Лексема и форма прошедшего времени явно русскоцыганские (в южных диалектах должно было бы быть

впатяня́/*впатяля́*), что подтверждает и место записи лексемы — г. Льгов (сейчас в Курской области). Остается неясным, почему эта статья имеет звездочку, указывающую на южнорусско-украинское (читай сэрвицкое) происхождение. Примеров включения лексики других цыганских диалектов в «южнорусско-украинские» говоры в словаре немало, например, кэлдэрарское слово *фундáна* ‘палатка’. У кэлдэраров это слово имеет другое значение: ‘задняя часть палатки’ — и является дериватом от слова *фу́ндо* (< румынское *fund*) ‘дно’. Приведенный в словаре глагол *фурлазэ́ тэ* ‘стучать’ взят из песни, исполняемой на ловарском диалекте кэлдэрарами. В ловарском диалекте это слово имеет значение ‘закипать, исходить паром’ и восходит к венгерскому диалектному значению слова *forrazik* ‘кипеть’. Дело в том, что А. П. Баранников при составлении словаря активно пользовался собственными записями, которые он сделал во время диалектологических экспедиций в южную Россию и Украину. Среди этих записей, опубликованных в его книге на английском языке [Barannikov 1934], есть и кэлдэрарские материалы. Очевидно, Алексей Петрович решил «обогатить» словарь «старожильческих» диалектов за счет лексики «иностранных» цыган, однако столкнулся с определенными трудностями, не зная в полной мере морфофонемические особенности кэлдэрарского диалекта. В результате в словаре появился такой «перл» как *фурчо́* мн. *фурчэ́* ‘вилы’; *сáструнэ́ фурчэ́* ‘железные вилы’, который якобы наличествует в говорах южнорусско-украинских цыган. Слово взято из ловарской песни, записанной в Киеве в кэлдэрарском исполнении и помещенной в уже упоминавшейся англоязычной книге. Это небольшая баллада с традиционными клише: муж спрашивает жену, нет ли сзади погони, а та отвечает, что, мол, «едут, едут с железными вилами» и пр. По-цыгански (кэлдэрарски) это звучит как *сáструне́ фурче́нца* (прямая форма *фу́рчи* ‘вилы’, ед. ч. *фу́рка* ‘вилка’ (из румынского *furci*, ед. ч. *furcă* ‘то же’). А. П. Баранников решил снабдить «восстановленную» прямую форму исконной, т. е. индийской, акцентуацией, указав ударение на последнем гласном слова. К сожалению, этот пример не единичен, и весь словарь 1938 г. нуждается в тщательном анализе и ревизии[2].

[2] Об ошибках в словаре [Сергиевский, Баранников 1938] см.

После внушительного перерыва в 1964 г. была опубликована работа Татьяны Владимировны Вентцель «Цыганский язык (севернорусский диалект)» [Вентцель 1964], не содержащая, по сути дела, никаких новых сведений по сравнению с первой книгой по цыганскому языку 1931 г. ее учителя профессора Сергиевского. Ее книга в 1980 г. лейпцигским издательством была опубликована в переводе на немецкий язык [Wentzel 1980].

С середины 80-х гг. XX в. русскоцыганский диалект исследует Александр Юрьевич Русаков, опубликовавший у нас в стране и за рубежом несколько работ по данному диалекту, в том числе и языковые материалы, см. публикации в соавторстве с Фатимой Абисаловной Елоевой [Русаков, Елоева 1985, 1986]. В 2004 г. А. Ю. Русаков защитил докторскую диссертацию «Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе)» [Русаков 2004].

Диалектом севернорусских цыган занимается и Виктор Васильевич Шаповал, ср. некоторые из его работ [Шаповал 2007а], [Шаповал 2008]. В 2007 г. он опубликовал высококачественный труд «Самоучитель цыганского языка. Русска рома: севернорусский диалект» [Шаповал 2007б], как бы завершающий период аналитического описания и практического применения довоенной литературной нормы цыганского языка СССР.

Прекрасный анализ текстов на диалекте севернорусских цыган Псковщины и цыган, живущих в настоящее время в Псковской области и называющих себя лотфитка рома (т. е. ‘латышские цыгане’), но говорящих на диалекте т. н. «польских» цыган Западной Белоруссии и соседних районов восточной Латвии (Латгалии), содержится в опубликованной в 2006 г. книге Ольги Альбертовны Абраменко «Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русска и лотфитка рома)» [Абраменко 2006].

Завершая перечисление работ по русскому диалекту цыганского языка, отмечу, что, несмотря на кажущееся их обилие, об этом диалекте — и в особенности о его локальных разновидностях-говорах — известно очень мало. Отличия от преимущественно использовавшего в публикациях т. н. «московского» диалекта в говорах, например, брянских, вологодско-архангель-

---

статью В. В. Шаповала в настоящем сборнике — *примечание редакции*.

ских (*вэшы́тка ромá*) или сибирских цыган очевидны. Для языка брянских цыган, среди прочего, характерно существование отдельных форм настоящего и будущего времени, например, *кэрáв ададывэ́с* ‘делаю сегодня’ и *кэрáва тася́* ‘буду делать завтра’, форма *пхирáв* ‘хожу’ вместо более характерного для говора северно-русскоцыганского диалекта *псирáва*, некоторые особенности лексики. Очень интересны говоры сибирских цыган, которыми (в частности, красноярским говором) занимается Василий Александрович Бычков. Из известных неопубликованных работ В. А. Бычкова и материалов по алтайскому цыганскому говору, собранных В. И. Санаровым, явствует, что сибирские цыганские говоры по некоторым признакам сближаются с диалектом литовских цыган: форма *джювáва* вместо *живáва*, типично литовскоцыганское *гвалтынáва* ‘кричу’ вместо более характерного для севернорусского диалекта *дáва гóдлы*, полонизмы в лексике типа *патэ́льня* ‘сковорода’, сохранение лексемы *куты́* ‘мало, немного’ и т. д.

1.2. Северо-западные диалекты

В 1961 г. мне удалось встретить цыганку из субэтнического подразделения, называемого *сасы́тка ромá*, т. е. на диалекте польских, литовских и латышских цыган ‘немецкие цыгане’. В дальнейшем, когда я познакомился с ее родственниками, мне рассказали, что они происходят из Германии, долго жили в Польше вместе с польскими цыганами подразделения *босáки*, профессионально занимаясь музицированием на скрипках (*гáйги*) и арфах (*тáрпи*). Во время Первой мировой войны они были интернированы как германские подданные. После революции 1917 г. проживали в Республике немцев Поволжья, работая в ресторанах Саратова, а осенью 1941 г. были депортированы вместе с немецким населением в южный Казахстан. С 60-х гг. XX в. некоторые представители этого клана перебрались в г. Александров Владимирской области и в Москву. Их диалект несомненно принадлежит к северо-западной группе цыганских диалектов. Им известно название *сúнти* (в частности, *гāджкэнэ́*, т. е. ‘немецкие’, *сúнти*, к большой общности которых они себя относят), но они предпочитают именовать себя или *сасы́тка ромá*, или *прáйзи* ‘прусаки’. Диалект обладает всем набором характеристик, присущих диалектам цыган-синти в Германии, Австрии, Север-

ной Италии и т. д. Существуют некоторые отличия в лексике за счет бóльшего числа немецких заимствований (и цыганский диалект, и немецкий в новых условиях играли одну и ту же роль «тайного языка») и влияния польскоцыганских диалектов (например, потеря отдельной формы локатива и употребление в его функции аблатива — *паш мэ́ндэр* ‘у нас’, *ан коулэ́стэр* ‘в этом’). Диалект до сего времени не был объектом описания и изучения. Тексты (стихи Дуфуни Домбровского, записанные кириллицей) на этом диалекте можно найти в интернете (http://www.stihi.ru/avtor/dufunya).

1.3. Влашские диалекты

Чрезвычайно интересны и совершенно недостаточно изучены диалекты южнорусских и украинских цыган, переселившихся в XVIII–XIX вв., в основном, из Слободской Украины и в настоящее время населяющих центральные и южные области Российской Федерации — Курскую, Воронежскую, Белгородскую, Ростовскую, Волгоградскую, Астраханскую области, Краснодарский и Ставропольский края. Это, прежде всего, говоры цыган, известных в цыганском мире постсоветского пространства под именем сэрвы, или сэрвуря. Говоры находятся под угрозой вымирания, поскольку их носители для общения внутри цыганского сообщества уже давно стали предпочитать цыганской речи украинско-русский «суржик», даже на территории России (например, Белгородской и Ростовской областей). Естественно, говоры испытали огромное влияние украинского и в меньшей степени русского языков в фонетике, морфологии и особенно синтаксисе.

Исследователь Антон Тенсер (Anton Tenser) в 2006 г. на конференции в Праге в своем докладе, позднее опубликованном в виде статьи [Tenser 2012] утверждал, что сэрвицкий диалект похож на диалекты типа бургенландского цыганского — т. н. роман (Roman), основываясь лишь на одной особенности, общей для сэрвицкого, с одной стороны, и бургенландского цыганского, с другой, а именно, соответствия [s] = [h] в некоторых флексиях. Я считаю, что сэрвицкий диалект генетически связан с диалектами влашской группы. В пользу происхождения носителей сэрвицкого диалекта из румыноязычных областей говорит не только относительно большое количество в диалекте румынских заимствований: *дэму́т* ‘давно’, *дэнзо́р* ‘рано утром’, *динисар-* ‘думать’,

фа́ртэ ‘очень’, *гла́со* ‘голос’, *инте́*/*инке́* ‘еще’, *лю́мня*/*лю́мля* ‘мир, свет’, *лу́нго* ‘длинный, долгий’, *типисяв-* ‘кричать’ и мн. др. Диалект обнаруживает сходство с другими диалектами влашской группы и в фонетике (например, дифтонг *эй* вместо общецыганского *ай,* как в *чхэй*/*чэй* ‘дочь, девушка-цыганка’ или *дэй* ‘мать’), и в морфологии (суффикс *-исар-* для адаптации заимствованных глаголов, суффикс *-и́цко*, например, *руси́цко* ‘русский’, суффикс абстрактных существительных *-имо́*, например, *састимо́* ‘здоровье’), и в исконной лексике (например, *ама́л* ‘приятель, компаньон’, *андяр-* ‘везти’, *дуду́ма-*/*дэду́ма-* ‘говорить, разговаривать’ и т. д.).

Говор цыган-сэрвов Белгорода стал объектом внимания исследователей уже в конце XVIII в. Ученый-путешественник академик Василий Федорович Зуев достаточно подробно и, главное, внятно описал его в своих дорожных записях [Зуев 1787]. Очень обстоятельно сэрвицкие говоры на территории Южной России (в частности в нынешних Курской, Воронежской и Белгородской областях) и Украины в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. изучались уже упомянутым академиком А. П. Баранниковым. Результаты своих исследований сэрвицкого, «влашского» и «гимпэнского» диалектов он представил в книге [Баранніков 1933] и более широко и подробно в английском варианте [Barannikov 1934]. В последней книге приведены также записи «гимпэнского», «кишиневского» и кэлдэрарского диалектов, правда, со множеством ошибок в дешифровке, например, в кэлдэрарском тексте — *či γanosardén či yikti γayá* в латинской транскрипции А. П. Баранникова должно было бы выглядеть как *či γanosardém či yek tigáya* ‘я не вылудил ни одной кастрюли’.

Второй по численности и по распространенности субэтнической группой цыган, говорящих на одном из несомненно влашских диалектов, являются цыгане влахи, или влахуря. Этот субэтнос традиционно обитал в приднепровских областях Правобережной Украины, но затем в результате миграций распространился по всему ареалу проживания сэрвов. В некоторых южных областях России они составляют большинство цыганского населения.

Их диалект обнаруживает еще больше сходств с хорошо описанными влашскими диалектами (северной ветви), чем сэрвицкий диалект. В области фонетики таким сходством является

деаффрикатизация, т. е. переход исконных аффрикат [дж] и [чх] соответственно в [ж] и [ш] (с разной степенью палатализации), например, *жана́ў*/*жяна́ў* ‘знаю’, *жува́ў*/*жюва́ў* ‘живу’, *шаво́*/*шяво́* ‘сын, парень-цыган’, *шэй*/*шей* ‘дочь, девушка-цыганка’, *шури́*/*шюри́* ‘нож’. В области морфологии — окончание *-эм* в 1 л. ед. ч. прошедшего времени: *мэ тердэ́м, авиле́м, лем, дэм* ‘я сделал(а), пришел (пришла), взял(а), дал(а)’ и т. д. В лексике диалекта влахов больше румынских заимствований, чем в сэрвицком диалекте.

Оба вышеописанных диалекта объединяют особенности, которые А. Тенсер в описании цыганских диалектов Украины условно назвал «панукраинскими». К таким особенностям — кроме огромного украинского влияния на всех уровнях языка — он относит характерный для сэрвицкого и влашского диалектов переход [г] > [д’], [к] > [т’] (иногда [ц]) и [кх] > [т’х] (иногда [цх] или просто [ц], а у *влахов* иногда и [ч’]): в положении перед гласными э и *и*: *ма́нди* = *ма́нгэ* ‘мне (дательный падеж)’, *ту́ти* = *ту́кэ* ‘тебе (дательный падеж)’, *тиндо́м* ‘я купил(а)’ < *киндём*, *тьхэр/цхэр/цэр/чер* = *кхэр* ‘дом’.

Описание (далеко не полное и неверное) говоров «влахов» Правобережной Украины содержится в упомянутых публикациях А. П. Баранникова. Научных исследований, посвященных диалектам (говорам) «влахов», живущих на территории РФ, пока что издано не было.

В российском Донбассе (Ростовская область) и в соседних районах Украины существует немногочисленное цыганское подразделение ришяров/ричаров. Время появления их в данном ареале неизвестно, но некоторые особенности фонетики и лексики свидетельствуют в пользу генетического родства их диалекта с влашскими. При первом знакомстве с речью ришяров может создаться впечатление, что она идентична влашской, но на самом деле между этими двумя диалектами наряду с общими дифференцирующими характеристиками существуют и серьезные различия. Так, например, в ришярском диалекте отсутствует такая «панукраинская» особенность как переход [г’] > [д’], [к’] > [т’], [к’х] > [т’х], характерная и для сэрвов, и для влахов. В глаголах 1 л. ед. ч. прошедшего времени в ришярском диалекте употребляется окончание *-ом* с палатализацией предшествующего

согласного: *кэрдём* ‘я сделал(а)’, *авилём* ‘я пришел(а)’. В формах глаголов 2 и 3 л. мн. ч. прошедшего времени всегда употребляется «тематический» согласный *-н*: *авинэ́* ‘вы/они пришли’, *гинэ́-тар* ‘вы/они ушли’. В ришарском при образовании формы множественного числа заимствованных существительных мужского рода не употребляется румынский по происхождению суффикс *-уря*/*-уля*, как в сэрвицком и «влашском»: ришарское *бэя́ты* соответствует сэрвицкому и влашскому *бэя́туря* ‘дети’. Абстрактные существительные в ришарском образуются при помощи суффикса *-пэ* в отличие от *-мо* в сэрвицком и *-мос* во влашском, ср. риш. *гуглипэ́* = сэрв. *гуглимо́* = влаш. *гуглимо́с* ‘сладость’. Заимствованные глаголы употребляются альтернативно или с суффиксом *-ун*/*-ин*/*-ын*, или же без него, но с «тематическими» гласными *-о*/*-и*: *жалуна́ў* или *жало́й* ‘желаю’, *печатынэ́л* или *печато́й* ‘печатает’, *пиструнэ́с* или *пистро́с* ‘пишешь’. В ришарском лексические заимствования из румынского языка в большей степени фонетически идентичны оригиналу, чем у сэрвов и влахов.

Диалект практически не описывался из-за недостатка языкового материала (записей). Исключением является прочитанный мною доклад об этом диалекте [Черенков 2008]. Доклад был результатом анализа магнитофонных записей начала-середины 80-х гг. XX в. с устными текстами различного содержания — в основном этнографического и бытового. Запись (самозапись) проводила молодая (тогда около 18–20 лет) работница дирекции одного из совхозов Каменск-Шахтинского района Ростовской области — цыганка из ришарского клана *я́мпили*. Насколько мне известно, с тех пор ни в России, ни в Украине не появилось ни одной публикации по этому диалекту.

Все три вышепописанные диалекта испытали и испытывают огромное влияние украинского языка на всех языковых уровнях. Стоит еще отметить, что эти диалекты нигде, кроме Южной России и Украины, не встречаются.

К северным влашским диалектам относится диалект цыган кишиневцев *(кишынёвцуря)*. Предки этих цыган покинули территорию Бессарабии в середине или во второй половине XIX в. и стали кочевать по территории Украины и Южной России. В настоящее время «кишиневская» общность в Украине и России делится

на два больших подразделения: 1) таврических «кишиневцев» (*ла Тавриа́кэ*) в Украине и 2) донских (*брэздя́я*) «кишиневцев» в России. Судя по историческим, этнографическим и лингвистическим данным, современные украинские и русские «кишиневцы» происходят от одного из подразделений бессарабских цыган, говорящих на влашских цыганских диалектах, — лаешей. Их диалект отличается от современных влашских цыганских диалектов Республики Молдовы лишь бо́льшим количеством новых русских и украинских заимствований. Румынского (молдавского) языка даже представители старшего поколения «кишиневцев» практически не помнят, и некоторые румынские заимствования в их диалекте подверглись фонетической трансформации: *чинзе́ч* ‘пятьдесят’ < рум. *cincizeci*; *ґо́рба* ‘слово’ < рум. *vorbă*; *лу́нта* ‘свадьба’ < рум. *nuntă*.

Диалект никем и никогда в России и в Украине не описывался и не изучался. Мне удалось расшифровать с видеокассеты, любезно предоставленной мне исследователем Николаем Владиславовичем Бессоновым, речь «кишиневца» из подразделения («поколения») туркулешти. Анализ этого текста ждет своей очереди.

Конечно же, самым «ярким» представителем влашских диалектов северной ветви является в России и на всем постсоветском пространстве диалект цыган-кэлдэраров (или котляров)[3].

В России описанием и изучением кэлдэрарского диалекта занимался Роман Степанович Деметер и Лев Николаевич Черенков. В 1990 г. вышел под редакцией Л. Н. Черенкова «Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)»

[3] Предпочитаю этноним *кэлдэрары*, или *кэлдэраши*, по нескольким причинам: во-первых, он является интернациональным и понятен исследователям и самим цыганам этого субэтноса во всех странах их проживания; во-вторых, слово *котляры* все-таки является, прежде всего, профессионимом, семантика которого понятна и самим цыганам, и носителям русского языка — так же, как и *căldărari* в Румынии. Но за пределами Румынии и ареала распространения румынского языка слово *кэлдэрары*/*кэлдэраши* уже теряет функции профессионима и превращается в чистый этноним (чаще всего эндоэтноним). Неприязнь некоторых носителей кэлдэрарского диалекта к этому слову *(«кэлдэрарами нас называют только ловаря»)* вовсе не освобождает исследователя от обязанности последовательно употреблять этнонимическую терминологию.

[Деметер, Деметер 1990], собранный Романом Степановичем Деметером при помощи его брата Петра Степановича от их отца Степана (Ишвана) Петровича Деметера из вицы петрэшти (йонешти) нации вунгри. Словарь отображает состояние лексикона этого кэлдэрарского подразделения начиная с середины XIX в. и содержит также краткий грамматический очерк диалекта авторства Л. Н. Черенкова и Р. С. Деметера.

В 1999 г. Л. Н. Черенков написал и опубликовал в журнале «Grazer Linguistische Studien» «Краткую грамматику цыганского диалекта российских кэлдэраров (Eine kurzgefasste Grammatik des russischen Kalderaš-Dialekts des Romani)» [Tcherenkow 1999]. В. В. Шаповал в 2008 г. выпустил «Краткое руководство по цыганскому языку (кэлдэрарский диалект)» [Шаповал 2008]. В настоящее время Михаил Владимирович Ослон готовит к публикации монографию, в которой описывается грамматика кэлдэрарского диалекта цыганского языка в России. Ожидается продолжение исследований этого до сего времени хорошо сохранившегося цыганского диалекта, особенно таких его подразделений как *гре́куря*/*гр́куря* и *доброжя́я*.

В первой половине 70-х гг. XX в. В. И. Санаров прислал в Институт востоковедения АН СССР для рецензии рукопись — одну букву кэлдэрарско-русского словаря, созданного на основе говора подразделения грекуря (которые называли себя не кэлдэраря, а кэлдэраша). Рукопись дали мне, и я написал, разумеется, положительную рецензию, правда, с некоторыми мелкими замечаниями. Дальнейшая судьба рукописи мне не известна. Говор т. н. «греков» в лексике довольно существенно отличался от известных мне говоров «венгров» (*ву́нгри*) и «молдован» (*молдова́я*) и некоторыми своими особенностями напоминал говор кэлдэраров вицы трумпешти в Сербии, которые, кстати, тоже предпочитают называть себя кэлдэраша.

К той же северной ветви влашской группы диалектов цыганского языка принадлежит диалект цыган-ловаров (*лова́ра*). Это цыганское подразделение прибыло на территорию Российской империи (и позднее СССР) несколькими волнами.

Первая волна, возможно, прибыла с кэлдэрарскими потоками, поскольку у ловаров с кэлдэрарами всегда существовали тесные связи, включая матримониальные. Вторая волна последо-

вала за известными в Венгрии начала XX в. событиями, связанными с убийством в местности Даношпуста корчмаря-еврея, в котором подозревались кочевые «влашские» цыгане[4]. В 1939 г. после захвата Польши немецкими и советскими войсками ловары из этой страны переселились в СССР, в основном в Среднюю Азию. После войны большинство этих беженцев репатриировалось в Польшу, а затем значительное количество переселилось в Швецию.

Еще во время Гражданской войны в России часть ловаров переселилась в Югославию, в Воеводину, в район города Апатин. В 1943 г. немецкие оккупационные власти выслали их в Винницкую область Украины в концентрационный лагерь. Они были освобождены в 1944 г. Красной Армией и получили советское гражданство как репатрианты. В настоящее время, насколько мне известно, эта небольшая группа живет в г. Мытищи Московской области.

Российские ловары делятся на несколько групп, причем это деление определяется местом последнего проживания группы перед прибытием в Россию, например, *у́нгри* ‘венгры’, которые прибыли в Россию непосредственно из Венгрии позже других подразделений ловаров (похоже, что к ним по языку близки переселенцы из Воеводины). Лексикографией родного для него говора ловарского подразделения *чо̄кэ́шти (>чо̄кэ́щи)* занимался Георгий Николаевич Цветков, выпустивший в 2001 г. «Романэ ворби. Цыганско-русский словарь (ловарьский [так! — *Л. Ч.*] диалект)» [Цветков 2002]. Г. Н. Цветков также создает на этом диалекте поэтические и прозаические произведения.

В 2008 г. Павел Николаевич Череповский (Гизом) из Харькова выпустил в свет «Русско-ромский разговорник (ловарский диалект) = Русыцко-романо ворбитори (ловарицко шиб)» [Череповский 2008]. В «Разговорнике» представлен другой говор

[4] Отголоски этих событий долго оставались в памяти наших ловаров — в 1961 г. я записал от Иосифа Семенова (Нано Цыно) легенду о ловарском вайде Даноше, который, изнасиловав дочь-красавицу еврейского корчмаря, убил ее и ее отца, подпалил корчму и скрылся в неизвестном направлении с 24 товарищами (*биш-тай-шта́рэ пайта̄шэ́нца* — фольклорное клише!), а венгерские власти стали хватать по всей стране цыган, из-за чего ловары бежали в Россию.

ловарского диалекта. Говоры ловарского диалекта в России совершенно не изучены.

В 2009 г. вышел грамматический очерк ловарского диалекта, авторами которого являются Марианна Владимировна Смирнова-Сеславинская и Георгий Николаевич Цветков [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009].

К большому сожалению, все работы, вышедшие в последние десятилетия в России и посвященные ловарскому диалекту, грешат не совсем верным описанием фонетических особенностей этой разновидности влашско-цыганской речи. В них, в частности, совершенно не отмечается такая характерная черта ловарских говоров, как противопоставление гласных по долготе/краткости, что имеет фонематическое значение, например, *бāр* ‘сад’ и *бар* ‘камень’. Можно, конечно, иногда и пренебрегать выражением долготы/краткости (например, слово *āщéл* ‘остается, становится’ будет понятно и в том случае, когда начальный *а-* будет произнесен кратко). Но иногда это играет большую роль. Один мой ловарский собеседник никак не мог понять слово *тхāр* ‘коренной зуб’, так как я произносил его «по-кэлдэрарски» с кратким [а].

1.4. Балканские диалекты

Диалект крымских цыган — единственный на территории России, относящийся к южнобалканской группе. По лексике этого диалекта спорадически появлялись весьма краткие публикации в различных периодических изданиях. Капитально изучением диалекта субэтнической группы крымских цыган (*кырымлы́тика / кырымлы́с ромá*) занялся в 80-е гг. XX в. Вадим Германович Торопов, опубликовавший в 1994 г. брошюру «Крымский диалект цыганского языка» [Торопов 1994], а в 1999 г. — «Словарь языка крымских цыган» [Торопов 1999]. В. Г. Торопов, углубленно занимающийся также изучением фольклора крымских («татарских») цыган Кубани, является единственным компетентным специалистом по крымскоцыганскому диалекту не только у нас в стране, но и в мире. В 2010 г. он опубликовал на английском языке обобщающий труд [Toropov 2010]. Диалект очень интересен способами адаптации лексических и морфологических заимствований из языков Балканского полуострова, румынского языка и крымско-татарских диалектов.

1.5. Центральные диалекты

Единственный диалект, принадлежащий к северной ветви центральной группы и бытующий в течение длительного времени (предположительно с конца XVII в.) на значительном расстоянии от ареала распространения родственных ему моравско-словацких диалектов, — это диалект цыган-плащунов. Эти цыгане живут крайне немногочисленными группами в украинском Донбассе и по всей территории Российской Федерации. Несмотря на то, что плащунский диалект испытал сильное влияние со стороны украинского и русского языков и диалекта цыган-«влахов», с моравско- и словацко-цыганскими диалектами его сближает ряд хорошо сохранившихся общих для перечисленных диалектов особенностей в фонетике, морфологии и лексике. В фонетике это прежде всего употребление [ɾ], [й] или [Ø] в таких грамматических формах как совместно-орудийный падеж (инструментал) существительных обоих родов ед. ч. (*ромэ́йа* ‘(с) цыганом’, *ромня́йа* ‘(с) цыганкой’), в формах 2 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. глаголов будущего времени (*авэ́йа* ‘придешь’, *ава́йа* ‘придем’), в таких лексемах как *ɾар*/*ар* ‘как’, *ɾаво́*/*аво́* ‘какой’, в формах 3 л. глагола-связки — *(ɾ)и* ‘он/она есть, они суть’, (*ɾ)ис* ‘он был / она была / они были’. Окончание заимствованных существительных мужского рода в плащунском диалекте — *-ос* или *-ис*. В лексике у плащунов наличествуют заимствования из венгерского, например, *ɾйаба́скэ* ‘напрасно, зря’, (*й)и́гэн* ‘очень’, *лэкэто́ва* ‘фартук, передник’, *поɾа́рис* ‘стакан’, *фадина́ў-ман* ‘мерзну, замерзаю’ и др.), заимствования из южнославянских, например, *в(р)искин-* ‘кричать’, *ма́чка* ‘кошка’, *ни́што* ‘ничего’, лексика и формы слов, характерные для цыганских диалектов карпатского ареала, например, *вакер-* ‘говорить’, *ɾани́к* ‘колодец’, *дэмав-* ‘ударять’, *ка́мпэл* ‘нужно, необходимо’, *ли́чи* ‘дерево’, *лукусто́* ‘солдат’, *поцын-* ‘платить’, *ужар-* ‘ждать’, *худ-* ‘хватать, схватить’, *чи́рла* ‘давно’, *ярми́н* ‘капуста’.

Краткие материалы по этому диалекту были представлены на конференции и позже опубликованы [Cherenkov 2005]. В последнее время изучением этого диалекта занимался Кирилл Александрович Кожанов, прочитавший доклад о новых данных по диалекту плащунов в сентябре 2011 г. на Ежегодной встрече Общества по изучению цыган в Граце (Австрия) [Kozhanov 2011].

2. Перспективы изучения цыганских диалектов на территории России

Во-первых, для того, чтобы составить хотя бы предварительно представление о языке (диалекте, говоре), надо иметь образцы этого языка — тексты, собранные от (желательно компетентных) носителей языка. Совершенно необходимо иметь архив таких записей.

Во-вторых, мне кажется, что первоочередной задачей исследователей цыганского языка в России, пока живы носители говоров и диалектов, находящихся под угрозой исчезновения, является их описание (дескрипция) любыми доступными научными методами с применением любой (латинской или кириллической) адекватной транскрипции.

В-третьих, предстоит поработать с ономастикой, выработав единый корпус этнонимов, применяемых в цыганологических публикациях, поскольку русские традиционные этнонимы, с одной стороны, и цыганские эндонимы и экзонимы иногда существенно расходятся.

Эти три пункта и должны определять будущее цыганского языкознания в России.

Литература

Абраменко О. А. (2006). *Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русска и лотфитка рома)*. Санкт-Петербург: Анима.

Баранніков О. П. (1933). *Українські та південно-російські циганські діялекти*. Ленінград: Издательство Академии наук СССР.

Вентцель Т. В. (1964). *Цыганский язык. Севернорусский диалект*. Москва: Наука.

Григорьев М. (1851). *Формы и словарь цыганского языка*. Рукопись, хранящаяся в архиве Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.

Деметер Р. С., Деметер П. С. (1990). *Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)* / Под ред. Л. Н. Черенкова. Москва: Русский язык.

Добровольский В. Н. (1908). *Киселевские цыганы*. В. 1. Цыганские тексты. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Елоева Ф. А., Русаков А. Ю. (1985). Материалы по севернорусскому диалекту цыганского языка. I // *Лингвистические исследования* 1985. Москва: ИЯ АН СССР, 89-95.

Елоева Ф. А., Русаков А. Ю. (1986). Материалы по севернорусскому диалекту цыганского языка. II // *Лингвистические исследования* 1986. Москва: ИЯ АН СССР, 80-84.

Зуев В. Ф. (1787). *Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году*. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Истомин (Патканов) П. С. (1900). *Цыганский язык*. Грамматика и руководство к практическому изучению разговорной речи современных русских цыган. Москва: Русское товарищество печатного и издательского дела.

Патканов К. П. (1887). *Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Русаков А. Ю. (2004). *Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе)*. Докторская диссертация. Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

Санаров В. И. (1971). Проблемы историко-этнографического изучения цыган // *Советская этнография* 3: 59–67.

Сергиевский М. В. (1931). *Цыганский язык*. Краткое руководство по грамматике и правописанию. Москва: Центриздат.

Сергиевский М. В., Баранников А. П. (1938). *Цыганско-русский словарь*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. (2009). Грамматика цыганского языка (Диалекты ловаря и кэлдэраря, с опорой на диалект ловаря) // Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. *Межкультурная русско-цыганская коммуникация*. Москва: ЦНПО, 218–425.

Торопов В. Г. (1994). *Крымский диалект цыганского языка*. Иваново: Ивановский государственный университет.

Торопов В. Г. (1999). *Словарь языка крымских цыган*. Иваново: Ивановский государственный университет.

Цветков Г. Н. (2001). *Романэ ворби. Цыганско-русский словарь (ловарьский диалект)*. Москва: Апостроф.

Черенков Л. Н. (2008). *Диалект цыган-ришяров*. Доклад, прочитанный на 8-ой Международной конференции по цыгановедению, Санкт-Петербург.

Череповский П. Н. (2008). *Русско-ромский разговорник (ловарский диалект). Русыцко-романо ворбитори (ловарицко шиб)*. Харьков: Прапор.

Шаповал В. В. (2007а). Цыганские элементы в русском воровском арго? (размышления над статьей акад. А. П. Баранникова 1931 г.) // *Вопросы языкознания* 5, 108–125.

Шаповал В. В. (2007б). *Самоучитель цыганского языка (русска рома: севернорусский диалект)*. Москва: АСТ.

Шаповал В. В. (2008). Переоцінка внеску українського циганського діалекту до російського злодійського жаргону у світлі критики сумнівного джерела 1927 р. // *Наукові записки*. Збірник праць молодих вчених та аспірантів 15, 504–516.

Barannikov A. P. (1934). *The Ukrainian and South Russian Gypsy Dialects*. Leningrad: Publishing Office of the Academy.

Boethlingk von O. (1853). Ueber die Sprache der Zigeuner in Russland // *Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Pétersbourg* 10 (1–3), 217–219.

Cherenkov L. N. (2005). The Plaščuny and their dialect. Preliminary notes // Schrammel, B., D. W. Halwachs, G. Ambrosch (eds.). *General and applied Romani linguistics*: Proceedings from the 6th International Conference on Romani Linguistics. Munich: Lincom Europa, 43–47.

Gilliat-Smith B. J. (1915). A report on the Gypsy tribes of North East Bulgaria // *JGLS*, new series, 9: 1-54, 65–109.

Kozhanov K. (2011). *Notes on the Plaščuny dialect in Russia*. A talk given at The Annual Gypsy Lore Society Meeting, 1–3 September 2011, Graz, Austria.

Miklosich von F. (1872–1880). *Über die Mundarten und Wanderungen der Zigeuner Europas*. T. I–XII. Wien.

Matras Y. (2005). The classification of Romani dialects: A geographic-historical perspective // Schrammel B., Halwachs D. W., Ambrosch G. (eds.) *General and applied Romani linguistics*: *Proceedings of the Sixth International Conference on Romani Linguistics*. Munich: Lincom Europa, 7–26.

Paspati A. G. (1870). *Études sur les Tchinghianés ou Bohémiens de l'Empire Ottoman.* Constantinople.

Sanarov V. (1967). Chez les Bedoni de la ville de Tioumen // *Études Tsiganes* 1–2, 5–12.

Sanarov V. I. (1970). The Siberian Gypsies // *JGLS*, Ser. 3, 49: 128–136.

Tcherenkov L. N. (1999). Eine kurzgefasste Grammatik des Russischen Kalderaš-Dialekts des Romani // *Grazer Linguistische Studien* 50, 131–166.

Tenser A. (2012). A report on Romani dialects in Ukraine: Reconciling linguistic and ethnographic data // *Romani Studies* 5, Vol. 22, No. 1, 1–13.

Toropov V. G. (2010). *Crimean Roma*: *Language and Folklore*. Ivanovo: Unona.

Wentzel T. (1980). *Die Zigeunersprache (Nordrussischer Dialekt)*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.

ДИАЛЕКТ РУССКИХ ЦЫГАН

И. Ю. Махотина

Тверь

ДИАЛЕКТ РУССКИХ ЦЫГАН В ОЧЕРКЕ Ж. ЛЕКУЭНТА ДЕ ЛАВО (1827)[1]

Оживление цыгановедческих исследований, происходящее в последнее десятилетие в России, привело к открытию большого объема новых материалов, в том числе источниковых[2]. В настоящей статье анализируется запись русскоцыганского диалекта, сделанная в 1827 г., т. е. почти на десять лет раньше заметок Дж. Борроу[3].

Очерк «Цыганы» Ж. Лекуэнта де Лаво, написанный в 1827 г. и изданный в 1829 г. в составе «Путеводителя по Нижнему Новгороду и ежегодно бывающей в нем ярмарки» [Лекоент де Лаво 1829: 95–106][4], не подвергался анализу спе-

[1] Полный анализ источника см. в [Махотина 2013].

[2] См., например, [Абраменко 2006; Петрович 2007; Toropov 2010; Бессонов 2011; Цветков, Смирнова-Сеславинская 2012]. Подробнее о текстовых источниках и их публикациях см. [Смирнова-Сеславинская 2012: 188–200].

[3] Старейшим образцом цыганской речи в кириллической записи предположительно являются материалы академика П. С. Палласа (диалектное распределение материала не уточнено) [Паллас 1787–1789; Шаповал, рукопись]. Фрагментарные записи английского миссионера Дж. Борроу, сделанные в 1835 г. в Москве [Борроу 1837: 121; Борро 1841: 676; Borrow 1846: 6], ранее считались первой фиксацией диалекта русских цыган. Первым полноценным описанием севернорусского диалекта стала любительская грамматика московского мещанина М. Григорьева [Григорьев 1851], часть которой издана в научном сообщении О. Бётлингка [Boehtlingk 1853].

[4] См. также в [Богородицкая 2000: 25–53], репринт [Лекоент де Лаво 2012].

циалистов-цыгановедов[5], между тем собранный автором материал включает интересные этнографические наблюдения, а также небольшой (52 лексемы, 57 словоформ), но довольно точный словарик языка *русских цыган*[6].

Ж. Лекуэнт де Лаво[7] (Georges Etienne François Lecointe de Laveau, 20.04.1783 — не ранее 1833 [GENEANET]), или Егор Иванович Лаво, — французский литератор[8], переводчик[9], книговед и исследователь русской истории ([Lecointe de Laveau 1814]; [Lecointe de Laveau 1818]; [de Laveau 1820]; [le Cointe de Laveau 1824]; [Лекоент де Лаво 1824]), публиковавшийся на французском, русском и итальянском языках, секретарь иностранного отдела Императорского Московского общества испытателей природы [Quérard 1833: 57], издатель ежемесячного журнала

[5] Публикация Лекуэнта де Лаво не отмечена в библиографии А. В. Германа [Герман 1930]. Как анонимный труд указана, но ни разу не цитируется, в библиографии Т. А. Щербаковой, см. [Щербакова 1987: 158].

[6] *Русские цыгане* (самоназвание *ру́сска ромá*) — наиболее ранняя по времени прибытия и самая многочисленная группа российских цыган. Занятия группы включали барышничество, гадание и попрошайничество, кроме того, распространие музыкального исполнительства русских цыган привело к появлению в конце XVIII в. профессиональных хоров, имевших огромное значение для русской культуры. Культура русских цыган испытала наибольшее влияние русской традиции, вместе с тем это одна из наименее изученных субэтногрупп.

[7] Существует несколько вариантов передачи этого имени в русской транскрипции: Г. Делаво [Лекуэнт де Лаво 1808], Г. Лекоента де Лаво [Лекоент де Лаво 1824; Лекоент де Лаво 1829], Лекуэнт Делаво [Осповат 2007: 87].

[8] О предположительном влиянии романа Лекуэнта де Лаво «Дмитрий и Надежда, или Замок на берегу Урала» [Лекуэнт де Лаво 1808; Lecointe de Laveau 1808] на сюжет повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» см. [Левин 1996: 326–331; Осповат 2007: 87–90].

[9] Лекуэнт де Лаво перевел роман английской писательницы Элизабет Ганнинг «Графиня-цыганка» (1799) [Gunning 1802] и путевые заметки М. Н. Муравьева-Карского [Mouraviev 1823] на французский язык; кроме того, он выступил издателем исторического труда Д. Н. Бантыш-Каменского на французском языке [Bantisch-Kamensky 1829].

«Bulletin du Nord»[10], выходившего в Москве с января 1828 по декабрь 1829 гг.

В России Лекуэнт де Лаво публиковался с 1808 по 1835 гг., а к моменту подготовки путеводителя находился в нашей стране около двадцати лет, но не завел здесь семейных связей[11].

Очерки «Цыганы» и «Прогулка по Нижегородской ярмарке» — своего рода занимательное приложение к историко-статистическим материалам основной части путеводителя, в которой автор неоднократно ссылается на печатные источники и документы на русском и немецком языках [Лекоент де Лаво 1829: 14, 47, 66, 94].

В очерке «Цыганы» автор приводит как данные о происхождении цыган (вероятно, почерпнутые из зарубежных публикаций, которые еще предстоит установить)[12], так и общие сведения о положении цыган в России, их быте, нравах, религии, занятиях и взаимодействии с окружающим населением, например: «Торговля лошадьми есть единственная отрасль промышленности их [цыган — *И. М.*], которая доставляет им средство платить за убогое убежище во время жестокой стужи продол-

[10] «Bulletin du Nord. Journal scientifique et litteraire, contenant: des memoires et notices, des analyses et extraits d'ouvrages nouveaux, des varietes et melanges, des annonces bibliographiques» («Северный вестник. Научный и литературный журнал, содержащий: записки и заметки, разборы и отрывки из новых книг, разные сведения и библиографические объявления»), см. [Сперанская 2005: 19–20].

[11] 26 января 1806 г. в Москве Лекуэнт де Лаво вступил в первый брак с соотечественницей Александрин-Мари Морманн, второй брак был заключен также с француженкой Луиз-Августин Кабо д'Эпревилль, в Париже 25 мая 1833 г. [GENEANET].

[12] Следует отметить, что в тексте нет указаний на возможное знакомство автора с русскими пересказами работы Грельмана [О происхождении 1794] или переведенным с польского языка исследованием И. Даниловича [Данилович 1826], а также с официальными документами, касающимися цыган. В сноске на с. 101 автор упоминает историков в контексте немецких цыган («По мнению, принятому некоторыми учеными, германские цыгане происходят от касты, высланной Тамерланом из Индии около 1409 года»), а в сноске на с. 103 касается известной истории о хоровой цыганской певице Стеше и итальянской оперной диве Каталани без ссылки на очерк П. П. Свиньина [Свиньин 1822: 394–402].

жительной зимы. Ненавидимые жителями сел, они охраняются в деревнях только одним суеверием, где почитают их за людей сверхъестественных, ибо они умеют предсказывать будущее»[13] [Лекоент де Лаво 1829: 98].

Нельзя не отметить весьма доброжелательный для своего времени тон очерка. Автор снисходителен и лишен распространенных предрассудков по отношению к цыганам, к примеру: «Они не имеют более отечества на земле, но оно существует еще в их понятиях, в то время, когда невежество и суеверие страшились колдовства и злотворства, тогда нередко они платили своею жизнию за горестные преимущества, не принадлежащие ни к какому обществу, и если гораздо позднее их терпели, то только удручая презрением, которое сделалось как бы следствием врожденного порока, наследием, переходящим от отца к сыну; сперва скитаясь из страны в страну по привычке и по вкусу, впоследствии они по необходимости сделались кочующими, ибо от них запирали ворота городов. Невозможно было, чтобы люди, которых расположение гражданского начальства беспрестанно преследовало, не привыкли, наконец, жить в беспрестанном нарушении сих строгих мер, и чтобы они, будучи без причины обвиняемы, не приняли, наконец, такого рода жизни, в котором бы дерзость побеждала силу, а хитрость законы» [Лекоент де Лаво 1829: 96–97].

Лекуэнт де Лаво различает «кочующих» и городских оседлых («сидячих») цыган. Именно с последними преимущественно связаны его наблюдения. Таким образом, вывод о том, что именно хоровые русские цыгане могли быть информантами собирателя, напрашивается сам собой. Автор коротко высказывается о хоровом исполнительстве и пляске, довольно ценным представляется беглое описание быта и особенностей отношений между членами цыганских хоров: «Та, которая по причине болезни или старости, лишится возможности споспешествовать благу общества, где бывает оставлена своими подругами, продолжает разделять плоды их трудов и бережливости; ибо между ими всё есть общее, как богатство, так и бедность, как радость, так и горесть»[14];

[13] Здесь и далее цитаты даны по правилам современной орфографии.

[14] О том, что до революции 1917 г. на попечении хоров находились сироты и престарелые исполнители, потерявшие возможность себя

«Зимою они живут в городах и с большим трудом снискивают себе пропитание, но за то они вознаграждают сие бедствие летом во время своих поездок на ярмарке, где им нередко случается собирать от 5 до 600 руб. в один вечер. Обыкновенно самолюбие их слушателей увеличивает их сборы, ибо каждый имеет полное право давать им, сколько сам захочет. Иногда, продолжив удовольствие вечеринки, веселый хозяин, несмотря на свое достоинство, берет их за руки, когда они ходят сбирать награждение за доставленное удовольствие; в таком случае, если их сбор не утроится, то верно удвоится» [Лекоент де Лаво 1829: 99–100, 104]. Не остается без внимания автора и нравственный облик хористок: «Воздержание, столько редкое между их мужчинами, есть как особенная принадлежность их женщин, и если которая из них откажется от сей редкой добродетели, то она не может более принадлежать к сему обществу, в коем может нарушить согласие и расстроить выгоды. Спокойные среди распутства, которое царствует вокруг их и одушевляется их песнями, они сохраняют такую скромность, которая уже не один раз возжигала сильнейшие страсти»[15] [Лекоент де Лаво 1829: 99]. Любопытно замечание Лекуэнта де Лаво о внешнем облике городских цыганок: «…их одеяние вообще не представляет чувствительной разницы с одеянием прочих женщин государства, однако ж оно всегда имеет какое-нибудь особенное народное отличие, которое состоит менее в разности одежды, нежели в способе носить ее. Таким образом, встречаешь цыганок, на которых платок лежит на плечах, как распущенный плащ; но каким бы образом они ни оделись, невозможно их не узнать» [Лекоент де Лаво 1829: 100].

Завершается очерк упомянутыми лингвистическими заметками: «Их язык, имеющий сильное ударение, есть не иное что, как передаточный идиом; и великие возмущения, которые он испытал от смешения с разными азиатскими и европейскими наречиями, кажется, противятся отысканию его происхождения.

обеспечивать, сообщают цыганские мемуаристы, представляющие известные артистические династии [Панков 1950-е: 20; Сорокина 1966: 95; Ром-Лебедев 1990: 92].

[15] О воздержанности хоровых цыганок много позднее писал в книге «Путешествие в Россию» (1867) соотечественник Лекуэнта де Лаво Теофиль Готье, см. [Готье 1988: 371].

Большая часть их глаголов, кажется, должны быть недостаточными[16], и я всегда тщетно старался заставить их проспрягать мне хотя один целый глагол. Их спряжения означаются переменою окончаний; таким образом, глагол их *комама*, любить в других временах имеет *Комулса*, *Комуила*, *Камасса, Камена* и пр. Многие слова перешли в их язык из других, почти без всякой перемены или только с весьма нечувствительными изменениями; я приведу для примера следующие слова: Porte, дверь, имеет у них тоже значение, какое на французском языке; также как и слово пипка, которое, кажется, произведено от французского *pipe*, трубка; между словами, взятыми из немецкого языка, замечательные Штубе (Stube) комната и Штуло (Stule) стул; а слово: река, *Дада*, (отец), *мас*, (мясо), *скамине* (стол), *чара* (чашка), *синио, желто*, и пр. взяты из русского языка. *Форо*, город, кажется, есть испорченное латинское слово *forum*. Другие выражения, кажется, произошли от древних языков, как то можно видеть из слова *Кер*, дом. Наконец в их языке есть слова первообразные и, кажется, принадлежащие языку первобытному <…>. Пишут они обыкновенно буквами, какие употребляет тот народ, у которого они живут» [Лекоент де Лаво 1829: 104–106].

Материал мог быть собран от нескольких информантов, в том числе, от носителей разных диалектов (севернорусского и сэрвицкого). Между тем следующий далее комментарий[17] базируется на предположении, что в основе записей — диалект русских цыган (в таблице сохранен авторский курсив, скобки, пробелы, написание слов с заглавной буквы):

[16] Под этим определением автор, вероятно, понимает нерегулярно образуемые формы (т. н. неправильные глаголы).

[17] При комментировании «словаря» Лекуэнта де Лаво используются данные словарей: [Miklosich 1872; Сергиевский, Баранников 1938; Boretzky, Igla 1994] и лексической базы [ROMLEX].

№	В ТЕКСТЕ ДЕ ЛАВО [Лекоент де Лаво 1829: 104-106]			ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ			
	цыг. слова	*перевод*	*этимология*	*цыг. слова*	*перевод*	*этимология*	*ссылка*
1	*комама*	любить	—	*кама́-м(а)*[18]	люблю досл. хочу	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 318]
2	*Комул-са*		—	*камэ́са*	любишь		
3	*Кому-ила*		—	*камэ́ла*	любит		
4	*Камас-са*		—	*кама́са*	любим		
5	*Камена*		—	*камэ́на*	любите, любят		
6	*Porte*	дверь	франц.?	*по́рта*	ворота	греч. πόρτα ‘дверь, ворота’	[Mānušs 1997: 103]
7	пипка	трубка	франц. pipe	*пи́пка*	трубка, ветка[19]	нем.[20]	

[18] О возможном существовании формы с конечным *а* в XIX в. см. [Шаповал 2007: 35].

[19] В таком значении слово употребляется во фразеологизме *Пэ пи́пка кхнэ́ла* ‘На ладан дышит’, букв. ‘На веточку гадит’, зап. И. Ю. Махотина от Р. П. Золотаревой, 1942 г. р., русской цыганки из рода «бычки́» («бычкэ́нгирэ»), Тверь, 2010. [Махотина 2010: 127].

[20] Суффикс *-к-* указывает на то, что слово было заимствовано из славянского языка или, если было заимствовано напрямую из немецкого, было позже адаптировано по славянской модели, ср. белор. *пі́пка* ‘курительная трубка’. В свою очередь славянские языки заимствовали его из немецкого, см., например, [ЭСБМ 2004: 135–136].

8	*Штубе*	комната	нем. Stube	*шту́ба*	комната	нем. *Stube* уст. ‘комната’	
9	*Штуло*	стул	нем. Stule	*шту́ло*[21]	стул	нем. *Stuhl* ‘стул’	
10	*река*	река	рус.	*рэ́ка*	река	слав.	
11	*Дада*	отец	русск.	*дад*	отец	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 315]
				да́до	отец — зват. п.		
12	*мас*	мясо	русск.	*мас*	мясо	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 321]
13	*скамине*	стол	рус.	*сками́нд*	стол	греч. σκαμνί ‘табурет, скамеечка’	[Boretzky, Igla 1994: 337]
14	*чара*	чашка	рус.	*чаро́*[22]	чашка, миска	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 314]
15	*синио*	—	рус.	*си́нё*	синий	рус.	
16	*желто*	—	рус.	*жё́лто*	желтый	рус.	
17	*Форо*	город	лат. forum	*фо́ро*	город	греч. φόρος	[Boretzky, Igla 1994: 334]
18	*понори*	вода	—	*панори́* диминут. от *паны́*	вода	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 322]
19	*кер*	дом	—	*кхэр*	дом	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 320]

[21] Стоит отметить, что это чуть ли не единственное фиксирование слова с начальным *ш-*, обычно *сту́ло*.

[22] Приведенное в [Сергиевский, Баранников 1938: 148] ударение на первый слог *чя́ро*, видимо, является ошибкой.

20	*вонеме-ро*	дерево	—	[?] *парамаро́* парно+маро (белый+хлеб)	пирог	индоар.	
				[?] *bohémien*	цыган, цыганский	франц. *Bohémien* ‘цыган’	
21	*манум*	мужчина	—	*мануш*	человек, мужчина	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 321]
22	*джювли*	женщина	—	*джювлы́*	женщина	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 316]
23	*тикни тшеи*	молодая девушка	—	*тыкны́*	маленькая	индоар	[Boretzky, Igla 1994: 327]
				чяй, щей	девочка	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 55]
24	*Болубеи*	Небо	—	*болыбэ́н*	небо	индоар	[Boretzky, Igla 1994: 313]
25	*дайа*	мать	—	*дай*	мать	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 315]
				да́йо	мать — зват. п.		
26	*и эда*	платье	—	*и́дя*	одежда	греч. γίδια ‘козлята, козья шкура’	[Mānušs 1997: 66]
27	*дикло*	платок	—	*дыкхло́*	платок	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 317]
28	*стади*	шапка	—	*стады́*	шляпа	греч. σκιάδι ‘неболь шая тень’	[Boretzky, Igla 1994: 264]

29	*граи*	лошадь	—	*грай*	конь	армянск. *grast*	[Boretzky, Igla 1994: 332]
30	*грувни*	корова	—	*гурувны́*	корова	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 317]
31	*бакро*	баран	—	*бакро́*	баран	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 312]
32	*джукал*	собака	—	*джюкэ́л*	собака	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 316]
33	*парно*	белый	—	*парно́*	белый	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 322]
34	*кало*	черный	—	*кало́*	черный	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 318]
35	*лобо*	красный	—	*лоло́*	красный	индоар	[Boretzky, Igla 1994: 321]
36	*рои*	ложка	—	*рой*	ложка	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 325]
37	*маро*	хлеб	—	*маро́*	хлеб	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 321]
38	*пара-маро*	белый хлеб	—	*парама-ро́* из *парно* ‘белый’ + *маро* ‘хлеб’	пирог	индоар.	
39	*чури*	ножик	—	*чюри́*	ножик	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 315]
40	*чирико-ро*	птица	—	*чирикло ро́* диминутив от *чирикло́*	птица	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 314]

41	*васте*	рука	—	*васт*	рука	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 328]
				васта́	руки		
42	*шеро*	голова	—	*шэро́*	голова	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 326]
43	*гуерои*	нога	—	*гэро́й*	нога	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 317]
44	*нак*	нос	—	*накх*	нос	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 322]
45	*му*	рот	—	*муй*	рот	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 322]
46	*и акх*	глаз	—	*йакх*	глаз	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 318]
47	*и акха*	глаза	—	*йакха́*	глаза		
48	*серен*	все	—	*сарэ́*	все	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 255, 257, 325]
				сарэ́н	всех (вин. пад.)		
49	*скинава*	покупать	—	*скина́ва* от *кина́ва* ‘покупаю’	скупаю	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 319]
50	*бакнава*	продавать	—	*бик(и)-на́ва*	продаю	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 313]
51	*девел*	Бог	—	*Дэвэ́л*	Бог	индоар	[Boretzky, Igla 1994: 315]
52	*кирвори*	табак	—	*киркори́* диминутив от *кирки́*	табак	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 319]
					досл. горькая		
53	*джиава*	идти	—	*джя́ва*	иду	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 316]
54	*а и*	да	—	*аи́*	да	?	

55	*на*	нет	—	*на*	нет	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 322]
56	*мелдия*	*пирог*	—	[?] шутка информанта: *мэл дыя́*	грязь <он(а)> дал(а)		
				[?] *mariklia* мн. ч. от *мариклы́*	блины, лепешки	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 177]

Итак, за исключением двух словоформ (№ 20 — *вонемеро*, № 56 — *мелдия*), идентифицировать которые с полной уверенностью не удалось, точность записи и перевода весьма высока[23], а предположения о происхождении слов достаточно корректны. Памятуя о национальности собирателя, логично допустить, что изначально слова были зафиксированы латиницей по правилам французского языка. Так, *e* на конце слова в №№ 13 и 41 и удвоение *c* в № 4 можно связать с правилами чтения во французском языке (*e* в конце слова не читается; одно *s* между гласными читается как *z*; ошибки в №№ 35 и 52 могут являться следствием смешения *b*/*l* и *v*/*k*; буквосочетания *ул* (*ul*), *уи* (*ui*), *уе* (*ue*) соответственно в №№ 2, 3, 43 и букву *у* (*u*) в № 24 можно истолковать как попытку передачи латиницей звука [ы], в этом случае ошибка в № 2 — смешение *l*/*i*. Однако замечание об употреблении цыганами алфавита окружающего населения, предположительно указывает на то, что Лекуэнт де Лаво прибегал и к некой форме письменного опроса[24].

[23] По сравнению с другими бессистемными слуховыми записями, сделанными людьми, не владеющими цыганским языком. Ср., например, публикации К. М. Голодникова и А. А. Григорьева [Голодников 1884: 53, 57–58; Григорьев 1915: 46–48]. Расшифровки ряда текстов, зафиксированных последними, см. в [Махотина 2012: 73, 80, 89].

[24] По результатам анализа М. В. Сеславинской данных переписи населения 1897 г., большая часть грамотных цыган Великороссии была «грамотна на русском языке». См. сноску 6 в статье [Смирнова-Сеславинская, настоящий сборник].

При реконструкции были учтены возможные ошибки, связанные с недостатком наблюдения (например, в словах №№ 27 и 44 не обозначаются придыхательные), ошибки, допущенные не владеющим цыганским языком собирателем при переписывании собственных записок или наборщиком, к погрешностям которого может относиться смешение *о*/*а*, *м*/*ш*, *и*/*н*, *а*/*и* (соответственно в словоформах №№ 18, 21, 24, 50).

На принадлежность словаря диалекту северо-восточной диалектной группы указывает ряд языковых особенностей: 1) окончание в слове *камам(а)*; 2) слова: а) *аи* ‘да’ (также употребляется в диалекте сэрвов [Сергиевский, Баранников 1938: 8]) б) *грай* ‘конь’ в) *скаминд* в значении ‘стол’ (то же значение имеет в диалекте сэрвов [Сергиевский, Баранников 1938: 126]); 3) славянская префиксация в слове *скинава* (характерна и для сэрвицкого диалекта, однако в раннем источнике диалекта сэрвов не отмечена [Зуев 1787: 180–182]); 4) адаптированные заимствования из русского языка — *си́нё, жё́лто*. В то же время пример № 23 — словосочетание *тикни тшеи*, с большей вероятностью реконструируемое как *тыкны щей*, нежели русскоцыганское *тыкны чяй,* может указывать на влияние фонетики диалекта сэрвов[25]. В этом смысле сомнения вызывают также примеры №№ 22 — *джювли*, 27 — *дикло*, 28 — *стади*, 30 — *грувни*, которые также можно рассматривать в качестве инодиалектных вкраплений, если понимать *и* как указание на смягчение согласных. Впрочем, есть всего лишь одна словоформа, наводящая на мысль, что информантами собирателя были носители разных диалектов, а отсутствие букв *ы* и *э* в записях позволяет говорить об иных проблемах фиксации. Такие особенности записи, как написание *и* вместо *ы* в слофовормах №№ 22, 23, 27, 28, 30, *и* вместо *й* в №№ 21, 27, 34, 41 и *е* вместо *э* в №№ 5, 10, 19, 24, 48, 51, можно идентифицировать как упущения при транслитерации, связанные с тем, что во французской транскрипции *й*/*и*/*ы* и *е*/*э* не различаются и отображаются как *i* и *e* соответственно. Таким образом, если предполагать неразличение в записи *й*/*и*/*ы* и *е*/*э*, диалект записей точно опознается как севернорусский.

[25] Ср. *дшей*/*тчей* ‘дочь’ в раннем источнике диалекта сэрвов [Зуев 1787: 180, 182].

Мы видим, что, хотя основной массив данных можно предварительно отнести к русскоцыганскому диалекту, имеется ряд вопросов, связанных как с оценкой материала в целом, так и с методами его дальнейшего изучения. Так, особенности материала словаря можно рассматривать как в плане его диалектной однородности (возможная разнодиалектность данных словаря), так и в плане междиалектного влияния в среде информанта/информантов, неизвестных особенностей фонетики в данном регионе в данный период и т. д. Кроме этого, необходимо учитывать и социокультурные особенности собирателя (и различать ошибки расшифровки/транслитерации записей и реальные диалектные формы), а также условия, которые могли повлиять на сбор материала и характер записи, и возможные экстралингвистические факторы. К сожалению, имеющийся материал недостаточен для того, чтобы учесть все эти условия и факторы.

В то же время, можно утверждать, что источник первичен, уникален и представляет немалую ценность для изучения языка и культуры русских цыган.

Литература

Абраменко О. А. (2006). *Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русска и лотфитка рома)*. Санкт-Петербург: Анима.

Бессонов Н. В. (2011). Этническая группа цыган-кишиневцев // *Revista de etnologie si culturologie* IX–X, 62–75.

Богородицкая Н. А. (2000). *Нижегородская ярмарка в воспоминаниях современников*. Нижний Новгород: Типография Нижегородского государственного университета, 25–53.

Борроу Дж. (1837). Цыгане в России и Испании // *Библиотека для чтения* 20 (VII), 120-125.

Борро Дж. (1841). Цыганы // *Северная пчела* 169, 675–676.

Герман А. В. (1930). *Библиография о цыганах. Указатель книг и статей с 1780 г. по 1930 г.* Москва: Центриздат.

Голодников К. М. (1884). Цыгане // Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. (сост.). *Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год*. Тобольск: Типография Тобольского Губернского Правления, 53, 57–58.

Готье Т. (1988). *Путешествие в Россию*. Москва: Мысль.

Григорьев А. А. (1915). Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны // Саводник В. Ф. (ред.). *Собрание сочи-*

нений Аполлона Григорьева. Т 14. Москва: Типолитография Т-ва И. И. Кушнерев и К°.

Григорьев М. (1851). *Формы и словарь цыганского языка*. Рукопись хранящаяся в архиве Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.

Данилович И. (1826). Историческое и этнографическое исследование о цыганах // *Северный архив* Ч. 19, № 1, 64–79; № 2, 180–195; № 3, 276–290; № 4, 384–403; Ч. 20, № 5, 73–86; № 6, 184–208. [Перев. с польского Ордынский].

Зуев В. Ф. (1787). *Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1871 и 1782 году*. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Левин Ю. Д. (1996). Неизвестная параллель к «Капитанской дочке» Пушкина // *Россия, Запад, Восток. Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева*. Санкт-Петербург: Наука, 326–331.

Лекоент де Лаво Г. (1829). *Описание Нижнего Новгорода и ежегодно бывающей в нем ярмарки*. Москва: Типография Августа Семена при Императорской Медико-хирургической Академии.

Лекоент де Лаво Г. (2012). *Описание Нижнего Новгорода и ежегодно бывающей в нем ярмарки*. Москва: Книга по требованию.

Лекуэнт де Лаво Г. (1808). *Дмитрий и Надежда, или Замок на берегу Урала. Российская новость*. Москва: Университетская типография.

Лекоент де Лаво Г. (1824). *Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику Г. Лекоента де Лаво с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями*. Москва: Типография Августа Семена при Императорской Медико-хирургической Академии.

Махотина И. Ю. (2010) Фразеология и малые жанры фольклора русских цыган // Ситникова С. А. (ред.) *Фольклор в современной культуре. Материалы научно-практической конференции*. Тверь: СФК-Сфинкс, 126–129.

Махотина И. Ю. (2012) *Цыгане и русская культура. Литература и фольклор*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тверской государственный университет, Тверь.

Махотина И. Ю. (2013). *Культура и язык русских цыган в очерке Лекуэнта де Лаво (1827)*. Готовится к печати.

О происхождении цыганов [взято из исторического опыта г. Грельмана о роде жизни, обычаях и состоянии цыганов]. (1794) // *Новые ежемесячные сочинения*. Октябрь, 4–14.

Осповат А. Л. (2007). О некоторых сюжетных источниках «Капитанской дочки» // Bethea D. M., Fleishman L., Ospovat A. (eds.) *The Real*

Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Part I. Stanford: Stanford University, 87–90.

Паллас П. С. (1787–1789). *Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы*. Ч. I–II. Санкт-Петербург.

Панков Н. А. (1950-е). *Записки старого цыгана о цыганских хорах*. Рукопись, хранящаяся в архиве И. Ю. Махотиной.

Петрович О. Н. (2007). *Бароны табэра сапоррони*. Санкт-Петербург: Анима.

Ром-Лебедев И. И. (1990). *От цыганского хора к театру «Ромэн»*. Москва: Искусство.

Свиньин П. П. (1822). Русская Каталани // *Отечественные записки* 12 (32), 394–402.

Сергиевский М. В., Баранников А. П. (1938). *Цыганско-русский словарь*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Смирнова-Сеславинская М. В. (2012). Текстовые источники изучения языка и культуры цыган России // *Журнал социологии и социальной антропологии* 4, 188–200.

Сорокина Е. А. (1966). Записки цыганской певицы // *Наш современник* 3, 93–102.

Сперанская Н. М. (2005) *Петербургская газета "Le Furet" — "Le Miroir" и русская литература конца 1820-х — начала 1830-х гг.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических. Тверской государственный университет, Тверь.

Цветков Г. Н., Смирнова-Сеславинская М. В. (2012). Баллада «Машкар лэ стрийна» в контексте традиционной цыганской культуры // *Традиционная культура* 3, 128–142.

Шаповал В. В. (2007). *Самоучитель цыганского языка (русска рома: севернорусский диалект)*. Москва: АСТ.

Шаповал В. В. *Посторонние вкрапления в цыганских материалах П. С. Палласа*. Рукопись, доступная на сайте (http://www.liloro.ru /romanes/shapoval4.htm).

Щербакова Т. А. (1987). *Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России*. Москва: Музыка.

ЭСБМ — Цыхун Г. А. (рэд.) (2004). *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 9. Мінск: Беларуская навука.

Bantisch-Kamensky M. [д. б. D. N. — *И. М.*] (1829). *Illustrations de la Russie, ou Galerie des personnages les plus remarquables de cet empire, sous le règne de Pierre-le-Grand*. Paris: Moutardier, Libraire.

Boehtlingk O. (1853). Ueber die Sprache der Zigeuner in Russland // *Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Pétersbourg* 10 (1–3), 217–219.

Boretzky N., Igla B. (1994). *Wörterbuch Romani-Deutsch-Englisch für den südosteuropäischen Raum: mit einer Grammatik der Dialekt-varianten*. Wiesbaden: Harrassowitz.

Borrow G. (1846). *The Zincali; or, an Account of the Gypsies of Spain*. London: John Murray.

GENEANET (сетевой проект) — http://gw3.geneanet.org/pierfit?lang=fr;p=georges+etienne;n=lecointe+de+laveau (дата обращения: 04.04.2013).

Gunning E. (1802). *La Bohémienne par infortune, ou la comtesse d'Ossington*. Paris.

de Laveau G. (1820). *Notice de manuscrits, livres rares, et ouvrages sur les sciences, beaux-arts, etc; tirée du cabinet de son excellence le Prince M. Galitzin*. Moscou: De L'imprimerie D'Auguste Semen.

Lecointe de Laveau G. (1808). *Dmitri et Nadiejda ou le château d'Oural*: *Nouvelle russe*. Moscou: Chez Allart.

Lecointe de Laveau G. (1814). *Moscou avant et après l'incendie, notice contenant une description de cette capitale, des moeurs de ses habitans, des événemens qui se passèrent pendant l'incendie et des malheurs qui accablèrent l'armée française pendant la retraite de 1812*. Paris: Gide fils.

Lecointe de Laveau G. (1818). *Mosca avanti e dopo l'incendio, ovvero descrizione di questa capitale, dei costumi de'suoi abitanti, della situazione dell'europa al momento della campagna di Russia*. Milano: Dalla Stamperia Pulini.

le Cointe de Laveau G. (1824). *Guide du voyageur a Moscou: contenant ce que cette capitale offre de curieux et d'interessant, ses monumens les plus remarquables, les etablissemens appartenant au gouvernement ou fondes par des particuliers, ses administrations, sa topographie, sa statistique, son commerce, etc.* Moscou: De l'imprimerie D'Auguste Semen, imp. De l'académie impériale medico-chirurgicale.

Mānušs L. (1997). *Romany-Latvian-English Etymological Dictionary*. Riga: Zvaizgne ABC.

Miklosich von F. (1872). *Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas*. T. I. Wien.

Mouraviev M. N. [д. б. N. N. — *И. М.*] (1823). *Voyage en Turcomanie et à Khiva, fait en 1819 et 1820*. Paris: Chez Louis Tenré, Libraire-éditeur.

Quérard J.-M. (1833). *La France littéraire, ou dictionnaire bibliographique: des savants, historiens et gens de letters de la Franse, ainsi que des*

lettérateurs étrangers qui ont écrit eu français, plus particulièrement pendant les XVIII et XIX siècles. T. 5.
ROMLEX (Лексическая база данных) — http://romani.kfunigraz.ac.at /romlex/lex.xml (дата обращения 26.04.13).
Toropov V. G. (2010). *Crimean Roma: Language and Folklore*. Ivanovo: Unona.

В. В. Шаповал

Москва

ЦЫГАНСКО-СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ИСТОЧНИКИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

В составе севернорусско-цыганского диалекта северо-восточной группы существует значительное количество неизученных говоров, на что указывает Л. Н. Черенков в статье в этом сборнике [Черенков, настоящий сборник]. Обычно схема их миграции представляется так: Германия — Польша — Белоруссия — Россия, например: «[Т]е цыгане, которые населяют северную европейскую часть РСФСР, включая Москву, пришли сюда с запада Европы, пройдя предварительно через Польшу, Германию, Богемию, Румынию на своем пути с Балканского полуострова» [Сергиевский 1931: 7]. Однако детального рассмотрения цыганского материала, да и самого материала для территории протяженностью с запада на восток около 10 тысяч километров обнаружить не удается даже для относительно хорошо документированных говоров.

В этой ситуации русская речь цыган может служить объектом анализа, небезынтересным для русской диалектологии и вообще лингвистической географии. Некоторые направления анализа будут продемонстрированы на примере сборника «Киселевские цыгане» 1908 г. [Добровольский 1908], публикации смоленских цыганских материалов, собранных в конце XIX – начале XX в. В. Н. Добровольским (1856–1920), который специально для этих целей выучил диалект цыган своих родных мест. Попробуем выделить лексические признаки прохождения через Германию и Польшу. Поскольку на смоленской территории ранние белоруссизмы надежно выделить невозможно в силу почти полного сходства между формально великорусскими смоленскими и собственно белорусскими говорами, возможность белорусских заимствований не учитывается. Практически «на глаз» выделены некоторые редкие русские диалектизмы, они анализируются с точки зрения возможной географической привязки.

Германизмы: *бэ́рга* ‘гора’ [Добровольский 1908: 13, № 7: 22] — нем. *Berg* ‘то же’; *дина́ри* ‘слуга’ [Добровольский 1908: 12, № 7: 8, 14, № 7: 52], *дына́ри* [Добровольский 1908: 16, № 6: 33] — нем. *Dinner* ‘то же’; *фэ́лда* ‘поле’ [Добровольский 1908: 18, № 9: 25], *хвэ́лда* ‘поле’ [Добровольский 1908: 17, № 9: 13] — нем. *Feld* ‘то же’; *шту́бица* ‘изба’ — нем. *Stube* ‘комната’, *шту́ндица* ‘часок’ [Добровольский 1908: 80, № 65: 10, 9] — нем. *Stunde* ‘то же’. Такой набор германизмов хорошо известен и в других говорах севернорусскоцыганского диалекта.

Полонизмы: *вэ́нгло* ‘угол’ [Добровольский 1908: 6, № 3: 18] — пол. *węgieł* ‘то же’; *дэ́мбо* ‘дуб’ [Добровольский 1908: 20, № 11: 9, 12; 22, № 13: 6] — пол. *dąb* ‘то же’; *кло́да* ‘колода’ [Добровольский 1908: 6, № 3: 16] — пол. *kłoda* ‘то же’; *россэндинэ́н* ‘рассудите’ [Добровольский 1908: 22, № 13: 6, 7] — пол. *rozsądźcie* ‘то же’; *стро́на* ‘сторона’ [Добровольский 1908: 13, № 7: 18] — пол. *strona* ‘то же’; *тысе́нцы* ‘тысячи’ [Добровольский 1908: 31, № 21: 17] — пол. *tysięcy* ‘то же’. Фонетический полонизм — прогрессивное оглушение [в]: *ние́кфар* ‘ни разу’ [Добровольский 1908: 10, № 6: 1], ср. *kwarta* [kfárta] ‘кварта’. Данные польские заимствования хорошо известны и в других говорах русскоцыганского диалекта и разбавлены вероятными трансформациями русских слов в области вокализма по образцу польских: *гло́мня* ‘головня’ [Добровольский 1908: 3, № 1: 16; 6, № 3: 11], ср. — пол. *głownia* ‘головня; лезвие’.

Этот материал для данного говора подтверждает маршрут через зону немецкого и польского языков. Сложнее дело обстоит при попытке сопоставить специфический материал русской речи цыган с нашими данными о географическом распространении русских диалектизмов. Главным источником для сравнения является сводный Словарь русских народных говоров [СРНГ], завершаемый в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). Однако данных о географическом распространении отдельных диалектизмов всегда недостаточно.

Некоторые русские диалектизмы, представленные у смоленских цыган, не отмечены в смоленских говорах:

1. *со́ско* = поросенокъ [Добровольский 1908: 15, № 8: 3] = *сосо́к* ‘детеныш млекопитающего’ **Новг., Калин., Иван., Яросл.,**

Дон.; ‘поросёнок’ **Иркут., Омск.** [СРНГ-40: 54–55], вокруг смоленской территории.

2. *биз винцá = безъ вѣнца* [Добровольский 1908: 18, № 9: 23] = *венéц* ‘венчание’ **Урал., Олон., Арх., Вят**. [СРНГ-4: 112].

3. *заболмочиндя́ = заболмоталъ* [Добровольский 1908: 10, № 5: 21; 16, № 6: 37] = *болмота́ть* ‘бормотать’ **Пск., Твер., Свердл.** [СРНГ-3: 75]. Ср. «**Бо́лматъ** — говорунъ. Порѣч. у., дер. Малюкино» [Добровольский 1914: 35].

4. *пу́лички = звѣзды* [Добровольский 1908: 40, № 31: 3] = «**3. Пу́ля,** *ж.* 1. Цыпленок. *А вот типочка и пули.* Глушков **Курск.** 1967» [СРНГ-33: 123]. Европейские области, в которых эти диалектизмы представлены, указаны на Схеме 1.

Схема 1. География распространения некоторых русских диалектизмов[1]

		Карел. 2				
Псков. 3	**Новг.** 1	Волог.	**Арх.** 2			
Смол.	**Твер.** 1, 3	**Яросл.** 1, 2	Костр.			**Вят.** 2
Брян.	Калуж.	Моск.	Влад.	**Иван.** 1	**Нижег.** 2	**Урал.** 2
Курск. 4						

В самом общем виде эту схему можно интерпретировать как доказательство того, что именно эти цыгане пришли в Киселевку с, условно говоря, северо-запада. Однако для безусловного

[1] Номера заимствованных смоленскими цыганами русских слов 1–4, приведенных в списке выше, поставлены под сокращенными обозначениями областей, в которых они отмечены.

вывода аргументов пока недостаточно: а) сама схема достаточно противоречиво и расплывчато дает это направление; б) между 1908 г. и основным временем накопления данных по лексике русских говоров прошло две мировые войны, а Смоленский регион лежал на оси главных перемещений населения; в) наши данные по лексике русских говоров далеки от полноты. Так, в СРНГ нет слов из речи киселевских цыган: *вистёжка* ‘плётка’ [Добровольский 1908: 73, № 51]; *вотка* ‘дёготь’ [Добровольский 1908: 51, № 40: 2, 3]; *мѣтня, мэтня* ‘вид удочки’ [Добровольский 1908: 42, № 42]. Семантически или формально далеко от цыганского материала Добровольского: **Мотня́**, **и́**, *ж.* 1. Часть рыболовного орудия «ризца» от первого обруча до прикрепления полукрылков. Чудск. оз. **Пск**., Кузнецов, 1914 [СРНГ-18: 298]; *наставкица* ‘настойка’ [Добровольский 1908: 56]; *поставень* ‘вид удочки’ [Добровольский 1908: 42, № 42]; семантически очень далеко: **Поста́вень**, *м.* Противень *Пироги пеку в поставне...* **Моск.,** 1968 [СРНГ-30: 207]. Нет параллелей в СРНГ для слов: *пустыня* ‘бездна?’ [Добровольский 1908: 68]; *саракваша-стрижечка* ‘простокваша из снятого (то есть как бы «стриженого») молока’ [Добровольский 1908: 69]. Этот дефицит пока нельзя оценить в полном объеме, например, *хвататься* в значении ‘спешить’ пока не охвачено СРНГ: *наохты́лпэ* = не хватайся ‘не спеши’ [Добровольский 1908: 2, № 1: 6].

Смоленские диалектизмы довольно многочислены в цыганских текстах: *ва́дни* [Добровольский 1908: 2, № 1: 2] = *ва́день* ‘овод’ [СРНГ-4: 12]; *<о>сѣть* [Добровольский 1908: 5, № 2: 22, 25] = *осе́ть* ‘овин’ [СРНГ-23: 373–374] *ля́да* = *ля́до* ‘вырубка’ [Добровольский 1908: 7, № 4: 2]; *про́лубка* ‘прорубь’ [Добровольский 1908: 7, № 4: 8, 9]; *пушумэ́н тэ пруди́нэ* ‘блох гонять (он стал)’ [Добровольский 1908: 3, № 1: 15] = *пру́дить (блох)* ‘ловить’ [СРНГ-33: 63]; *ряжичка* [Добровольский 1908: 69, № 49б] = **Ря́жка,** *ж.* <...> 2. Ведерко, черпак (особенно у мастеровых, каменщиков) **Зап.**, Даль || Небольшое деревянное ведро с крышкой для кваса, воды **Яросл.,** 1989. 3. Банная шайка **Зап.**, Даль. **Ря́жечка,** *ж.* <...> 2. Берестяной сосуд для хранения и переноски ягод, грибов; туесок. **Горно-Алт.,** 1966 [СРНГ-35: 349]; *сброд* [Добровольский 1908: 48, № 34] = ‘бродяга’ [СРНГ-36: 186]; *скульлё* ‘чирьи’ [Добровольский 1914: 841]. Этот слой очень

велик, но трудность в том, что сегодня мы уже не можем многое проверить и уточнить. По сообщению смоленских краеведов, в той округе, где когда-то записывал цыганские тексты Добровольский, сегодня и русские говоры практически уже нельзя изучать: села Киселевка, Хицовка (у Добровольского Фицовка), Цыгановка почти обезлюдели, часть прежних жителей приезжает лишь на летний отдых, а постоянно живет в райцентре Починок. Традиционно местные смоляне выделяют потомков киселевских цыган по особой смуглости, часто являющейся предметом шуток по поводу экзотического происхождения. Однако цыганским языком уже никто не владеет.

Я не останавливаюсь на других (синтаксических и морфологических) особенностях русской речи цыган этой группы, а также на вкраплениях разного происхождения типа *побивахомъ* ‘я побилъ’ [Добровольский 1908: 2, № 1: 4, 10] (точнее говоря, форма аориста *побива́хомъ* значит ‘мы побили’). Проведенный анализ показывает, насколько трудно включать «лингвистическую машину времени» в ситуации неполноты диалектных данных.

В материалах Василия Бычкова из Красноярска (личное сообщение) встречаются интересные лексические явления. Обращает на себя внимание южнорусское (или белорусское по виду) неразличение приставок *з-* и *из-*, а также редкой приставки *вз-*: *о сгало* ‘издевательство’ — ср. пермское и томское *на сгал* ‘ради насмешки, на смех’ [СРНГ-37: 11], свердловское, пермское, алтайское, тобольское *згал* ‘смех, насмешка’ [СРНГ-11: 227]; а также неясное по происхождению *сгэво* (грубое) ‘промежность’ (нет уверенности, но ср. архангельское *сгиб* ‘поясница’ [СРНГ-37: 16]). Перед сонорным приставка имеет вид *ис-*, например, *ислэл по фотоапарато* ‘снимает на фотоаппарат’, *ислэл пэ карточка* ‘снимает на карточку’, где [ис]- соответствует русскому *с-*, а перед звонким шумным — *из-*, например, *издэл о кхэр* ‘сдает дом’, где [из]- также соответствует русскому *с-*. В существительном *сripирибэн* ‘воспоминание’ калькированы слова *спомúн, споминáнье* [СРНГ-40: 216], где [с] соответствует *вз-*. Бесприставочное *клинав* ‘кляну’ (*клиндян* ‘ты проклял’), *страминав* ‘оскорбляю, стрáмлю’ также соответствует не книжной, а разговорной, диалектной речи.

Отмечены редкие для диалектов северной ветви заимствования: *э мавла* ‘сплетня, клевета’, от нем. *Maul* ‘морда, рот’, *фарт* ‘очень, сильно’, от рум. *foarte* ‘очень’, *зэвла* ‘ревность’, от греч. *ζήλια* ‘ревность, рвение’. Любопытно наличие рядом с исконным *кашуко* и заимствованным *глухо* гиперкорректной формы с якобы носовым: *глэнхо*, ср. польское *głuchy* ‘глухой’. В ее реальности нет оснований сомневаться, но она свидетельствует о том, что механизмы перестройки имен на польский лад работают уже по инерции и опираются на русский лексикон. Однако рядом сохраняются вполне корректные отражения полонизмов *о гняздо* ‘гнездо’, *бляды́ма* ‘бледность’. Любопытна синонимия более известного *тэнча* (ср. польское *o ten czas* или *w ten czas* ‘в этот момент, тотчас’) и *тэжна*: *Тэжна амэ сможем тэ джяс дро ресторано* ‘После мы сможем пойти в ресторан’. *Сперва кэр кадая буты, а тэнчя/тэжна можешь тэ джяс тэ гулинэс* ‘Сначала сделай работу, а потом можешь идти гулять’. В качестве вероятного польского источника слова *тэжна* можно предположительно привести *też no* или эллиптическое *też na [razie]*: *marchewka* ***też no*** *i jabłuszka* ‘морковка, ну и яблочки’, *Ja* ***też na razie*** *tak nie myślę* ‘я тоже, кстати, так не думаю’. Не слишком богатый материал устной речи трудно комментировать исторически с полной уверенностью. Так, я никогда не слышал сравнительное *таки*, но помнил пример из издания повести «Грай»: *приячела таки бырлы́* ‘пристала, словно/как пчела’; *таки чирикло замардяпэ ило* ‘словно птица забилось сердце’ [Безлюдско 1933: 3, 7]. Дополнением к этому примеру стала фраза певицы Татьяны Демьяновой о внешности Пушкина: *таки вашéскери* ‘словно обезьяна’ [Демьянова 1998: 246]. Два источника — это уже достаточная документация, но в русских народных говорах подобное значение *таки* не обнаруживается.

Все вышесказанное показывает ценность изучения цыганской речи для русской исторической диалектологии (и, разумеется, наоборот).

Литература

Безлюдско М. (1933). *Грай*. Москва: Тэрны гвардия.

Демьянова Т. Д. (1998). О Пушкине и Языкове // *Пушкин в воспоминаниях современников*. Санкт-Петербург: Академический проект, Т. 2, 246–250.

Добровольский В. Н. (1908). *Киселевские цыгане*. В. 1. Цыганские тексты. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Добровольский В. Н. (1914). *Смоленский областной словарь*. Смоленск: Типография П. А. Силина.

Сергиевский М. В. (1931). *Цыганский язык. Краткое руководство по грамматике и правописанию.* Москва: Центриздат.

СРНГ (1965–2011) — *Словарь русских народных говоров.* Т. 1–43. Москва; Ленинград/Санкт-Петербуг: Наука.

Черенков Л. Н. *Цыганская диалектология в России: современное состояние и задачи*. Настоящий сборник.

В. В. Шаповал

Москва

MARGINALIA
К «ЦЫГАНСКО-РУССКОМУ СЛОВАРЮ» 1938 г.

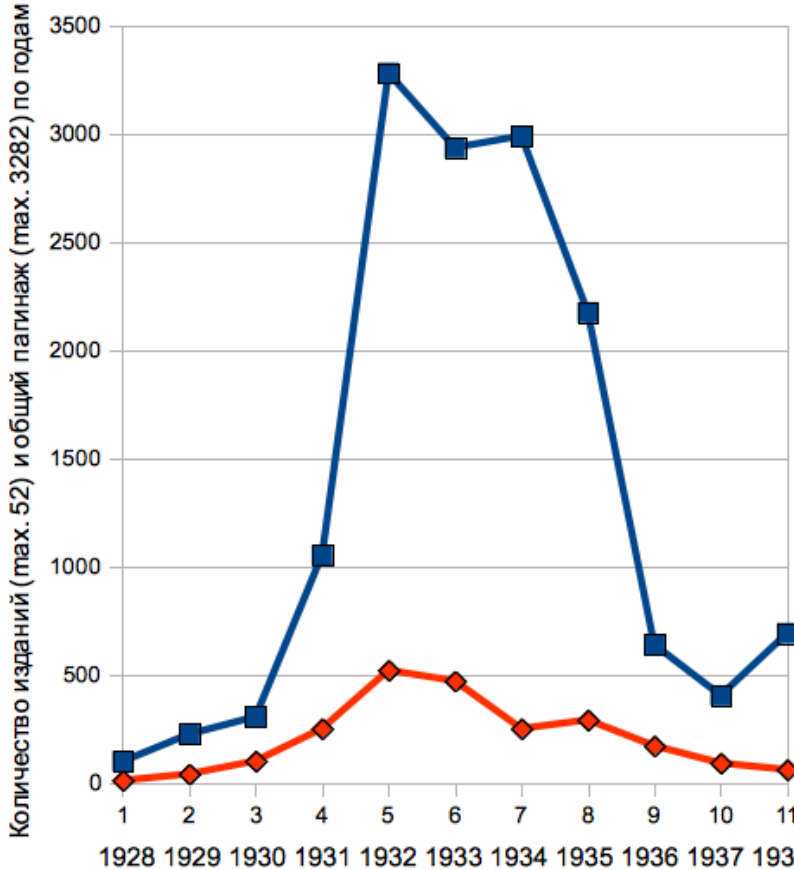
Словарь М. В. Сергиевского и А. П. Баранникова 1938 г. [ЦРС] заслуживает внимательного рассмотрения по ряду причин. Во-первых, это высшее достижение и одновременно финальный аккорд в советском проекте цыганского литературного языка. В 1928–1938 гг. (относительно) активно развивалось книгоиздание на цыганском языке. Динамика печатания книг представлена на Таблице 1 и Графике 1.

Таблица 1. Книги и журналы на цыганском языке кириллицей в СССР

год	**1928**	**1929**	**1930**	**1931**	**1932**	**1933**	**1934**	**1935**	**1936**	**1937**	**1938**
изданий	1	4	10	25	52	47	25	29	17	9	6
страниц	98	224	305	1052	3282	2937	2991	2175	638	403	691

На этом пессимистическом для перспектив цыганской книги фоне конца 1930-х гг. словарь стал своеобразным (во всех смыслах) памятником, подводившим итог и фактически закрывавшим проект. Следующая книга (брошюра) на цыганском языке появилась в СССР лишь через 32 года: это был источник по урсарскому диалекту «Фольклорос романо» Г. Канти [Кантя 1970]. По личному сообщению Л. Н. Черенкова, решение о публикации принималось на уровне высшего партийного руководства Молдавской ССР. См. русский перевод: [Кантя 2011: 215–223].

График 1. Книги и журналы на цыганском языке кириллицей в СССР[1]



Во-вторых, словарь отражает достигнутый тогда уровень изучения цыганского языка. Видный индолог, исследователь цыган в СССР и один из инициаторов проекта литературного цыганского языка 1920-х – 1930-х гг., академик А. П. Баранников имел опыт изучения по крайней мере двух цыганских диалектов: севернорусского (московского) и сэрвицкого (восточноукраинского), подробнее см. [Шаповал 2007: 108]. Другие диалекты были слабо изучены и еще не вполне дифференцировались. Весь

[1] Количество книг на нижней линии графика для наглядности дано с десятикратным увеличением.

материал словаря поделен условно на севернорусский, никак специально не обозначаемый, и южнорусский и украинский, отмечавшийся астериском * после словоформы. Попытка соединения столь противоречивого материала привела к тому, что помимо немаркированного в словаре севернорусского материала, представленного данными Добровольского, не упомянутого прямо, хотя и здравствовавшего тогда, Патканова [Истомин 1900], видимо, рукописи Григорьева [1851] и др., смешению под астериском подвергся лексический материал так называемых «южнорусских» диалектов: сэрвицкого и диалекта влахуря. Так как словаря диалекта влахуря пока не существует, в дальнейшем в качестве условных параллелей из влашского диалекта будут привлекаться данные из кэлдэрарского диалекта, словарный материал которого представлен в [Деметер, Деметер 1990]. Иногда такие параллели можно дополнительно обосновать и наличием фольклорных цитат в самом ЦРС. См. анализ цитат, приведенных для слов *бриг, кутари*. На привлечение кэлдэрарского или близкого материала может указывать отражение фонетической вариативности финали в рамках «южноцыганского»: «**асамо́*** *м* насмешка» и там же *асамо́с* [ЦРС: 10], ср. [Деметер, Деметер 1990: 29], деаффрикатизация [čh]: «**лачхимо́*** *м* доброта»; «**лашимо́*** *м* доброта» [ЦРС: 68], ср. *лашимос* [Деметер, Деметер 1990: 95].

В-третьих, словарь отражает оригинальную концепцию литературного языка. М. В. Сергиевский и А. П. Баранников и в своем словаре 1938 г., и в других работах по цыганскому языку исходили из того, что при научном описании диалектов и создании литературного языка цыган в СССР достаточно учесть различие между северными (великорусскими) и южными (украинскими) цыганскими диалектами. Так, А. П. Баранников писал в очерке «Об особенностях диалектов южных (украинских) цыган», помещенном в словаре: «Мои наблюдения последних 10–15 лет выявили факт, давно известный самим цыганам, но неизвестный науке цыгановедения, а именно, факт значительных различий между северными и южными цыганскими диалектами» [ЦРС: 181]. Исходя из этой бинарной диалектологической схемы был описан и лексический материал в словаре 1938 г., что было шагом вперед для науки того времени, но привело к известному упрощению при описании диалектных различий. Не были еще изучены

другие многочисленные диалектные группы цыганского языка в России и СССР (подробнее о диалектном разнообразии, см., например, [Вентцель, Черенков 1976], также [Черенков, настоящий сборник]). Таким образом, советский проект цыганского литературного языка можно считать и первым проектом «панромани».

В словаре Сергиевский написал грамматический очерк севернорусского диалекта, а Баранников дал для словаря свои материалы южнорусского диалекта и обработал их лексикографически, а также написал для этого диалекта грамматический очерк. Думается, более пространные лексические материалы по севернорусскому диалекту обработаны обоими авторами.

Предполагалось, что большая часть диалектных различий между севернорусским цыганским диалектом как предпочтительной основой нормативного языка и «украинскими и южнорусскими» цыганскими диалектами сведется в основном к стандартным трансформациям, которые желательно минимизировать в словаре, например, правильно отражает диалектные отличия такая пара: «**абья́в*** *м* = **бьяв** свадьба» [ЦРС: 7].

Такая «полуторадиалектная» модель литературного языка предполагала второстепенность южного диалекта и, видимо, его полную нивелировку в перспективе коммунистического будущего. Она является эхом имперской модели «ВЕЛИКОРУССКИЙ + малорусский». Она же приводит к опасной «двуслойности» словаря.

Это решение характерно как модель создания письменности для многих языков СССР, и в некоторых отношениях его реализация не вполне удачна. Двуслойный словарь неудобен и чреват составительскими и пользовательскими ошибками, потому что астериск (*) может теряться или игнорироваться. (Не все читатели склонны читать предисловие!)

Можно подозревать, что в словаре есть слова, которые из-за отсутствия астериска по недосмотру могут ошибочно относиться к севернорусскоцыганскому диалекту (далее срц.). Астериск как маркер не очень надежен. Иногда могут возникать ошибки интерпретации, поскольку неясно, на сколько слов распространяется маркер. Так, лексическая электронная база цыганских диалектов Ромлекс [ROMLEX — http://romani.uni-graz.at/romlex] дает как срц.: «**avdivês** *adv temp* сегодня»,

поскольку курская форма в ЦРС дана без астериска: «**авдивэ́*, авдивэ́с** (*К*<урск>) = ададывэ́с сегодня» [ЦРС: 7]. Астериск здесь общий. *Авдивэс* — южная форма, что доказывается ее положением левее знака «равно».

Даже в совсем недавней работе Н. Борецкого двуслойность ЦРС служит источником ошибок: южноцыганское «**парварэ́ тэ*** [**правардо́м**] (*В*<а>*л*<уйки>) кормить» [ЦРС: 88], «**праварэ́ тэ*** [**правардо́м, правардэ́м**] кормить» [ЦРС: 101] картографируется как срц. *parvar-* ‘ernähren’ [Boretzky 2012: 272], однако отсутствует в соседних северных диалектах, в том числе в близких срц. диалектах цыган Литвы и Латвии.

Уникальность (мнимая?) совпадения данных срц. с данными влашских диалектов на фоне их отсутствия в соседних северных диалектах вселяет подозрение об утрате астериска : «**пишо́то** *м* мех (*кузнечный*)» [ЦРС: 93], *pišot* ‘Blasebalg’ [Boretzky 2012: 275], кэлд. **пишо́т** *м* [пишота́] ‘мех (*кузнечный*)’ [Деметер, Деметер 1990: 120]; «**риконо́** *м* [**риконэ́**] собака» [ЦРС: 116], *rikono* ‘Welpe’ [Boretzky 2012: 279], кэлд. *риконо́* ‘щенок’ [Деметер, Деметер 1990: 132]; «**хурдэ́ ловэ́** мелкие деньги, мелочь» [ЦРС: 143], *xurdo* ‘kurz’ [Boretzky 2012: 265], ср. кэлд. *хурде́ ловэ́* ‘то же’ [Деметер, Деметер 1990: 163]. Довольно подозрительно смотрится изолированное «**лочовэ́** *м. мн*. роды» [ЦРС: 69] при отсутствии глагола типа латышско-цыг. *ločòváv* ‘рождаться’ [Mānušs 1997: 82]. Такие лакуны доказывают, что картотека словаря была небогатой и практически целиком в нем и отражена. По этой причине неизвестно, есть ли в ЦРС слова из крымскоцыганского и в каком количестве. См. ниже комментарий к слову *катэл*.

Обнаруживаются и противоречивые решения: слова из сборника В. Н. Добровольского 1908 г. [Добровольский 1908] разносились в ЦРС между северным и южным диалектами произвольно, например: *балмузо* и *пулички** (см. ниже) описаны только по одному этому смоленскому источнику.

Наряду с пропусками, вызванными неполнотой материала, обращают на себя внимание случаи выборочного цензурирования лексики. Иногда можно заподозрить не оплошность, а отражение тенденциозной позиции, искажающей реальное положение дел в лексике. Только как южное слово описано: «**дэвэ́л*** *м* бог»; «**дэл***

м см. **дэвэ́л»** [ЦРС: 43]. Севернорусско-цыг. *куркó* описывается как «2. *уст*<аревшее>. воскресенье» [ЦРС: 65]. Значение помечено как *уст*<аревшее>, поскольку словарь составлялся в годы введения в СССР особого календаря: семидневную неделю в 1930–1931 гг. сменили пятидневки-непрерывки, а с 1 декабря 1931 г. по 26 июня 1940 г. — шестидневки. С одной стороны, в советском словаре 1938 г. создавалась желательная картина изменений в цыганском языке, например, в словарь были включены лексемы *авангáрдо, авиáцыя, гигиéна* и др. приметы новой социалистической жизни, подтверждаемые контекстами из агитационной печатной продукции, а с другой стороны, объявлялись «дореволюционными» и устаревшими слова *балуны́* ‘волостное правление’, *пашгаспри́н* ‘полушка, полукопейка’ (чеканилась в 1925–1928 гг.), включая спорные случаи, например, когда речь идет о словах актуальных для цыганского быта времени издания словаря: *крэнцыбэ́(н)* ‘венчание’, *рай* ‘барин, господин’, *раны́* ‘госпожа, барыня’. Подобные приемы создания политически мотивированной картины отмечаются и в словаре венгерского цыганского диалекта, см. [Stewart 1997: 130, 268].

Нельзя не сказать и о тенденции к калькированию, кое-где совмещавшейся с предпочтением политически бесспорных заимствований: «**бипиримарибна́скиро** [**бипиримарибна́кири**] бесперебойный; бесперебойно» [ЦРС: 15], «**выгиныбны́тко** *мат*. вычитаемое» [ЦРС: 23], «**выкэдыибэна́** *полит*. выборы» [ЦРС: 24]. Такие кальки были явно литературным феноменом, но имели и имеют аналогии в живой речи цыган (см. *балуны, каґнитко*). Эти модели многоморфемного точного калькирования обладают определенным авторитетом и ныне: так, В. И. Калинин планировал заменить *сыкльы́тка* на *сыкляибны́тка* ‘ученики’ в евангельском переводе, где ‘Учитель’ — *Сыклякирибна́скиро* [Нэво 2001: 29].

Комментарий к словарным статьям[2]

«**ама́л*** *м* [**амала́**] (<Старый> *О*<скол>) народ, люди» [ЦРС: 8], ожидается толкование ‘друзья’.

«**балму́зо** *м* [**балму́зы**] арбуз» [ЦРС: 11], цыганское смоленское *балму́зо* ‘тыква’ незаслуженно получило толкование ‘арбуз’: *Хая́ одо́й балму́зо тхудэ́са* ‘Ел (он) там (в королевском дворце) га́рбуз с молоком’ [Добровольский 1908: 3], — по причине неразличения белорусского *гарбуз* ‘тыква’ и русского *арбуз* [Шаповал 2012: 82]. Ср. *дудуйи.*

«**балуны́** *дорев.* волостное правление» [ЦРС: 11], букв. *волос*<т>*ная* (управа), формально от *бал* ‘волос’, народная цыганская номинация на основе паронимии русских прилагательных *волостной* и *волосной*. Ср. приводимое в словаре Даля рязанское *волос* ‘власть’ [СРНГ-5: 58; Даль 1904: 575], которое трактуется как переосмысление созвучия *волосъ* и *волос*<т>*ь* [Страхов 2004: 262].

«**баракýчури*** *ж* [**баракýчуря**] (*К*<урск>) барак» [ЦРС: 12], видимо, **барак-у́ц-о* (м. р.), тогда мн. ч. — **барак-у́ц-уря*. Неясен выбор аффрикаты. Явное влияние на описание слова оказало неоправданное стремление выделить цыганский уменьшительный суффикс *-ор-* [ур?]. Видимо речь о смешении румынского аффикса мн. ч. с цыганским диминутивным суффиксом может идти не только в этом случае, ср. *коврыгури*.

«**браныпэ́(н)** *м* старье, ветошь» [ЦРС: 17] < ? *пуранып э́н*, от «**пурано́*** ... старый...» [ЦРС: 110]. Вероятно, неточная фиксация на слух. Если не к «**брэ́ны** *ж мн* деньги» [ЦРС: 18], возможно, переосмысление названия ‘грязи’ **брэ́на*, от южнославянского, ср. *бренный.* Семантическая параллель: немецкое *Asche* — букв. ‘зола’, чешское *prachy* — букв. ‘прахи, пыль’ и др.

«**бриг*** *ж* (*К*<урск>) досада; **мэра́в баря́ брига́тар** (*К*<ие>*в*) *погов.* умираю от (большой) досады» [ЦРС: 17], начальная форма выведена на основе формы *брига́тар*, обычно: кэлд. «**бри́га** <*рум.*> *ж* забота» [Деметер, Деметер 1990: 39].

[2] Надо заметить, что даже в этой статье возникает некоторое неудобство из-за двузначности (*). Справа от слова она принадлежит ЦРС и значит «южноцыганское». Слева от слова она помечает реконструкции автора данной статьи.

Иллюстративный контекст перекликается с ловарской песней, опубликованной одним из составителей словаря: «*mérav, dal'i... ła baryá br'igátar*» [Barannikov 1934: 184].

«**брэ́нчя** *ж* обруч» [ЦРС: 18] < пол. *obręcz* (ж. р.) ‘обод’. С усечением *о-* по образцу артикля. Ср. «dezza Angelschnur <леска>» [Pott-II: 262, 78] < чешск. *udica* ‘удочка’.

«**брэ́ны** *ж мн* деньги» [ЦРС: 18], см. *браныпэн*.

«**бэнг̲а́рто** *м* [**бэнга́ртэ**] чертенок» [ЦРС: 19]. Судя по русскому толкованию, это выражение безобидного восхищения подвижным ребенком. Формально составителями проведена вторичная связь с существительным *бэнг* ‘черт’, которое часто табуируется. Реально же это германизм *бэнка́рто* ‘бастард, незаконнорожденный’, ср. бел. *банка́рт, бэнка́рт* ‘байструк, пазашлюбнае дзіця’ [ЭСБМ-I: 303, 435]. Безударное -э в окончании мн. ч. отражает след нереализованной идеи (фонематически целесообразной) унификации окончаний мн. ч. заимствованных и исконных имен: **брэ́зэ̲* ‘березы’, **ро́дэ̲* ‘роды’.

«**ва́сти̲*** *ж* [**ва́стя̲**] весть, известие» [ЦРС: 20], формы чисел переставлены: кэлд. *вя́стя̲* (ж. р.) ‘известие’, а мн. ч. — *вя́сти̲* [Деметер, Деметер 1990: 51].

«**во́рґа*** (*К*<урск>) = **во́рого** 1. враг; 2. несчастье» [ЦРС: 22], к литовскому *vargas* ‘нужда, беда’? См. *вэрго*. Хотя фрикативный *ґ* может указывать и на трансформацию слова *ворог* в диалектном южном произношении.

«**впатянд̲э́ тэ*** [**впатяндинё́м, впатяндыё́м**] = **патя́с** поверить; **со рома́ лэ́скэ пхэндэ́, ёв саро́ впатя́ндыя** (*Л*<*ьгов*>) он всему поверил, что ему сказали» [ЦРС: 22], неудачная реконструкция основы настоящего времени по форме претерита, ср. правильное: «**патя́ тэ*** [**патяндыё́м**] (*К*<урск>) = **патя́с** верить; **ту саро́ патяндыя́н** (*Л*<*ьгов*>) ты всему поверил (*народн. песня*)» [ЦРС: 89], надо *в-пат-я́<с/ґ>. На это также обращал внимание и Л. Н. Черенков [Черенков, настоящий сборник]. Похоже, что один песенный контекст из Льгова, несколько трансформированный при цитировании, и дал два таких глагола. Ср. *зджангэпэ*.

«**вунди̲́*** *ж* [**вунд̲я̲́**] (*С*<лавянск>) подкова» [ЦРС: 22], ср. кэлд. *ву́ндийа̲* (ж. р.) ‘ноготь’, а мн. ч. *ву́ндийи̲* [Деметер, Деметер 1990: 48]. Ошибка в ударении (как место ударения опознано

[ӣ] — *ийи*) и в толковании (перенос: ‘ноготь’ ≈ ‘копыто?’ ≠ ‘подкова??’), формы чисел переставлены.

«**вуста́*** *м мн* (*С*<лавянск>) усы» [ЦРС: 23], видимо, переосмыслено цыг. *вушта́* ‘губы, уста’: поскольку ед. ч. *вушт* произносится как [вуш], что почти совпадает с украинским *вус* ‘ус’.

«**вэну́ки** *ж мн* поводья» [ЦРС: 29], возможно, с опечаткой **вэ́нзки* ‘узды’ (уменьш.) < польск. *więzy* (м. р.) ‘узы’. По личному сообщению К. А. Кожанова, слово в форме *вэнцки* отражено и в рукописном словаре М. Григорьева.

«**вэ́нцы** *м мн* усы» [ЦРС: 29], ед. ч. **вэ́нцо* < польское *wąs* (м. р.) ‘ус’, мн. ч. *wąsy*. Вставка протетического взрывного между носовым и фрикативным, как в *тэ́ншто* — *тэ́нчто* ‘жеребец’. Более подходящий для *вэнцы* носовой в литературном польском находим в прилагательных типа *czarnowęsy* ‘черноусый’. Колебания в употреблении одного из носовых вместо другого довольно значительны по диалектам [Klemensiewicz et al. 1981: 107], поэтому характерное для полонизмов в севернорусско-цыганском обобщение носовых в виде [эн] не дает однозначной географической привязки.

«**вэ́рго** *м* подлец, враг» [ЦРС: 29], важную для текстов о классовой борьбе лакуну искусственно заполнили этим словом. В латышско-цыг. *vérgòs* ‘подлец, негодяй’ < латышск. *vergs* ‘раб’ [Mānušs 1997: 129], литовск. *vérgas* ‘то же’, связано с ‘нужда, беда’. См. *вóрта*.

«**ганро́** *м* [**ганрэ́**] яйцо» [ЦРС: 30], наличие взрывного начального звука [г], а не протетического фрикативного вызывает сомнение, ср. кэлд. «**анррó** *м* [анррэ́] яйцо» [Деметер, Деметер 1990: 27].

«**годла́** *ж* крик», «**годло́*** *м* = годла́» [ЦРС: 31], ударение заимствованного слова, вероятно, указано неверно. К польск. *godło* ‘девиз, пароль, эмблема’. Сюда же белор. *ко́дла* ‘род, племя’ [ЭСБМ-5: 89], укр. *ко́дло* ‘род, племя; отродье’ [ЕСУМ-2: 491], жаргонное *ко́дла* ‘свора’.

«**гра́стино*** [**гра́стини**] относящийся к лошади» [ЦРС: 32], странны ударение и вид суффикса, ср. там же: «**граста́но́** [**граста́ны́**] конский, лошадиный».

«**гума́в!** ешь!» [ЦРС: 33], описана только одна форма императива (неясно, смешение звуков или букв *г* — *з*), ср. также с

узким контекстуальным значением: «**зумавэ́с тэ [зумадём]** гадать» [ЦРС: 55], кэлд. *зумавáв* ‘1. пробовать, испытывать; 2. пробовать на вкус, дегустировать; 3. пробовать, пытаться; 4. выпытывать, прощупывать’ [Деметер, Деметер 1990: 73].

«**гу́ри*** *ж* [**гу́ря**] шлея» [ЦРС: 33], ударение и взрывной начальный звук смущает. Неясно, связано ли с «**уре́ тэ*** [**урилём**] одевать» [ЦРС: 139].

«**га́рбо** *м* сноп» [ЦРС: 33], наличие фрикативного [h] сомнительно, от нем. *Garbe* (ж. р.), на основе контекста с формой мн. ч. *ромня́ скэдэ́на гáрбы* ‘цыганки собирают снопы’.

«**гыртия́** *ж* бумага» [ЦРС: 34], ударение *ғыртúйа* (ж. р.) ‘то же’ [Деметер, Деметер 1990: 60].

«**гэра́киро** *м дорев*. пристав» [ЦРС: 34], «г» с носиком излишне, от *гэр* ж. р. ‘чесотка’, видимо, игра слов на созвучии *частный пристав* и *чесоточный*, там же, с сомнительным *г-*: *ғэралó* ‘чесоточный’.

«**делимó** должен» [ЦРС: 35], «**джюлимó** должен» [ЦРС: 36], однако в отсылке описано как существительное: «**вуджилимо*** = **джюлимó** долг», рядом с прилагательными «**вуджилó*** [**вуджилú**] должен»; «**вуджулó*** [**вуджулú**] *см.* **вуджилó***» [ЦРС: 22]. По какой-то причине этот материал не учтен на карте распространения *udžile* ‘Schulden (haben)’ <долг (иметь)> [Boretzky 2012: 204].

«**джюлимó** должен» [ЦРС: 36], см. *делимо.*

«**длу́го** I длинный, долгий» [ЦРС: 37], польский источник типа *długi* ‘длинный, долгий’. В следующем случае можно заподозрить гиперкорректный носовой гласный на месте восточнославянского [у]: «**длэ́нго** 1. длинный, долгий» [ЦРС: 64], однако нельзя исключить и влияние румынского *lung* ‘длинный, долгий’. Ср. «**лу́нго*** долго, давно» [ЦРС: 69]. Таким образом, вариативность прилагательного не позволяет разделить польский и румынский материал. См. *крэнцо.*

«**дой*** [**доя́**] = **одоя́** та; **прошя́ доя́ вря́ма** (*К*<аменец>-*П*<одольск>) прошло то время» [ЦРС: 38], очевидно, опечатка, должно быть *прожя́*.

«**дудуйи́*** *м* [**дудуя́**] арбуз» [ЦРС: 41], если не из **дуду*<*м*>*ни́*, то визуальная ошибка, *й* вместо *м*? Ср. «**дуду́м** *м*

[**дудума́**] тыква» [Деметер, Деметер 1990: 68], к толкованию см. *балму́зо*.

«**душли́*** *ж* [**душля́**] *см.* **душлы́**»; «**душло́** видно»; «**душлы́** *ж* [душля́? — *В. Ш.*] бутылка» [ЦРС: 42], явно сближено с *дыкх-* ‘видеть’, однако это может быть и вторичным сближением, поскольку имеется (этимологически темное) *tušni* ‘Kanne, Krug’ <посудина, кружка> [Boretzky 2012: 36, 130].

«**дэсталó** *м дорев.* десятский, десятник» [ЦРС: 43], формально от *дэ́што* ‘десятый’, ср. (также от *дэш*, но не с буквальным толкованием ‘десятник’) «**дэша́ри*** *м* [**дэша́рья**] *дорев.* городовой» [там же]. Однако актуализировано созвучие с «**дэсто́** *м* [**дэстэ́**] палка, трость» [ЦРС: 43].

«**евья́бути*** 1. ложный, мнимый; 2. напрасно, ложно» [ЦРС: 44], грамматическая характеристика не вполне понятна без контекстов, но это скорее наречие. Явно из *ивья́* ‘напрасно’ + *бути́* ‘работа’.

«**зджанг̲э́пэ тэ*** [**зджангле́мпэ**] познакомиться» [ЦРС: 54], неудачная реконструкция основы настоящего времени по форме претерита, ср. «**жяна́в** [**жянгле́м, жяна́вас**] 1. знать» [Деметер, Деметер 1990: 72], должно быть **з-джян-э́<с/т>-пэ*. Ср. *впатяндэ*.

«**каґни́тко** *м* 1. куриный; 2. *дорев.* урядник» [ЦРС: 57], перенос прозрачный, по созвучию, ср. офенское: «**Ку́рица**, -ы, *ж.* 1. Полиция. 2. Урядник. Е<лизарово>, М<оск. обл.> [Бондалетов 1987: 83]. Ср. владимирское *куря́тник* ‘хорь’ [Канунова и др. 2012: 74]. Параллель семантическая в немецком жаргоне: «**Iltisch** [2287] *m* Polizist, Schutzmann» <полицейский, охранник> [Wolf 1956: 141], буквально ‘хорь’.

«**каґня́г̲о*** [**каґняг̲и́**] (*К*<ие>*в*) куриный» [ЦРС: 57], ударение в форме ж. р. и [г] в суффиксе посессивного прилагательного сомнительны, ср. кэлд. «**кхайня́к̲|о (-и̲**) кури́ный» [Деметер, Деметер 1990: 91].

«**ка́тэл*** *м* убийство» [ЦРС: 59], ср. арабск. *qtl* или иврит [каталь]. Вероятно, единичная фиксация. В. Г. Торопов не подтвердил наличие этого арабизма у крымских цыган.

«**ковры́гури*** *ж* [**коврыгуря́**] сушка, баранка» [ЦРС: 61], основа и ударение в ед. ч. и мн. ч. сомнительны, ср. кэлд. «**коври́го** <*рум*> *м* [коври́жя] бара́нка, бу́блик» [Деметер, Деметер 1990: 84]. Возможно, в румынском допустимо употребление *covriguri*

вместо мн. *covrigi* (судя по колебаниям *două covrigi — două covriguri* ‘две коврижки’, такая проблема существует), но здесь явное влияние на описание слова оказало стремление выделить цыганский уменьшительный суффикс *-ор-* [ур?]. См. также *баракучури*.

«**какавы́** *ж* котел; горшок» [ЦРС: 58], попытка описать грецизм как исконное слово, *кака́ви* ‘казан, котёл’ [Деметер, Деметер 1990: 79].

«**караха́й** *м* [**карахая́**] татарин»; «**караханы́** *ж* [**караханя́**] татарка» [ЦРС: 59], по причине отличий в начальной букве не учтено на карте распространения *xoraxaj* ‘Türke, Moslem’ <турок, мусульманин> [Boretzky 2012: 153].

«**каснóчек*** *м* платочек» [ЦРС: 59], аканье отражает русификацию цыганского слова, от прич. *кхосно́* ‘вытертый’ с русск. составным уменьшительным суффиксом как в *плат-оч-ек*.

«**колба́нь** *ж* яма» [ЦРС: 61], несмотря на славянский вид слова, поиск параллелей в русских говорах дает обескураживающие результаты: «**Калби́на**, ы, *ж.* Небольшое озеро. **Калуж.**, 1841.» [СРНГ-14: 112], «**Колба́н**, а, *м.* <...> 2. Глиняный (или металлический) горшок, горлач огромных размеров. **Смол.**, Копаневич» [СРНГ-14: 112]. Ср. *копано*.

«**копа́но** *ж* корыто» [ЦРС: 63] (судя по окончанию *-о*, м. р.), можно предположить, что букв. ‘посуда, вырубленная, «выкопанная» в плахе’. Ср.: «**Ко́пань**, я, *м*., и, *ж.* 1. *Ж.* Яма, ров, выкапываемые для собирания дождевых или грунтовых вод с различными хозяйственными целями» [СРНГ-14: 284]. Нельзя не заметить, что анализ локальных славянских заимствований, описанных в словарях цыганского языка, далек от завершения (см. подробнее [Шаповал, настоящий сборник]), ср. выше *колба́нь*.

«**кр́нцо** курчавый, кудрявый; **кр́нца кал́ бала́** курчавые черные волосы» [ЦРС: 64], наличие следа носового гласного позволяет подозревать польский источник типа *kręcony* ‘кручёный’ (тогда требуется принять гипотезу, что основа *kręcon-* воспринята как основа косвенных падежей **крэ<н>ц-он-*, а затем отсечен суффикс *-он-*), однако отсутствие суффикса *-он-* в основе может указывать и прямо на румынское *kreț* ‘курчавый’. Ср. «**кр́цо*** *см.* **кр́нцо**» [ЦРС: 64], основа косвенных падежей которого **крэц-он-э́*, как кажется, могла дать основание для

реконструкции им. пад. ед. ч. м. р. «**крэцхоно́*** *см.* **кро́нцо**» [ЦРС: 64]. Это решение с ударением на окончании было бы безупречно для исконного прилагательного. Но весь набор вариантов прилагательного не позволяет уточнить источник заимствования и разделить польский и румынский материал.

«**кро́цо*** *см.* **кро́нцо**» [ЦРС: 64].

«**крэцхоно́*** *см.* **кро́нцо**» [ЦРС: 64].

«**куня́** *ж мн* локти» [ЦРС: 64], в близком диалекте латышских цыган ед. ч. *kuní* [Mānušs 1997: 76], «по-московски» должно было быть **куньи́*.

«**кута́ри** *ж* кошка» [ЦРС: 65], неполнота описания может указывать на единичный контекст, ср. кэлд.: «**кута́ри** <*рум*> *м* 1. некто, некий 2. любовник; ухажёр 3. негодяй» [Деметер, Деметер 1990: 88]. В песнях про ревнивца уходящий любовник (*пирамно*) иногда выдается за кошку (*мыца, mucica, muca*) [Деметер, Деметер 1981: 124–127, №№ 52, 53; Csenki, Csenki 1980: 113–114]. Может быть, этот контекст стал причиной ошибки в толковании. Но и румынское *cutari* (например, *cutari sau cutari* ‘тот или другой’) имеет неопределенную семантику, указание с негативной коннотацией может относиться и к кошке, однако и в этом последнем случае внесение в словарь такого контекстуального значения ошибочно.

«**ма́йма*** *ж* обезьяна» [ЦРС: 70], очень необычное усечение основы *маймун-*.

«**мамý́й** мимо» [ЦРС: 70], выбор толкования по созвучию или контексту, обычно ‘прямо’ [Mānušs 1997: 85].

«**ми́жэх** *м* мышьяк» [ЦРС: 72], опирается, видимо, только на письмо читателя журнала «Романы зоря»: «Адякэ адава ром чиндя амэнгэ со пчёла кхарлапэ “бырлин” “мышьяко” – “мижэх”» [Панков 1927: 8] — <Так этот цыган написал нам, что *пчела* зовется “*бырлин*”, *мышьяк* — “*мижэх*”>. Думается, *мижэх* — субстантивированное прилагательное, а значение ‘мышьяк’, вероятно, возникло под влиянием русского паронима *мышьяк*. Первичное значение прилагательного ‘плохой, злой’ в ЦРС не указано, ср.: курземское латвийско-цыганское **mižáx** adj., inv. K<urzeme> ‘wicked, malicious; bad tempered’ [Mānušs 1997: 87] и др., а также в сомнительном источнике Г. фон Влислоцкого неоднократно: *miseç-* ‘Schmerz’ — на юге Венгрии [Wlislocki 1891: 20 и др.].

Место ударения в «**ми́жэх** *м*», по-видимому, выбрано в ЦРС по догадке, а мужской род по толкованию.

«**мису́ра** *ж* фамилия, прозвище, кличка» [ЦРС: 72], ср. похожее на форму мн. ч. к этому слову: «**мэсу́ри*** *м см*. мисура» [ЦРС: 75]. Кэлд. «**мэсу́ра** <*рум*> *ж* [мэ́сури] ме́рка, ме́ра» [Деметер, Деметер 1990: 108].

«**мури́** *ж мн* ягоды» [ЦРС: 74], для заимствования ожидаемо ударение на основе, *му́ра* (ж. р.) ‘ягода’ [Деметер, Деметер 1990: 106].

«**мусловы́** *ж* олово» [ЦРС: 74], возможна опечатка. Подозрительно похоже на: «**мулувы́** *ж* свинец, олово» [ЦРС: 73], грецизм *molóv* (ж. р.) ‘свинец’ [Mānušs 1997: 89], *молúви* (м. р.) ‘то же’ [Деметер, Деметер 1990: 104].

«**мусы́** *м мн* локти» [ЦРС: 74], форма и толкование сомнительно, в близком диалекте ед. ч. *musník* ‘arm <рука до плеча>’ [Mānušs 1997: 89]. Для этой диалектной группы характерно обобщение *васт* для ‘manus’ и ‘armus’. Сохранись это слово, должно было быть **мусы́* (ж. р.), мн. ч. **муся́*.

«**мутыра́** *м* <мн.> моча» [ЦРС: 74], ср. *mutér*, обычно мн. *muterá* ‘то же’ [Mānušs 1997: 89].

«**мэсу́ри*** *м см*. мисура» [ЦРС: 75].

«**нзбо*** *м* небо; **нисо́ нэнай, ек пани́ та нэбо** (<Старый> *О*<скол>) ничего нет, только вода да небо» [ЦРС: 77]. Иллюстрация созвучна цитате из песни «Акадякэ», где *нзбо* вторично < *нанзбов*: «Кай <где> паны <река>, вэм <*вэш* — лес>, на нэбо <*нанэ бов* — нет печи>, | Да хоть набутка <немного> хлеба, | Все там мы живем, | Песни весело поем» [Полный-1: 311], см. [Шаповал 2012: 122].

«**нэбри́*** *м мн* ведра» [ЦРС: 77], возможно, с опечаткой: *вэ́дра* (ж.р.) [*вэ́дри*] ‘то же’ или, скорее, все же полонизм *цэ́бра* (ж.р.) [*цэ́бри*] ‘то же’.

«**обтасавзс тэ** [**обтасадём**] обжигать» [ЦРС: 81], видимо, все-таки ‘обжимать’, ср.: «**тасавзс тэ** [**тасадём**] давить, жать, душить» [ЦРС: 132].

«**орчичи́** *м* олово» [ЦРС: 83], ударение сомнительно, кэлд. «**арчи́чи** <*арм*> *м* олово» [Деметер, Деметер 1990: 28], по причине отличий в начальной букве не учтено на карте распространения *arčič(i)* ‘Zinn’ <олово> [Boretzky 2012: 249].

Может быть, резонно не учтено, поскольку все другие фиксации в говорах южной локализации.

«**отэ́нчя** затем, потом» [ЦРС: 87], польское *o ten czas* ‘в это время’.

«**пала́мя** *ж* ладонь» [ЦРС: 87], ударение и вставка гласного сомнительны, кэлд. «**па́лма** <*рум*> *ж* [пэ́лми] ладонь» [Деметер, Деметер 1990: 115].

«**парора́** *м мн* (*С*<лавянск>) печень» [ЦРС: 89], *пэр-ор-а́*, точнее ‘внутренности, потроха’, уменьшительное от *пэр* ‘живот’.

«**парошчуно́*** *м* суббота» [ЦРС: 89], верное толкование ‘пятница’, ср. кэлд. «**параштуйи́** <*новогр*> *ж* [параштуйа̯] пятница» [Деметер, Деметер 1990: 115]. Греч. *παρασκενή* ‘канун, подготовка’ — ж. р, откуда наряду с *парашту́йи́* могла по аналогии с родовыми парами типа *р(р)омайи́ — р(р)оманó* ‘цыганский’ возникнуть и форма м. р. *парошчуно́,* вероятно, согласуемая с *дес* ‘день’.

«**пикало́** *м* пиджак» [ЦРС: 90], ср. «**пхикало́*** *м см*. **пикало́**» [ЦРС: 111], от прил. *пхикало́* ‘плечевой’, ср. «**псики́тко** 1. плечевой; 2. накидка» [ЦРС: 110], к «**пхико́*** *м* [**пхикэ́**] = **псико́** ‘плечо’» [ЦРС: 111].

«**порца́по*** *м* бричка» [ЦРС: 100], можно предположить, что связано с укр. *варця́б* ‘лутка, підвіконня, одвірок’ <оконный косяк, подоконник, дверной косяк> [ЕСУМ-І: 335], такая номинация кажется возможной, поскольку бричка тоже имеет раму. Исторически родственно польскому *warcaby* ‘шашки’. Оглушение странно, ср. *браныпэн*.

«**праш*** *м* [**праша́**] (*К*<урск>) ребро» [ЦРС: 102], возможно, отражение стяжения в *праш<ав>э́, откуда имен. пад. ед. ч. *праш*; ср. кэлд. «**прашáв** *м* [прашавé] 1. ребро» [Деметер, Деметер 1990: 123].

«**пули́чка*** *ж* [**пули́чки**] звезды» [ЦРС: 110]. См.: «Заря́нки, пу́лички (звѣзды) обманутъ, а колесница Господня <Большая (?) Медведица> вѣрно покажетъ время. <...> Э квакýха (мужицкое Сто́жирье <Плеяды, Телец>) «ни́жаить» (понижается) къ ночи» [Добровольский 1908: 40, № 31]. *Э квакýха* (с цыг. артиклем ж. р.) — смоленское *квакýха* ‘курица, наседка’ [СРНГ-13: 157], *пу́лички* — ср.: псковское *пу́льки* ‘цыплята’, курское *пу́ля* ‘цыпленок’ [СРНГ-33: 122, 123]. В ЦРС неправильное ударение (счита-

лось, что «вне зависимости от ударения в самом русском источнике» оно всегда переходит на предпоследний слог [Сергиевский 1929: 112]) и не учтена метафора. Л. Н. Черенков указал на сходное наименование созвездий у Папуши: «*...Pre boliben Kachńi Kachńorenca | Romano Vurden…Na niebie Kura z Kurczętami | i Cygański Wóz…*» ‘на небе Наседка с Цыплятами | и Цыганский Воз’ [Ficowski 1985: 258]. Этот пример показывает, что цыганский материал (по причине активного двуязычия цыган) без учета диалектного окружения не всегда может быть правильно интерпретирован.

«**ра́тници*** *ж мн* ворота; **амэ́ндэ ачхэ́л пэ ра́тницэн ману́ш*** (*К*<урск>) у нас в воротах стоит человек» [ЦРС: 116] < *вра́т-н-иц-а* ‘то же’ [ЦРС: 22], от *врата.*

«**ринг** *м* подпилок» [ЦРС: 116], кэлд. «**рин** <*новогр*> *м* [рина́] напильник» [Деметер, Деметер 1990: 133], новогр. *ριν*ί (ср. р.) [Mānušs 1997: 110] и *ρίνη* (ж. р.) ‘то же’. Возможно, *-нг* ошибочно на основе дореволюционной записи *ринъ*.

«**рота́*** *м* = ро́та колесо, колеса», со странным ударением; «**ро́та** *м* [**ро́ты**] колесо» [ЦРС: 124, 123], кэлд. «**ра́та** *ж* <*рум*> [ра́ты] колесо» [Деметер, Деметер 1990: 129].

«**рупуё*** [**рупуйи́**] *уст.* золотой; **е вядрэ́са рупуе́са** (*К*<ие>*в*) золотым ведром (*из песни*)» [ЦРС: 124], верное толкование ‘серебряный’, форма м. р. создана на основе *рупуе́са*, кэлд. «**рупуно́**′ (-и́) серебряный» [Деметер, Деметер 1990: 134], возможно с неразличением [н’] и [й]: *рупуйе́са* и *рупуйи́*. Толкование могло отражать расплывчатость семантики фольклорных образов.

«**сакирэ́ тэ*** [**сакирдо́м**] (*К*<урск>) топить, утопить; **би панэ́скиро ту сакирдя́н** *погов.* (<Старый> *О*<скол>) без воды ты утопил» [ЦРС: 124]. В 1931 г. вышел в свет краткий историко-этнографический очерк А. П. Баранникова «Цыганы СССР», где строка из песни о Руже «*бипанескиро тасакирдян*» (т. е. ‘без воды утопил ты’) записана с неправильным членением на слова как «бипане́скиро ту (‘ты’) сакирдя́н» [Баранников 1931: 67], появление нереального *сакирдян* вызвано, видимо, созвучием с *са кэрдя́н* ‘всё сделал (ты)’. Правильное членение подтверждает, например, кэлд. «**тасава́в** [тасаде́м] 1. душить, давить <...> 2. топить <в воде>» [Деметер, Деметер 1990: 149]. См. *обтасавэ́с*.

«**салы́** *ж мн* слюни» [ЦРС: 124], ударение как у исконных, ед. ч. *sal* (ж. р.) ‘то же’ < санскр. *svāda* (м. р.) ‘вкус’ [Mānušs 1997: 113], кэлд. описано с ударением, характерным для заимствований: «**са́ля** *мн* пена (*изо рта*)» [Деметер, Деметер 1990: 138] < ? рум. *salivă* < лат. *saliva* ‘слюна’.

«**самбу́ри** *ж*. подсолнух» [ЦРС: 124], см. *сымбури*.

«**стэ́тко** отвратительный» [ЦРС: 129], возможно, переосмысление русского *остáток*. Ср. *statno* ‘последний’ < польск. *ostatni* [Mānušs 1997: 117].

«**сымбу́ри*** *м* [**сымбуры́**] = самбу́ри подсолнух» [ЦРС: 131]. С другим родом: «**самбу́ри** *ж*. подсолнух» [ЦРС: 124]. (На этом фоне странен выбор Ромлекса: ***samburi*** *n f<eminin> pl:* <мн. ч от потерянного **сымбу́ри**: *samburi>-a obl:* <основа косвенных падежей по м. р.: *samburi>-es-* sunflower.) Ударение парокситонное сомнительно (см. *пуличка*). Румынское *sîmbure* (м. р.) ‘косточка (фрукта)’, мн. ч. *sîmburi*.

«**тидини́*** *ж* ярмарка» [ЦРС: 133], ‘сбор, собрание’, прич. ж. р. от незафиксированного в ЦРС, но вполне вероятного **тидéпэ тэ* ‘собираться’, ср. кэлд. «**ки́дав-ма** [кидéма, ки́давасма] собираться» [Деметер, Деметер 1990: 83].

«**фурчо́*** *м* [**фурчэ́**] вилы; **сструнэ́ фурчэ́** (*К*<ие>*в*) железные вилы» [ЦРС: 141]. По данным Л. Н. Черенкова [Черенков, настоящий сборник], в данном случае наблюдается ошибочное восстановление начальной формы заглавного слова, частый для этого словаря сдвиг ударения на конец слова; кэлд. «**фу́рка** <*рум*> *ж* [фу́рчи] 1. вилка; 2. вилы» [Деметер, Деметер 1990: 159].

«**ха́рто** *м* холоп, лакей, подхалим» [ЦРС: 149], переносное от польск. *chart* (м. р.) ‘гончий пес, борзой, легавый’.

«**цапны́** *ж* [**цапня́**] лягушка» [ЦРС: 144], ср. *sapní* ‘змея, пресмыкающееся’ [Mānušs 1997: 113]. Также (наряду с ‘лягушка’) ‘ящерица’: «Цыгане — любящие родители — свою дочку могли сначала в шутку, а потом и всерьез называть, например, Цапны (“ящерица”), Жамбутко (“жаба, лягушка”) или Лягушко» [Торопов, Калинин 2006: 9–10].

«**цунгля́** *ж мн* вожжи» [ЦРС: 144], от нем. *Züngel* (ср. р.) ‘язычок’ в различных приспособлениях (например, спусковой крючок). Для заимствованного существительного ожидалось бы ед. ч. *цу́нгля*, мн. ч. *цу́нгли*.

«**цымпо́ни** *ж* [**цымпо́ня**, **цымпо́ния**] скрипка; **котэ́ тхелдэ́ цымпо́ния** (*Мар*<иуполь>) там играли скрипки» [ЦРС: 144], иллюстративный контекст вполне можно интерпретировать как ‘там играли симфонию’. Это, видимо, заимствование *симфония*, также вероятно, что неверно указаны формы ед. и мн. ч. Соотношение ед. ч. и мн. ч. здесь такое же, как в заимствованиях *васти, вунди, коврыгури*, что обескураживает.

«**чалавдо́*** *м* [**чалавдэ́**] (<*С*<лавянск>) *дорев.* солдат» [ЦРС: 145], буквально ‘тронутый, пришибленный’. Одной буквой отличается от «**халавдо́ *** *м* [**халавдэ́**] = **хэладо́** *уст.* солдат, военный» [ЦРС: 142], видимо, игра слов.

«**чордоно́*** [**чордони́**] (<Старый> *О*<скол>) *см.* **чёрдо́** <краденый>» [ЦРС: 146], неясно. Прилагательное отпричастное с суффиксом *-ан-*, ср. «**чёрдан|о́ (-и́)** *прич. от* **чёра́в** 1. ворованый, краденый» [Деметер, Деметер 1990: 167].

«**чхарэ́ тэ*** [**чхардо́м**] одевать, надевать» [ЦРС: 146], видимо, с тем же корнем, что «**учякирэ́с тэ*** [**учякирдём**] укрывать; закрывать» [ЦРС: 140], кэлд. «**вушяраво́в** [вушярде́м, вушяраво́вас] 1. покрывать, укрывать» [Деметер, Деметер 1990: 50].

«**шприи́** *ж* мякина» [ЦРС: 149], ударение странно, нем. *Spreu* (ж. р.) ‘то же’.

«**шта́лто** *м* торс, фигура» [ЦРС: 149], польск. *kształt* (м. р.) ‘форма, образ’, от нем. *Gestalt* ‘форма, фигура’.

«**шту́нда!** *межд.* добро!, хорошо!» [ЦРС: 149]. От нем. *Stunde* (ж. р.) ‘час’ в смысле *в добрый час!*

«**шутла́га** *ж* щавель» [ЦРС: 150], и «щавелевый суп, называемый *шутла́га* (щавель)» [Андроникова 2006: 609]: «Какую шутлагу (щи из щавеля) сварите, такую и хлебать будете» [Ром-Лебедев 1990: 162]. Возможно, русское *шутла́га* с суффиксом *-аг*(*а*) усмотрено на основе названия **зуми шутла́га* (суп со щавелем), последнее очень похоже на «южноцыганский» творительный (комитатив) ед. ч. от прил. *шутлы́* (ж. р.) ‘кислая’ (согласуемого с *чяр* (ж. р.) ‘трава’?).

«**ястра́*** *м мн* деньги» [ЦРС: 152], возможно, опечатка, **яспра́*, к *гаспря́* ‘копейки’.

Выше удалось рассмотреть некоторые наиболее заметные случаи. Все предлагаемые исправления и замечания показывают, что необходим более масштабный критический разбор словаря

1938 г. В данной статье критически оценивались принципы фиксации в словаре отдельных слов, однако более детального анализа заслуживает и система описания больших групп слов. Наметим только два возможных направления: описание морфологии и словообразования и тесно связанное с ним описание синтаксических особенностей диалектов.

Довольно редко существительные на *-ма* имеют правильное указание на м. р.: «**шко́дыма** *м* шалость» [ЦРС: 149], иногда видна правка, не коснувшаяся середины словарной статьи: «**визго́тыма** *м* визг, свист; <но с прил. ж. р.> **чюпня́кири визго́тыма** свист бича» [ЦРС: 21]; «**го́жыма** *м* красота; <но с прил. ж. р.> **сави́ го́жыма!** какая красота!» [ЦРС: 32], но довольно часто неправильно указан ж. р.: «**бри́ткима** *ж* отвращение» [ЦРС: 17]; «**на́ртыма** *ж* упрямство; упорство» [ЦРС: 76]; «**ра́дыма** *ж* радость» [ЦРС: 115]; «**фрэ́нтыма** *ж* хитрость» [ЦРС: 141] и т. д. При этом «южноцыганские» типа «**гуглимо́*** *м* сладость» [ЦРС: 32], «**жужимо́*** *м* чистота» [ЦРС: 45], имеют правильную помету м. р. Иногда можно подозревать описание основы косвенного падежа в качестве имен. пад.: «**бэшыма́*** *м см.* **бэшыбэ́(н)** <тюрьма>» [ЦРС: 19], обычно *-мо́*.

Обнаруженные словарные ошибки (мнимости и сомнительности) переходят из словаря в словарь, см. ROMLEX: **mižêx** *n m* мышьяк, **balmuzo** *n m* арбуз, **branîpê, branîpên** *n m* старье, ветошь. Очевидно, что словарь 1938 г. и вообще лингвистическое наследие 1920-х – 1930-х гг. нуждается в более тщательном критическом изучении.

Литература

Андроникова И. М. (2006). *Язык цыганский весь в загадках. Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андрониковой* / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и справочный аппарат С. В. Кучепатовой. Санкт-Петербург: Дмирий Буланин.

Баранников А. П. (1931). *Цыганы СССР. Краткий историко-этнографический очерк*. Москва: Центриздат.

Бондалетов В. Д. (1987). Словарь офенского языка ремесленников и торговцев Орехово-Зуевского района Московской области. По материалам экспедиции 1964 г. // *Арготизмы в словарях русского языка.* Рязань: РГПИ им. С. А. Есенина, 82–85.

Вентцель Т. В., Черенков Л. Н. (1976). Диалекты цыганского языка // *Индоевропейские языки*. Т. 1. Москва: Наука, 283–339.

Даль В. И. (1904–1907). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Санкт-Пебербург, Москва: Товарищество М. О. Вольфа.

Деметер Р. С., Деметер П. С. (1981). *Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей*. Москва: Главная редакция восточной литературы.

Деметер Р. С., Деметер П. С. (1990). *Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)* / Под ред. Л. Н. Черенкова. Москва: Русский язык.

Добровольский В. Н. (1908). *Киселевские цыгане*. В. 1. Цыганские тексты. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

ЕСУМ (1982–2006). *Етимологічний словник української мови*. Т. 1–5. Київ: Наукова думка.

Истомин (Патканов) П. С. (1900). *Цыганский язык*. Грамматика и руководство к практическому изучению разговорной речи современных русских цыган. Москва: Русское товарищество печатного и издательского дела.

Кантя Г. (1970). *Фолклорос романо*. Кишинев: Картя Молдовэняскэ.

Кантя Г. (2011). «Фолклорос романо». Перевод на русский язык К. Шишкана. Вступительная статья С. Прокоп // *Журнал этнологии и культурологии* IX–X, 215–223. (http://ru.scribd.com/doc/88598583/Revista-de-Etnologie-Si-Culturologie-Vol-9-10)

Канунова Р. С., Матсапаева Е. М., Епифанова К. В. (2012). *Владимирский областной словарь: лексика природы*. Владимир: Издательство ВлГУ.

Нэво (2001). *Нэво завето. Псалмы. Притчы*. GBV-Dillenburg.

Панков Н. А. (1927). Лыла ромэндыр и ромэнгэ // *Романы зоря* 1, 7–8.

Полный-1 (1904?). *Полный сборник либретто для граммофона. Оперные и опереточные арии, ансамбли, хоры, песни, куплеты и рассказы*. [Ч. I]. Санкт-Петербург.

Ром-Лебедев И. И. (1990). *От цыганского хора к театру «Ромэн»*. Москва: Искусство.

Сергиевский М. В. (1929). Из области языка русских цыган // *Ученые записки Российской Ассоциации НИИ Общественных наук* 3. Лингвистическая секция, 88–112.

СРНГ (1965–2011). *Словарь русских народных говоров*. Т. 1–43. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург: Наука.

Страхов А. Б. (2004). По страницам Словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения) // *Paleoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology* XII (1), 254–324.

Торопов В. Г., Калинин В. И. (2006). *Феномен обычного права цыган России*. Иваново: Ивановский государственный университет.
ЦРС — Сергиевский М. В., Баранников А. П. (1938). *Цыганско-русский словарь*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
Шаповал В. В. (2007). Цыганские элементы в русском воровском арго? // *Вопросы языкознания* 5, 108–128.
Шаповал В. В. (2012). *Краткий словарь цыганизмов в восточнославянских языках.* Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
Шаповал В. В. *Цыганско-славянские языковые контакты и источники их изучения*. Настоящий сборник.
ЭСБМ- (1978–2006). *Этымалагічны слоўник беларускай мовы*. Т. 1–11. Мінск: Навука і тэхніка.
Barannikov A. P. (1934). *The Ukrainian and South Russian Gypsy Dialects*. Leningrad: Publishing Office of the Academy.
Boretzky N. (2012). *Studien zum Wortschatz des Romani.* [Sine loco]: Faber Publishers.
Csenki I., Csenki S. (1980). *Cigány népballadák és keservesek*. Budapest: Európa Könyvkiadó.
Ficowski J. (1985). *Cyganie na polskich drogach*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbańczyk S. (1981). *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.
Mānušs L. (1997). *Romany-Latvian-English Etymological Dictionary*. Riga: Zvaizgne ABC.
Stewart M. (1997). *The Time of the Gypsies*. Boulder, Colo: Westview Press.
von Wlislocki H. (1891). *Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner*. Münster i. W.: Asschendorff.
Wolf S. A. (1956). *Wörterbuch des Rotwelschen. Deutsche Gaunersprache.* Mannheim: Bibliographisches Institut.

ВЛАШСКИЕ ДИАЛЕКТЫ ЦЫГАНСКОГО ЯЗЫКА

К. А. Кожанов

Москва

МОДАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ ‘БЫТЬ’ В КЭЛДЭРАРСКОМ ЦЫГАНСКОМ (ГОВОР КОТЛЯРОВ-МОЛДОВАЯ)

1. Введение[1]

В диалектах цыганского языка встречаются несколько типов модальных конструкций, включающих в качестве одного из элементов глагол-связку *si* ‘быть’. Использование глагола ‘быть’ в конструкциях с модальным значением типологически частотно, ср. значение долженствования (obligation) в [Bybee et al. 1994: 183–184].

В цыганских модальных конструкциях с глаголом ‘быть’ форма связки может согласовываться (1)[2] или не согласовываться (2) с субъектом.

(1) *Šomaš* *te* *lā* *phabā*
быть.PST.1SG SUB брать.PRS.1SG яблоко.DIR.PL
kjathakja *than-es-te.*
такой место-OBL-ABL
‘Я должен достать яблоки из такого-то места.’
(валлийский цыганский; [Sampson 1926, II: 119])

[1] Я хотел бы поблагодарить П. М. Аркадьева, В. А. Плунгяна и участников Рабочего совещания за замечания и предложения по улучшению текста статьи. Особую признательность я бы хотел выразить С. В. Янополю и жителям цыганского поселения г. Чудово Новгородской обл. и поселения д. Верхние Осельки Ленинградской области за помощь в сборе материала и постоянную поддержку. Те авен бахтале, састевесте! За ошибки в интерпретациях и анализе ответственность лежит только на мне.

[2] Примеры (1–3, 5) цитируются по [Elšík, Matras 2009].

(2) *Me sas te dikh-a-v pe l*
я.DIR быть.PST3 SUB смотреть-PRS-1SG на ART.PL
grast.
лошадь.DIR
‘Я должен был смотреть за лошадьми.’
(австрийский ловарский; [Fennesz-Juhasz, Heinschink 1999: 66])

Развитие конструкции типа (2) для выражения модальных значений (в частности значения необходимости), видимо, произошло уже в раннецыганском [Matras 2002: 163] под влиянием балканских языков, в первую очередь греческого, ср. [Boretzky 1996a: 11], [Elšík, Matras 2009: 288]. Моделью послужила посессивная конструкция и глаголы обладания, которые в балканских (и в целом европейских) языках регулярно используются для выражения модальных значений, ср., например, греч. *έχω να κάνω* и нем. *ich habe zu machen* ‘я должен сделать’. В цыганском посессивная конструкция состоит из глагола ‘быть’ и посессора, выраженного косвенной формой (в разных диалектах посессор маркируется винительным, дательным или местным падежами). Таким образом, предполагается следующая цепочка развития конструкции: *si ma* ‘у меня есть’ > *si ma te kerav* ‘я должен делать’, досл. ‘у меня есть / имею делать’ > *si te kerav* ‘я должен делать’, см. [Boretzky 1996a: 11]. Такое развитие также объясняет, почему связка в данной конструкции грамматикализовалась в 3 л. Субъект в этой конструкции стал маркироваться именительным падежом позднее, однако в некоторых диалектах он маркируется косвенным падежом:

(3) *Šī man te dā les*
быть.PRS.3 я.OBL SUB давать.PRS.1SG он.OBL
būt lōvō.
много деньги.DIR
‘Я должен дать ему много денег.’
(валлийский цыганский; [Sampson 1926, I: 213])

Считается, что конструкция типа (1) в цыганском развилась из конструкции типа (2) или копирует конструкции, состоящие из глагола ‘быть’ и инфинитива, распространенные в европейских языках, ср. [Boretzky 1996a: 13–14]. В цыганском языке исторический инфинитив был утрачен, а его функциональным аналогом являют-

ся спрягаемые формы глагола, вводимые подчинительным союзом *te*, ср. (4a–b)[3], подробнее см. [Friedman 1985; Matras 2002: 180].

(4) a. *Ме сым те дилаб-á-в аканá.*
я.DIR быть.PRS.1SG SUB петь-PRS-1SG сейчас
‘Я должен сейчас петь (моя очередь).’

b. *Во сы те дилаб-á-л аканá.*
он.DIR быть.PRS.3SG SUB петь-PRS-3SG сейчас
‘Он должен сейчас петь (его очередь).’

В ряде диалектов сочетание одной из форм связки и подчинительного союза грамматикализовалось, ср. (5a–b) из синти, где связка в сочетании с союзом *te* грамматикализовалась в форме *hunte* (< *hom te* 1 л. ед. ч.) для форм не 3 л., подробнее см. [Boretzky 1996a: 13], [Elšík, Matras 2009: 289]:

(5) a. *Tu hunte kr-e-s kova.*
ты.DIR должен делать-PRS-2SG это
‘Ты должен сделать это.’

b. *Hunte džaj-om khere.*
должен идти-PST.1SG домой
‘Я должен был пойти домой.’

(синти; [Holzinger 1993: 92–93])

В данной статье речь пойдет о всех модальных конструкциях с глаголом *сы* ‘быть’ безотносительно к их происхождению в кэлдэрарском диалекте цыганского языка. Кэлдэрарский относится к северновлашским диалектам цыганского, сформировавшимся при значительном влиянии со стороны румынского языка. В основу статьи легли данные языка российских кэлдэраров, или котляров[4] (в дальнейшем оба термина используются наравне).

[3] Все примеры, взятые из текстов или грамматических описаний, имеют соответствующие пометы. Примеры, не имеющие специальных помет, получены в ходе полевых записей автора на территории России (прежде всего в котлярских поселениях в д. Верхние Осельки Ленинградской области и г. Чудово Новгородской области).

[4] Принято считать, что этноним *котля́ри*, мн. *котля́ря* является русским переводом рум. *căldărar* ‘изготовитель котлов’, где корень căldare ‘котел, ведро’, см., например, [Tcherenkov, Laederich 2004: 416].

Фактически никаких публикаций о диалектном разнообразии кэлдэрарского на территории России не было. Тем не менее, на данный момент можно с уверенностью сказать, что язык кэлдэраров, проживающих в России, не однороден. Две основные диалектные группы составляют говор *йоне́шти* и говор *молдова́я*[5]. Использование того или иного диалекта на территории России, как правило, связано не с географическим расположением[6], а с родовой принадлежностью.

Основные отличия в диалектах, по всей видимости, сформировались в дороссийский период и связаны с разными местами проживания предков соответствующих родов на территории юго-восточной Европы. Говор цыган-йонешти (род *петро́шти*) представлен в сборнике фольклора [Деметер, Деметер 1981] и словаре [Деметер, Деметер 1990]. Различия между двумя говорами наблюдаются в области фонетики, лексики, морфологии и, видимо, синтаксиса. В статье представлены данные только говора котляров-молдовая, частично полученные с помощью специально разработанной синтаксической анкеты.

Таким образом, в задачи статьи входит, с одной стороны, описание типов модальных конструкций с глаголом-связкой и их значений в российском говоре котляров-молдовая, а также сравнение с данными из доступных описаний других вариантов кэлдэрарского (в первую очередь шведского [Gjerdman, Ljungberg 1963] и северносербского [Boretzky 1994] кэлдэрарского), с другой стороны, уточнение выводов, сделанных в обобщающих описаниях модальных конструкций с глаголом-связкой на материале разных цыганских диалектов, см. [Boretzky 1996a], [Elšík, Matras 2009].

[5] Названия говоров условны и отсылают к основным родам, которые используют соответствующий говор.

[6] Как правило, котляры-йонешти и котляры-молдовая не живут общими таборами. Впрочем, автору известны случаи, когда немногочисленные семьи йонешти, проживая среди молдовая, переходили на «молдавский говор», иными словами, говор начинал определяться географическим положением.

2. Семантика и морфосинтаксис модальных конструкций со связкой в кэлдэрарском

В существующих описаниях кэлдэрарских диалектов упоминается только конструкция с неизменяемой по лицам и числам связкой *si te*. Так, в северносербском варианте кэлдэрарского [Boretzky 1994] *si te* — это безличная конструкция со значением долженствования:

(6) *tu* *sî* *te* *phařav-e-s* *o*
ты.DIR быть.PRS3 SUB закрывать-PRS-2SG ART.DIR.M
vudar
дверь.DIR
‘ты должен закрыть дверь’

[Boretzky 1994: 138]

По наблюдениям Н. Борецкого, данная конструкция в кэлдэрарском, в отличие от других диалектов, не развила ни значения будущего времени, ни каких-либо других значений [Boretzky 1996a: 13].

В говоре шведских кэлдэраров [Gjerdman, Ljungberg 1963] безличная конструкция *si te* также имеет модальное значение необходимости. Особенность этого варианта кэлдэрарского состоит в том, что субъект в данной конструкции может быть оформлен не только именительным падежом, как в примерах Борецкого, но и с помощью показателей косвенной основы (7b) или датива (7c), или, как и в других описанных вариантах кэлдэрарского, не выражен вовсе (7d). Другое отличие от данных Борецкого[7] заключается в возможности маркирования времени на связке, ср. (7a–b).

(7) a. *si* *amé* *te* *trád-a-s*
быть.PRS.3 мы.DIR/OBL.CL SUB ехать-PRS-1PL
‘мы должны уехать’

[7] С одной стороны, в данных Борецкого нет примеров конструкции со связкой в прошедшем времени, с другой стороны, также нет и эксплицитного заявления о невозможности использования связки в прошедшем времени. Тем не менее даже в самых подробных описаниях конструкции, ср. [Boretzky 1996a: 11–13], Н. Борецки приводит формы только настоящего времени.

b. *sas* *len* *te* *biṭi̯in-é-n*
быть.PST3 они.OBL SUB продавать-PRS-3PL
le *guruv-és*
ART.OBL.M бык-OBL.M.SG
‘они должны были продать быка’

c. *si* *mán-gẹ* *te* *ažütí*
быть.PRS.3 я.OBL-DAT SUB помогать.PRS.1SG
la
она.OBL
‘я должен ей помочь’
[Gjerdman, Ljungberg 1963: 125]

d. *trin* *di̯es* *si* *te*
три.DIR день.DIR быть.PRS.3 SUB
taṭi̯-ar-á-h *o* *bov*
теплый-CAUS-PRS-1PL ART.OBL.M печь.DIR
‘три дня мы должны топить печь’
[Gjerdman, Ljungberg 1963: 180]

От данных Борецкого отличаются и возможные употребления конструкции. В текстах имеются примеры, когда данная конструкция в презенсе может быть интерпретирована как показатель будущего времени или проспектива (8), а в прошедшем времени выступает в аподозисе контрафактивных условных предложений, выражая ирреальное следствие (9).

(8) *Akaná* *si* *te* *da-v* *šol,*
сейчас быть.PRS.3 SUB давать-PRS.1SG свист
sáp-a!
змея-VOC
‘Now I’m going to whistle, snake![8]’
[Gjerdman, Ljungberg 1963: 162]

[8] Здесь и далее сознательно оставлен оригинальный перевод.

(9) *Haị te na mul-in-é-sas, ịi adịés*
и SUB NEG умирать-PST-3PL-DP и сегодня
sas te traí-n
быть.PST.3 SUB жить-PRS.3PL
‘And if they were not dead, they would be still alive this very day.’
[Gjerdman, Ljungberg 1963: 167]

В говоре российских кэлдэраров, описанном в [Деметер, Деметер 1981; Деметер, Деметер 1990], *сы те* — также безличная конструкция, имеющая значение деонтической необходимости (10a) и значение, которое в переводах интерпретируются то как эпистемическая необходимость (10b), то как будущее время (10c). Последние два примера кажется логичным интерпретировать как проспективные употребления, подробнее см. в Разделе 3.3.

(10) a. *ме сы те теляр-á-в*
я.DIR быть.PRS.3 SUB отправляться-PRS-1SG
‘я должен ехать’

b. *во сы те ав-é-л фýго*
он.DIR быть.PRS.3 SUB приходить-PRS-3SG быстро
‘он должен скоро прийти’

c. *сы те д-е-л брышы́нд*
быть.PRS.3 SUB давать-PRS-3SG дождь.DIR
‘будет дождь’

Та же конструкция с глаголом-связкой в прошедшем времени выражает «ирреальное условие»[9] [Черенков, Деметер 1990: 306], ср. употребление в аподозисе гипотетического условного предложения (11a), в независимом предложении (11b) и в косвенном вопросе (11c):

(11) a. *т’ я-л ма[н] путя́ря,*
SUB приходить.PRS-3SG я.OBL.CL/OBL власть.DIR
сас те гони́-в-ас лес
быть.PST.3 SUB гнать-PRS.1SG-DP он.OBL
‘была бы моя воля, я прогнал бы его’

[9] Данный термин не точен, потому что конструкция как раз не может использоваться в протазисе условных предложений.

b. *ка́на ме сас те гынди́-в пе*
когда я.DIR быть.PST.3 SUB думать-PRS.1SG на
ле́с-те?
он.OBL-LOC
‘когда бы я мог подумать на него?’

c. *жян-е́-с, со сас те кэр-э́-л*
знать-PRS-2SG что быть.PST.3 SUB делать-PRS-3SG
ту́-кэ во?
ты-DAT он.DIR
‘знаешь, что он бы тебе сделал?’

Развитие у конструкции значения будущего времени также отмечается в обобщающей работе [Elšík, Matras 2009], тем не менее авторы оговаривают, что значение будущего времени могло быть заимствовано напрямую из языка-источника, и отмечают, что, «в любом случае, постмодальное развитие сильно грамматикализованных модальных глаголов и конструкций со значением возможности и необходимости в цыганском не зафиксированы» <in any case, post-modal developments of strongly grammaticalized possibility and necessity modals are unattested in Romani> [Elšík, Matras 2009: 309].

В Таблице 1 обобщены результаты анализа употреблений конструкции *сы те* в доступных источниках по кэлдэрарскому диалекту цыганского.

Таблица 1. Значения конструкции *сы те* в доступных источниках по кэлдэрарскому

Источник	Необходимость	Ирреальность	Будущее время
влашские диалекты цыганского [Boretzky 2003]	*si te*	не отмечено	не отмечено
северносербский говор кэлдэрарского [Boretzky 1994]	*si te*	не отмечено	не отмечено
шведский говор кэлдэрарского [Gjerdman, Ljungberg 1963]	*si*/*sas* + (DAT/ACC) + *te*	*sas te*	*si te*
шведский говор кэлдэрарского, переводы Jonny G. Ivanovitch[10]	*si te*; *sas te*	*sas te*	*si te*
шведский говор кэлдэрарского [Kaldaras Nikolizsson 2004]	*si te*; *sas te*	нет примеров	нет примеров
аргентинский говор кэлдэрарского [Bernal 2005]	*si te*; *sas te*	нет примеров	нет примеров
российский говор кэлдэрарского (йонешти) [Деметер, Деметер 1981; Деметер, Деметер 1990]	*сы те*	*сас те*	*сы те*

3. Модальные конструкции с глаголом-связкой в говоре котляров-молдовая

В говоре котляров-молдовая существуют три типа конструкции, представляющие собой сочетание глагола-связки *сы* ‘быть’ со спрягаемым глаголом, вводимым подчинительным союзом *те*. Все эти типы конструкций дают модальное значение необходимости:

а. субъект (в именительном падеже) + согласуемые с субъектом по лицам и числам формы связки + подчинительный союз *те* + согласуемые с субъектом формы глагола;

[10] Использовались две книги [Nilsson-Brännström 2004] и [Lundgren, Dimiter Taikon 2001].

b. изменяемая по временам связка в 3 л. + субъект (в дательном падеже) + подчинительный союз *те* + согласуемые с субъектом по лицам и числам формы глагола;

c. субъект (в именительном падеже) + изменяемая по временам связка в 3 л. + подчинительный союз *те* + согласуемые с субъектом по лицам и числам формы глагола.

(12) a. *Ме сым те жя́-в-тар аканá.*
я.DIR быть.PRS.1SG SUB идти-PRS.1SG-из сейчас
‘Я сейчас должен уйти (моя очередь).’

b. *Сы ле́н-гэ те жя-н а́ндо фо́р-о.*
быть.PRS.3 они.OBL-DAT SUB идти-PRS.3PL в город-DIR.SG
‘Им нужно поехать в город.’

c. *Ту* сы *те жя́-с-тар.*
ты.DIR быть.PRS.3 SUB идти-PRS. 2SG-из
‘Ты должен уйти.’

3.1. Конструкция (а)

В данной конструкции глагол *сы* ‘быть’ меняется по лицам, числам, ср. (13), и по временам, ср. (14).

(13) *Ме чи сым те шя-в ма,*
я.DIR NEG быть.PRS.1SG SUB совать.PRS-1SG я.OBL.CL
тумé сан!
вы.DIR быть.PRS.2SG
‘Сейчас не я должен выходить, а вы (не моя, а ваша очередь).’

(14) *Ме сы́мас те шя-в ма,*
я.DIR быть.PST.1SG SUB совать.PRS-1SG я.OBL.CL
ай во пханда-д-я́ ма́н-гэ дром.
и он.DIR закрывать-PST-3SG я.OBL-DAT дорога.DIR
‘Я должен был выйти, а он перегородил мне дорогу (была моя очередь).’

Данная конструкция имеет значение очередности, результатом которой может стать необходимость выполнения действия:

(15) *Ме* *сым* *те* *шю́д-а-в* *аканá.*
я.DIR быть.PRS.1SG SUB бросать-PRS-1SG сейчас
‘Сейчас моя очередь бросать.’ и
‘Я должен сейчас бросать (моя очередь).’

Конструкция с таким значением не отмечалась в других вариантах кэлдэрарского и может быть внутридиалектным развитием. Никакой очевидной модели в возможных языках-донорах обнаружить не удалось.

3.2. Конструкция (b)

В конструкции этого типа связка не изменяется по лицам и числам (всегда в 3 л.), а субъект выражен дательным падежом:

(16) *Сы* *ма́н-гэ* *те* *жя-в* *а́ндо*
быть.PRS.3 я.OBL-DAT SUB идти.PRS-1SG в
фо́р-о.
город-DIR.SG
‘Мне нужно поехать в город.’

Связка может меняться по временам:

(17) *Сас* *ма́н-гэ* *те* *жя-в* *а́ндо*
быть.PST.3 я.OBL-DAT SUB идти-PRS.1SG в
фо́р-о.
город-DIR.SG
‘Мне нужно было поехать в город.’

Основным значением конструкции является значение внутренней необходимости:

(18) *Сы* *ле́h-кэ* *те* *ха-л* *три́вар*
быть.PRS.3 он.OBL-DAT SUB есть-PRS.3SG трижды
о *дес* *те* *на́* *ав-е-л*
ART.DIR.M день.DIR SUB NEG приходить-PRS-3SG
бокхал-о́.
голодный-M.DIR.SG
‘Ему нужно есть три раза в день, чтобы не быть голодным.’

Однако в большинстве контекстов эта конструкция оказывается неоднозначной и допускает также толкование со значением желания, т. е. примеры (16) и (17) могут быть поняты как

‘Я хочу поехать в город’ и ‘Я хотел поехать в город’ соответственно, ср. также (19):

(19) *Сы* *ле́н-гэ* *те* *битин-е́-н*
быть.PRS.3 они.OBL-DAT SUB продавать-PRS-3PL
э *мато́р-а.*
ART.DIR.F машина-DIR.SG
‘Они хотят продать машину’ и
‘Им надо продать машину.’

Данная конструкция в значении желания может также использовать глагол *авав* ‘приходить’:

(20) *Ав-е́-л* *ма́н-гэ* *те* *цыпи́-в*
приходить-PRS-3SG я.OBL-DAT SUB кричать-PRS.1SG
хол-я́-тар.
злость-OBL.F.SG-ABL
‘Мне хочется кричать от злости.’

Примеры типа (20) (также отмеченные в словаре российских кэлдэраров, см. [Деметер, Деметер 1990: 21]) не допускают интерпретации со значением необходимости.

В грамматике [Gjedrman, Ljungberg 1963] указывается, что в говоре шведских кэлдэраров субъект также может быть выражен косвенной основой, ср. приведенный ранее пример (7b). Среди котляров-молдовая лишь небольшая часть носителей признала конструкцию с субъектом, выраженным косвенной основой, правильной. По всей видимости, такая конструкция интерпретируется как посессивная, ср. (21), пример (21a) повторяет пример (16).

(21) a. *Сы* *ма́н-гэ* *те* *жя-в* *а́ндо*
быть.PRS.3 я.OBL-DAT SUB идти-PRS.1SG в
фо́р-о.
город-DIR.SG
‘Мне нужно поехать в город.’

b. *Сы* *ма* *(ек* *де́л-а)* *те*
быть.PRS.3 я.OBL.CL один дело-DIR.SG SUB
жя-в *а́ндо* *фо́р-о.*
идти-PRS.1SG в город-DIR.SG
‘Есть у меня одно дело, чтобы поехать в город.’

Пропуск в примере (21b) именной группы *ек дела* ‘одно дело’ не всеми носителями признается возможным. Здесь стоит оговориться, что в современном говоре котляров-молдовая посессор в посессивной конструкции выражается локативом, с возможностью «нейтрализации» в косвенной основе[11], ср. (22a), где посессор оформлен локативом, (22b), где посессор оформлен клитикой (т. е. косвенной основой), и (22c) с местоименной репризой, где посессор оформлен одновременно и локативом и клитикой:

(22) a. *Ма́н-де* *сы* *дуй* *пхрал.*
я.OBL-LOC быть.PRS.3 два.DIR брат.DIR

b. *Сы* *ма* *дуй* *пхрал.*
быть.PRS.3 я.CL два.DIR брат.DIR

c. *Ма́н-де* *сы* *ма* *дуй* *пхрал.*
я.OBL-LOC быть.PRS.3 я.CL два.DIR брат.DIR
‘У меня есть два брата.’

Однако в протоцыганском посессор в посессивной конструкции, по всей видимости, регулярно выражался обликвусом, который позднее в ряде диалектов под влиянием окружающих языков был заменен на дательный падеж, см. [Matras 2002: 86]. Именно датив с возможностью «нейтрализации» в косвенной основе маркирует посессор в языке шведских кэлдэраров, см. [Gjerdman, Ljungberg 1963: 105]. Использование локатива для маркирования посессора в котлярском на территории России, по всей видимости, является инновацией (однако вряд ли происшедшей на территории России). Конструкции типа (b) в кэлдэрарском на территории России не интерпретируются как посессивные, что может быть дополнительным аргументом в пользу заимствованного характера этой конструкции[12]. Развитие у конструкции зна-

[11] Подробнее о «нейтрализации падежей» в кэлдэрарском см. [Кожанов 2012].

[12] Теоретически можно предположить и обратное развитие: на более ранней стадии в кэлдэрарском посессор маркировался дативом, а потом стал оформляться локативом. Однако модальная конструкция с дативом не воспринималась как посессивная, поэтому маркирование субъекта не изменилось.

чения желания не удается объяснить контактным влиянием и, видимо, стоит рассматривать как произошедшее внутри диалекта на основе значения внутренней возможности. История развития этого значения требует дополнительного исследования.

Особым случаем являются примеры из словаря [Деметер, Деметер 1990], где в этой конструкции и со значением необходимости, и со значением желания вместо глагольной группы используется отглагольное существительное в форме дательного падежа:

(23) a. *амéн-гэ* *сы* *трад-им-áс-кэ*
мы.OBL-DAT быть.PRS.3 ехать-NMLZ-OBL.M.SG-DAT
‘нам необходимо уезжать’

b. *сы* *лéс-кэ* *наш-ым-áс-кэ*
быть.PRS.3 он.OBL-DAT бежать-NMLZ-OBL.M.SG-DAT
‘он задумал побег’

Схожее «инфинитивное» использование абстрактных существительных в дативе встречается и в других диалектах цыганского, см. [Boretzky 1996b: 9–10]. Во всех имеющихся примерах присутствует связка.

В фольклорных песенных текстах котляров-молдовая удалось выявить еще один вариант конструкции, состоящей из глагола-связки, объекта, оформленного дательным падежом, и существительного в родительном падеже, согласуемого по роду и числу с субъектом[13]:

(24) *Най* *мáн-гэ*
не.быть.PRS.3 я.OBL-DAT
парру-им-áс-т-и, *сы*
менять-NMLZ-OBL.M.SG-GEN-DIR.SG.F быть.PRS.3
мáн-гэ *битин-им-áс-т-и!*
я.OBL-DAT продавать-NMLZ-OBL.M.SG-GEN-DIR.SG.F
‘Я не хочу менять (ее), я хочу продать (ее)!’[14]

[13] Тем не менее стоит иметь в виду, что форма могла быть выучена исполнителем неправильно и перед нами та же конструкция с дативом.

[14] Записано автором статьи 21.09.2012 г. от Розы Михай (≈1947 г. р.) в г. Чудово Новгородской области.

Обе конструкции невозможны в современном разговорном языке.

3.3. Конструкция (с)

Данная конструкция — безличная, связка всегда выступает в 3 л., не меняясь по лицам и числам, но подчиненный глагол меняется:

(25) *Сы* *те* *жя́-с-тар* *кацáр.*
быть.PRS.3 SUB идти-PRS.2SG/1PL-из отсюда
‘Ты должен/Мы должны уйти отсюда.’

Возможно изменение глагола-связки по времени, при этом в претерите появляется возможность ирреальной интерпретации:

(26) *Сас* *те* *ав-á-в.*
быть.PST3 SUB приходить-PRS-1SG
‘Я должен был прийти’ и
‘Я бы пришел.’

Данная конструкция используется для описании ситуации, которая должна произойти вследствие некоторой внешней причины (внешняя необходимость), однако, по всей видимости, невозможна в контекстах, где внешний источник — это приказ или предписание (деонтическая необходимость[15]). Для выражения деонтической необходимости обычно используется слово *мусай* ‘должен’:

(27) *Кáна* *ме* *дивини́-в,* *му́сай* *те*
когда я.DIR говорить-PRS.1SG должен SUB
ашун-é-с *ма.*
слушать-PRS-2SG я.OBL.CL
{Отец сказал сыну:} ‘Когда я говорю, ты должен меня слушать.’

[15] Термины используются как в [van der Auwera, Plungian 1998], т. е. деонтическая модальность рассматривается как подтип внешней модальности. В комплексе модальных значений, предполагающих внешнего источника, деонтическая модальность покрывает такие ситуации, в которых возможность или обязательность связывается с разрешением или приказом, исходящми от некоторого человека или социальных норм.

Запрет на использование *сы те* в контексте типа (27) может также отражать маргинальное положение конструкции в языковой системе и тенденцию к использованию более распространенных модальных показателей.

Если употребление конструкции в значении внешней необходимости в современном языковом употреблении встречается достаточно редко и характерно скорее для речи старшего поколения, то некоторые постмодальные значения и контексты оказываются вполне обычными для всех носителей. Одним из таких значений является проспектив, т. е. описание подготовительной стадии ситуации, которая наиболее вероятно должна произойти (в качестве языковой параллели ср. англ. *be going to* и фр. *aller*). Термин «будущее время», который используют Я. Матрас и В. Эльшик для описания контекстов типа (28) [Elšík, Matras 2009: 308-309], кажется менее точным.

(28) *Во* *сы* *те* *ав-е́-л* *акана́.*
он.DIR быть.PRS.3 SUB приходить-PRS-3SG сейчас
‘Он сейчас должен прийти’ и
‘Он сейчас придет.’[16]

Для дальнейшего обсуждения важным является проспективное употребление в прошедшем времени, прагматическим следствием которого может быть идея невыполненного намерения:

(29) *Ка́на сас* *те* *жя́-в-тар* *пэ л*
когда быть.PST.3 SUB идти-PRS.1SG-из на ART.PL
гав-а́, *д-я* *о* *брышы́н.*
деревня-DIR.PL давать-PST.3SG ART.DIR.M дождь.DIR
‘Когда я должен был поехать на заработки (досл. по деревням), пошел дождь (и я не поехал).’

По всей видимости, именно это значение послужило основой для развития употребления конструкции в аподозисе нереальных условных предложений:

[16] Этот пример можно интерпретировать как конструкцию (а) — ‘Он должен прийти (его очередь)’.

(30) *Те на д-ино́ о брышы́н,*
SUB NEG давать-COND ART.M.DIR дождь.M.DIR
ме сас те жя-в пе л
я.DIR быть.PST.3 SUB идти.PRS-1SG на ART.PL
гав-а́.
деревня-DIR.PL
‘Если бы не пошел дождь, я бы поехал на заработки.’

Тут стоит отметить, что, по моему мнению, употребление *сас те* в главной части нереальных условных предложений связано именно с конструкцией *сы те* и свойственными ей значениями. Другая интерпретация представлена в работе [Matras 1994]. Анализируя пример (31), автор приписывает ирреальное значение именно союзу *те*, который вводит элемент вторичного знания и придает ситуации эпистемическую трактовку, см. [Matras 1994: 225].

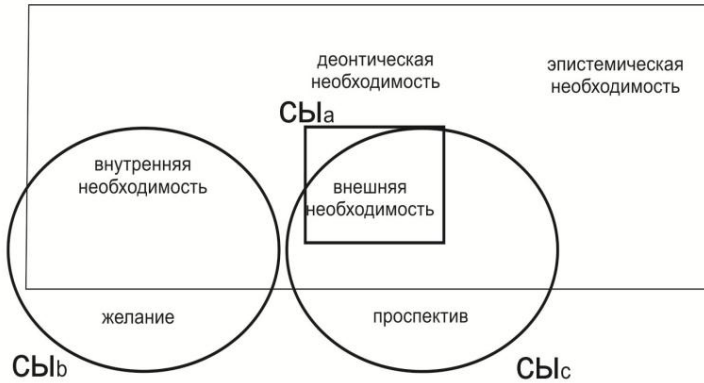
(31) *Mišto sas te av-e-l,*
хорошо быть.PST3 SUB приходить-PRS-3SG
te šaj av-il-an-as man-sa ando
SUB мочь приходить-PST-2SG-DP я.OBL-INS в
Strasburg.
Страсбург
‘Было бы хорошо, если бы ты поехал со мной в Страсбург.’
[Matras 1994: 224]

На неверность такого объяснения указывает материал, представленный в разделе 4.

В целом конструкция *сы те* типа (c) находится на периферии употребления и многими носителями (в особенности молодыми) воспринимается как устаревшая или даже неправильная. В некоторой степени исключением является употребление с 3 л., правильность которого признает большее количество носителей. Такая ситуация, очевидно, поддерживается тем, что в 3 л. форма связки согласуется с субъектом.

Если воспользоваться семантической картой модальных значений, предложенной в [van der Auwera, Plungian 1998], то распределение типов конструкций можно представить в виде схемы, см. Схему 1 (большим прямоугольником обозначена зона модальности необходимости).

Схема 1. Семантическая карта конструкций с глаголом ‘быть’ в кэлдэрарском



4. Семантика и морфосинтаксис показателя *cahкэ* в говоре котляров-молдовая

В диалекте котляров-молдовая конструкция, состоящая из связки в претерите и подчинительного союза *me*, выражает контрафактические значения, ср. (30). Однако в таком виде конструкция употребляется редко в речи старшего поколения и совершенно не используется в речи молодежи — вместо *me* используется подчинительный союз *кэ*, ср. (32):

(32) a. *Ме* *сас* *me* *жя-в.*
я.DIR быть.PST.3 SUB идти-PRS.1SG
‘Я бы пошел.’

b. *Ме* *cah* *кэ* *жя-в.*
я.DIR быть.PST.3 SUB идти-PRS.1SG
‘Я бы пошел.’

Мена конечного [c] на [h] в глаголе-связке связана с регулярным для диалекта котляров-молдовая чередованием [c] с [Ø] или [h], особенно в позиции конца слова и перед заднеязычными. Далее я буду писать этот показатель слитно — *cahкэ*, тем самым подчеркивая его грамматикализованность и отнесенность к говору котляров-молдовая.

4.1. Морфосинтаксические характеристики модального показателя cahкэ

Связка в *cahкэ* не меняется по лицам, числам и временам:

(33) a. *Ме сáhкэ жя-в кхэрэ́.*
я.DIR IRR идти-PRS.1SG домой
'Я бы пошел домой.'

b. *Вон сáhкэ жя-н кхэрэ́.*
они.DIR IRR идти-PRS.3PL домой
'Они бы пошли домой.'

После данного показателя невозможно использование подчинительного союза *ме*:

(34) *Ме сáhкэ (*ме) жя-в.*
я.DIR IRR SUB идти-PRS.1SG

Этот запрет можно объяснить тем, что, хотя на синхронном уровне *кэ* в составе рассматриваемого комплекса *cahкэ*, видимо, не воспринимается как союз, исторически он им является, а данный вариант кэлдэрарского разрешает использование в одном предложении только одного союза *ме* или *кэ*, подробнее о других возможностях см. [Matras 1994: 234–236].

В говоре котляров-молдовая после союза *ме* глагольные формы могут быть только в настоящем времени, после союза *кэ* могут употребляться глагольные формы и в других временах, однако после показателя *cahкэ* изменение временных характеристик глагола невозможно:

(35) **Ме сáhкэ ав-á-в-ас.*
я.DIR IRR приходить-PRS-1SG-DP

Иными словами, подчиненный глагол может иметь только формы настоящего времени, ср. однако пример (11a) из словаря [Деметер, Деметер 1990], в котором после конструкции *сас ме* используется глагольная форма на *-ас*.

Отрицание возможно как на глаголе, так и на модальном показателе (значение при этом не меняется). На глаголе возможно только индикативное отрицание *чи*, ср. пример (36b) с союзом *ме*, который требует по общему правилу отрицание *на*.

(36) a. **Ме сáhкэ на жя-в кхэрэ́ кацáр.*
я.DIR IRR NEG идти-PRS.1SG домой отсюда

b. *Ме сас те на жя-в кхэрэ́ кацáр.*
я.DIR быть.PST.3 SUB NEG идти-PRS.1SG домой отсюда

c. *Ме сáhкэ чи жя-в кхэрэ́ кацáр.*
я.DIR IRR NEG идти-PRS.1SG домой отсюда

d. *Ме нáhкэ жя-в кхэрэ́ кацáр.*
я.DIR NEG.IRR идти-PRS.1SG домой отсюда
‘Я не пошел бы домой отсюда.’

Порядок слов достаточно строг: глагол должен следовать непосредственно за показателем, ср. (36). Исключение составляют отрицание *чи* и проклитика *май*, ср. (37), располагающиеся между показателем и глаголом:

(37) **Во сáhкэ кхэр лаш-яр-э́-л néh-кэ.*
он.DIR IRR дом.DIR хороший-CAUS-PRS-3SG себя.OBL-DAT
‘Он бы дом построил себе.’

(38) *Ме сáhкэ май ав-á-в тумéн-де.*
я.DIR IRR еще приходить-PRS.1SG вы.OBL-LOC
‘Я бы еще к вам пришел.’

Показатель *cahкэ* никогда не может быть употреблен в протазисе условного предложения, ср. пример (39) в гипотетическом условном предложении:

(39) **Те сáhкэ ав-é-л-а лес ловé…*
SUB IRR приходить-PRS-3SG-FUT он.OBL деньги.DIR
‘Если бы у него были деньги…’

Показатель может использоваться самостоятельно в эллиптических конструкциях:

(40) *Cáhкэ* *лаш-яр-э́-с* *мырр-о́*
IRR хороший-CAUS-PRS-2SG мой-DIR.M
кампю́тэр-о? *Cáhкэ / Háhкэ.*
компьютер-DIR.SG IRR NEG.IRR
‘Починишь мне компьютер? — Да / нет.’

4.2. Значения и употребление cahкэ

4.2.1. Условные конструкции. Показатель *cahкэ* употребляется в аподозисе (но не протазисе) нереальных условных предложений — выражая гипотетическое (41b) и контрафактическое (41c) следствие. В реальных условных предложениях употребление данного показателя в придаточном следствия большинством носителей признается невозможным, ср. (41a).

(41) a. *Те* *ав-е́-л* *лес* *ловé,* *во*
SUB приходить-PRS-3SG он.OBL деньги.DIR он.DIR
(**cáhкэ*) *лаш-яр-э́-л-(а)* *нéh-кэ*
IRR хороший-CAUS-PRS-3SG-FUT себя.OBL-DAT
кхэр.
дом.DIR
‘Если у него будут деньги, он построит себе дом.’

b. *Те* *ав-ил-ино́* *лес* *ловé,*
SUB приходить-PST-COND он.OBL деньги.DIR
во *cáhкэ* *лаш-яр-э́-л*
он.DIR IRR хороший-CAUS-PRS-3SG
нéh-кэ *кхэр.*
себя.OBL-DAT дом.DIR
‘Если бы у него (сейчас) были деньги, он бы построил себе дом.’

c. *Те* *ав-ил-ино́-сас* *лес* *ловé*
SUB приходить-PST-COND-DP он.OBL деньги.DIR
кук-о́ *бэрш,* *во* *cáhкэ*
тот-DIR.M год.DIR он.DIR IRR
лаш-яр-э́-л *нéh-кэ* *кхэр.*
хороший-CAUS-PRS-3SG себя.OBL-DAT дом.DIR
‘Если бы у него были деньги в прошлом году, он бы построил себе дом.’

4.2.2. Потенциальная ситуация. В контекстах потенциальной ситуации, т. е. такой ситуации, которая может быть реализована в будущем, значение показателя часто может быть интерпретировано как будущее время или внутренняя возможность, ср. употребление в относительных придаточных (42), в дополнительных придаточных (43) и в вопросах (44):

(42) *Ман трубу́-л ма ману́ш,*
я.OBL надо.PRS.3SG я.OBL.CL человек.DIR
кай са́hкэ лаш-яр-э́-л
который IRR хороший-CAUS-PRS-3SG
ма́н-гэ плу́т-а.
я.OBL-DAT печка-DIR.SG
'Мне нужен человек, который бы построил мне печку.'

(43) *Ме гынди́-в, кэ во са́hкэ*
я.DIR думать-PRS.1SG SUB он.DIR IRR
жя-л кхэрэ́.
идти-PRS.3SG домой
'Я думаю, что он пошел бы домой.'

(44) *Са́hкэ лаш-яр-э́-с мырр-о́*
IRR хороший-CAUS-PRS-2SG мой-DIR.M
кампю́тэр-о? Са́hкэ лаш-яр-а́-в
компьютер-DIR.SG IRR хороший-CAUS-PRS-1SG
лес.
он.OBL
'Ты починишь мой компьютер? — Починю.'

Вопрос может интерпретировать условное предложение как потенциальное, тогда *са́hкэ* может быть употреблено:

(45) *Те ав-е́-л мурр-о́ пхрал качé,*
SUB приходить-PRS-3SG мой-DIR.M брат.DIR здесь
са́hкэ ха-[с] ле?
IRR есть-PRS.2SG он.OBL.CL
'Если сюда придет мой брат, ты его съешь? (досл. ты его съел бы?)'[17]

[17] Пример взят из сказки, записанной М. В. Ослоном 03.08.2012 г. в пгт. Плеханово Тульской области.

4.3. Соответствия cahкэ *в других диалектах цыганского*

В большинстве цыганских диалектов для выражения условных гипотетических и контрафактических значений используется показатель *-ас*, агглютинативно присоединяемый к спрягаемым формам презенса (гипотетичность) или претерита (контрафактивность) [Matras 2002: 153–155]. Первичным значением этого показателя является идея временной удаленности (remoteness), проявляющаяся в хабитуальном, имперфектном и плюсквамперфектном употреблении, см. [Matras 2002: 152–153]. Использование показателей хабитуалиса и плюсквамперфекта в условных значениях находит соответствие и в других языках мира: о совпадении показателей хабитуальности и ирреалиса см. [Cristofaro 2004], об использовании форм плюсквамперфекта для выражения контрафактических значений см. [Плунгян 2004]. Аффикс *-ас* можно также рассматривать как показатель «сверхпрошлого», которые очень часто выражают и ирреальные значения, подробнее см. [Plungian, van der Auwera 2006]. Тем не менее в ряде диалектов цыганского сформировался самостоятельный показатель для выражения гипотетических и контрафактивных значений, ср. пример (45) из южного гурбетского диалекта, где особый показатель *kama*, производный от глагола *камав* ‘хотеть’ и противопоставленный показателю будущего времени *ka* того же происхождения, используется только в аподозисе условных предложений:

(46) *Sarjek* *kama* *av-e* *bahtal-i,*
все.равно IRR приходить-PRS.2SG счастливый-DIR.F
te *av-esa* *dind-i* *aver*
SUB приходить-PRS.2SG женатый-DIR.F другой
than-e.
место-LOC
‘Sure, you would be happy, if you were married at another place.’
(южный гурбет; [Boretzky 1993: 93])

В диалекте арли, утратившем формы на *-ас*, под влиянием балканских языков развился новый показатель *sine* — связка в форме прошедшего времени. Этот показатель используется в условных предложениях, как в аподозисе, так и в протазисе:

(47) *Te* *na* *ker-e* *ma* *sine* *asavk-e*
SUB NEG делать-PRS.2SG я.OBL IRR такой-OBL
manuš-e-a, *na* *sine* *te* *ov-a-v*
человек-OBL-INS NEG IRR SUB приходить-PRS-1SG
agjare.
так
'If you had not begot me with such a man, I would not have become like this.'

(арли; [Boretzky 1993: 89])

Многие диалекты для выражения контрафактивных значений комбинируют формы глагола (презенс, формы на *-ас*) с заимствованной из славянских языков частицей *bi*, ср. примеры из разных диалектов:

(48) *Me* *bi* *av-a-va,* *kana* *bi*
я.DIR IRR приходить-PRS-1SG когда IRR
čingar-e-na *ma.*
приглашать-PRS-3PL я.OBL
'I would come if they invited me.'

(арли; [Boretzky 1993: 88])

(49) *Мэ* *тэ* *джя-в* *ту-са,* *ту* *на*
я.DIR SUB идти-PRS.1SG ты-INS ты.DIR NEG
ов-э-с-ас *би* *мар-д-о* *тай*
приходить-PRS-2SG-DP IRR бить-PST-DIR.M.SG и
куш-л-о.
ругать-PST-DIR.M.SG
'Если б я пошел с тобой, ты не был бы избит и обруган.'

(крымский цыганский; [Торопов 2003: 45])

В описании диалекта сербских кэлдэраров Н. Борецки приводит несколько вариантов оформления глагола в аподозисе нереальных условных предложений: (a) формы презенса с маркером *-ас*; (b) будущее время; (c) формы презенса с маркером *-ас* + заимствованная частица *bi*; (d) формы претерита с маркером *-ас*.

(50) a. *te* *na* *an-dj-am* *tu* *ande*
SUB NEG приносить-PST-1PL ты.OBL.CL в
bolnic-a, *tu* *mer-e-s-as.*
больница-DIR.SG ты.DIR умирать-PRS-2SG-DP
‘Если бы мы не привезли тебя в больницу, ты бы умер.’

b. *te* *boldj-am* *e* *zəja* *te*
SUB поворачивать-PST.1PL ART.F спина.DIR SUB
naš-a-s, *ka* *l-e-l* *pe*
бежать-PRS-1PL FUT брать-PRS-3SG себя.OBL.CL
pala *amen-de.*
за мы.OBL-LOC
‘Если бы мы обернулись, чтобы убежать, он бы пошел за нами.’

c. *te* *sas* *katar* *o* *del,* *me*
SUB быть.PST.3 от ART.M.DIR бог.DIR я.DIR
aś-a-v-as *i* *agjes* *ande* *Jugoslavija*
оставаться-PRS-1SG-DP и сегодня в Югославия
te *av-a-v* *rašaj,* *i* *agjes*
SUB приходить-PRS-1SG священник.DIR и сегодня
bi *ker-a-v-as* *buk-i* *ande* *l*
IRR делать-PRS-1SG-DP работа-DIR в ART.PL
khangər-ja, *i* *agjes* *bi*
церковь-DIR.PL и сегодня IRR
av-a-v-as *bar-o* *manuš.*
приходить-PRS-1SG-DP большой-DIR.M.SG человек.DIR
‘Если бы было суждено богом, я остался бы сейчас в Югославии, чтобы стать священником, и работал бы в церкви и был бы большим человеком.’

[Boretzky 1994: 134]

d. *me* *ande* *Njamcîcka* *te* *arakh-l-em-as*
я.DIR в Германия SUB находить-PST-1SG-DP
man-gə *stano,* *an-d-em-as*
я.OBL-DAT место.DIR приносить-PST-1SG-DP
mnř-ə *řomn-ja* *kate.*
мой-OBL жена-OBL.F.SG здесь
'Если бы я нашел себе место в Германии, я бы привез сюда свою жену.'

[Boretzky 1994: 135]

В диалекте котляров-молдовая использование форм с маркером *-ас* в ирреальных значениях сильно ограничено. В протазисе условных предложений употребляется только форма плюсквамперфекта, т. е. формы глагола в прошедшем времени с присоединенным агглютинативным показателем *-ас*, а в аподозисе большинство носителей запрещают употребление каких-либо форм с показателем *-ас*:

(51) *Те* *д-я́с-ас* *о* *брышы́н* *арати́,*
SUB давать-PST.3SG-DP ART.M.DIR дождь.DIR вчера
на́hкэ *май* *жя-в* (**чи* *май*
NEG.IRR еще идти-PRS.1SG NEG еще
жя́-в-ас / *гэл-е́м-ас*) *кханика́й.*
идти-PRS.1SG-DP идти-PST.1SG-DP нигде
'Если бы вчера пошел дождь, я бы никуда не пошел.'

Однако спорадически в контрафактивных условных предложениях употребление форм плюсквамперфекта возможно:

(52) *Те* *д-я́-сас* *о* *брышы́н* *арати́,*
SUB давать-PST.3SG ART.M.DIR дождь.DIR вчера
беш-л-е́м-ah *ма́н-гэ* *кхэрэ́.*
сидеть-PST-1SG-DP я.OBL-DAT домой
'Если бы вчера пошел дождь, я бы сидел себе дома.'

В независимых конструкциях с ирреальным значением также встречается употребление форм на *-ас*, но у многих носителей они вызывают сомнение:

(53) *Ме ав-а́-в-ас, но ме за́нято*
я.DIR приходить-PRS-1SG-DP но я.DIR занят
сым.
быть.PRS.1SG
‘Я бы пришел, но занят.’

Тем не менее формы на *-ас* относительно регулярно используются в вопросах (аналогично потенциальному значению *са́hкэ*):

(54) *Ка́на май ав-е́-с-ас?*
когда еще приходить-PRS-2SG-DP
‘Когда еще придешь?’

Ограниченное, особенно по сравнению с другими диалектами, использование глагольных форм на *-ас* в ирреальных значениях (регулярно только в условной части контрафактивных условных предложений) и очевидная экспансия форм с показателем *сahкэ* (главная часть условных контрафактивных предложений, потенциальная ситуация) свидетельствуют о постепенной утрате ирреальных значений формами на *-ас* и о грамматикализации в этих функциях показателя *сahкэ*.

5. Происхождение *сас те* / *сahкэ*

Источником для ирреального значения модальной конструкции со значением необходимости, вероятно, являются контрафактивные условные предложения (в пользу этого свидетельствует и прошедшее время глагола-связки), ср. единственный имеющийся пример из языка шведских кэлдэраров:

(9) *Haị te na mul-in-é-sas, ịi adị́és*
и SUB NEG умирать-PST-3PL-DP и сегодня
sas te traí-n
быть.PST3 SUB жить-PRS.3PL
‘And if they were not dead, they would be still alive this very day.’
[Gjerdman, Ljungberg 1963: 167]

Вероятно, новое ирреальное значение конструкции могло сочетаться с ирреальным значением форм на *-ас*, ср. пример из словаря [Деметер, Деметер 1990] (повторяется пример (11а)):

(11) *т'* *я-л* *ма[н]* *путя́ря,*
SUB приходить.PRS-3SG я.OBL.CL/OBL власть.DIR
сас *те* *гони́-в-ас* *лес*
быть.PST.3 SUB гнать-PRS.1SG-DP он.OBL
'была бы моя воля, я прогнал бы его'

По всей видимости, развитие ирреальных значений формы *сас те* произошло только в части кэлдэрарских диалектов: так, в обширной грамматике [Boretzky 1994] подобные примеры полностью отсутствуют. Такие значения развивались только в тех диалектах, где связка могла использоваться в формах прошедшего времени, в грамматике [Boretzky 1994], а также в других работах данного автора описываются формы конструкции исключительно в настоящем времени.

Использование союза *кэ* вместо *те* в данной конструкции не засвидетельствовано в имеющихся на данный момент источниках по кэлдэрарскому диалекту. С целью проверить, насколько диалектно ограничена вариативность *сас те* и *сас кэ* в ирреальных значениях, был проведен краткий опрос носителей трех доступных автору статьи «немолдавских» вариантов кэлдэрарского — кэлдэраров родов петрэшти и паракони, проживающих в Стокгольме (Швеция), котляров рода петрэшти (йонешти), проживающих в Вильнюсе (Литва), и котляров-йонешти, проживающих в Москве. Носители первых двух вариантов являются потомками кэлдэраров, чей язык был описан в [Gjerdman, Ljungberg 1963] и [Деметер, Деметер 1990]. Результаты опроса показали, что конструкция *сас те* в ирреальных значениях известна и регулярно используется во всех трех языковых вариантах. Вариант *сас кэ* известен йонешти в Вильнюсе и Москве, но, видимо, используется гораздо реже, чем *сас те*. Носители всех трех вариантов кэлдэрарского подтвердили возможность использования глагольных форм на *-ас* (особенно плюсквамперфекта) для выражения ирреальных значений. Котляры-молдовая признают возможность использования в этой конструкции союза *те*, однако оценивают такое употребление как устаревшее или принадлежащее другому говору (в частности йонешти). Таким образом, регулярное использование именно показателя *сас кэ* (*сahкэ*), по всей видимости, является характерным прежде всего для говора котляров-молдовая.

Наличие двух функционально различных подчинительных союзов типа *те* и *кэ* характерно для всех балканских языков, подробнее см. [Friedman 1985]. Например, глаголы восприятия могут допускать использование обоих союзов или запрещать употребление одного из них, ср. болг. *видях да/че…* и рум. *am văzut că.../*să* ‘я вижу, что…’ [Friedman 1985: 385]. Вариация между союзами *кэ* и *те* существует и в цыганских диалектах, в некоторых случаях возможно использование сразу двух союзов, подробнее см. [Matras 1994: 213–237]. В современном говоре котляров-молдовая нет контекстов, в которых можно было бы использовать оба или сразу два союза.

Так как мы предполагаем развитие ирреального показателя из модальной конструкции со значением необходимости *сас те*, то стоит считать, что *сас кэ* появилось позже, возможно, как вариант, противопоставляющий ирреальные значения конструкции значению необходимости. И действительно, на синхронном уровне в говоре котляров-молдовая наблюдается ряд различий между *сас те* и *сahкэ*. Использование *сahкэ* ограничивается исключительно ирреальными функциями, союз *кэ* не может заменять *те* в модальной конструкции ни со значением невыполненного намерения в прошедшем[18] (55), ср. с примером (29), ни со значением долженствования в настоящем (56), ср. с примером (28), когда ирреальное прочтение невозможно:

(55) **Ка́на сас кэ жя-в пэ л*
когда быть.PST.3 SUB идти-PRS.1SG на ART.PL
гав-а́, д-я о брышы́н.
деревня-DIR.PL давать-PST.3SG ART.M.DIR дождь.DIR

(56) **Во сы кэ ав-е́-л.*
он.DIR быть.PRS.3 SUB приходить-PRS-3SG

В современном языке многие носители отмечают различие в значениях двух конструкций:

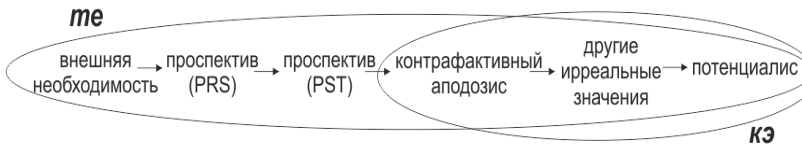
(57) а. *Дэму́т сас те жя-в кхэрэ́.*
давно быть.PST.3 SUB идти-PRS.1SG домой
‘Давно я должен был поехать домой.’

[18] По всей видимости, вместо *сahкэ* всегда можно использовать *сас те*.

b. *Дэму́т* *са́hкэ* *жя-в* *ккэрэ́* (*но*
давно IRR идти-PRS.1SG домой но
най *ма* *ловé*).
быть.NEG.PRS.3 я.OBL.CL деньги.DIR
‘Давно бы поехал я домой (но нет у меня денег).’[19]

Иными словами, можно говорить о формировании противопоставления показателя *cahкэ*, имеющего только ирреальные значения, и конструкции *сас те*, которая с большей вероятностью будет интерпретирована в модальном значении необходимости. На Схеме 2 в общем виде представлено развитие значений у конструкции *сы те*.

Схема 2. Развитие значений у конструкции *сы те*



Только возможной вариативностью двух союзов на более ранней стадии развития языка и их дальнейшей функциональной противопоставленностью можно объяснить развитие показателя *cahкэ*. Возможность других объяснений ограничивается тем, что в современном языке очень мало контекстов, в которых после глагола ‘быть’ может идти союз *кэ*. Фактически это только причинные придаточные:

(58) *Со́hкэ* *най* *ту* *ангáр?* *Со*
почему быть.NEG.PRS.3 ты.OBL.CL уголь.DIR что
сы *кадó?* *Кадó* *сы* *кэ* *чи*
быть.PRS.3 это это быть.PRS.3 SUB NEG
кэр-д-е́м *ловé.*
делать-PST-1SG деньги.DIR
‘Почему нет у тебя угля? Что это? — Это потому, что ничего я не заработал.’

[19] Пример (56a) тоже можно интерпретировать ирреально, но абсолютно все опрошенные носители предпочитают в таком значении (56b).

Противопоставление значений произошло именно на уровне конструкций, а не на уровне союзов. Поэтому анализ, который Я. Матрас предлагает для примера (31), кажется неверным. Его утверждению о возможности союза *те*, в отличие от союза *кэ*, развивать ирреальные значения [Matras 1994: 225] напрямую противоречит материал говора котляров-молдовая, где именно конструкция с *кэ* имеет ирреальное значение. Однако к такому выводу Я. Матрас приходит, рассматривая союз *те* не как часть конструкции, а как отдельную единицу. Предлагаемое в данной статье объяснение эволюции именно с точки зрения конструкции кажется более правдоподобным[20].

6. Заключение

В языке котляров-молдовая существует три типа модальных конструкций с глаголом-связкой ‘быть’. Конструкция со спрягаемой по лицам, числам и временам связкой имеет значение внешней необходимости, связанное с очередностью выполнения действия, и не была ранее описана для других вариантов кэлдэрарского. Другая конструкция, состоящая из 3 л. связки, меняющейся по времени, субъекта, оформленного дательным падежом, и глагола, вводимого союзом *те*, может иметь значение внутренней необходимости, однако также часто используется в значении желания. Значения желания не указывается в описании этой конструкции в говоре шведских кэлдэраров. Наконец, модальная конструкция, состоящая из глагола-связки (всегда в 3 л.), и глагола, вводимого союзом *те*, имеет значение внешней необходимости и зафиксирована в существующей литературе по цыганским диалектам. Ее отличие от аналогичной конструкции в сербском кэлдэрарском, описанном Н. Борецким [Boretzky 1994], состоит в том, что связка может меняться по времени. Ее значение может

[20] Дополнительный фактор, который мог оказать влияние на выбор союза *кэ* для выражения ирреальных значений, заключается в словах румынского происхождения *файкэ* и *финкэ* ‘будто бы, словно, точно’ (оба указаны в словаре [Деметер, Деметер 1990]). Так, *финкэ* — заимствование из рум. *fincă* = *fiind-că* ‘так как, потому что’, где *fiind* — герундивная форма глагола *fi* ‘быть’, а *că* — подчинительный союз. Справедливости ради стоит отметить, что в современном языке котляров-молдовая эти слова не используются.

выходить за рамки модальности и обозначать также будущее время, ср. обратное утверждение Борецкого [Boretzky 1996a: 13] о том, что конструкция значения будущего времени не имеет. Последняя конструкция находится на периферии употребления, носители предпочитают ей более распространенные глаголы *трубул* ‘надо, должен’ и *мусай* ‘должен’.

У последней конструкции также развились ирреальные значения. При этом в говоре котляров-молдовая вместо союза *те* в конструкции с ирреальными значениями гораздо чаще используется союз *кэ*. Таким образом, практически вышедшая из употребления конструкция *сы те* с модальным значением (происхождение которой, видимо, связано с копированием из других языков) стала источником для активно используемого и в значительной степени грамматикализованного ирреального показателя *cahкэ*. Эволюция показателя *cahкэ* представляет собой важный пример внутриязыкового самостоятельного развития и, в частности, опровергает утверждение В. Эльшика и Я. Матраса об отсутствии каких-либо грамматикализованных постмодальных значений в цыганском языке [Elšík, Matras 2009: 309]. Показатель, развившийся в говоре котляров-молдовая, настолько активно используется, что постепенно замещает ирреальные употребления глагольных форм на *-ас*.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, ABL — аблатив, ADAPT — адаптация, ART — артикль, CAUS — каузатив, CL — клитика, COND — условное наклонение, DAT — датив, DIR — прямая основа, DP — «сверхпрошлое», F — женский род, FUT — будущее время, GEN — генитив, INS — инструменталис, IRR — ирреальность, LOC — локатив, M — мужской род, NEG — отрицание, NMLZ — номилизатор, OBL — косвенная основа, PL — множественное число, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, SG — единственное число, SUB — подчинительный союз, VOC — вокатив.

Литература

Деметер Р. С., Деметер П. С. (1981). *Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей*. Москва: Главная редакция восточной литературы.

Деметер Р. С., Деметер П. С. (1990). *Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)* / Под ред. Л. Н. Черенкова. Москва: Русский язык.

Кожанов К. А. (2012). *Управление многоместных предикатов в цыганском языке (кэлдэрарский диалект)*. Доклад на Заседании ЛТИЯ ИЛИ РАН (г. Санкт-Петербург), 18 декабря 2012 г.

Плунгян В. А. (2004). О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.) *Исследования по теории грамматики*. В. 3. Ирреалис и ирреальность. Москва: Гнозис, 273–291.

Торопов В. Г. (2003). *Словарь языка крымских цыган*. Иваново: Ивановский государственный университет.

Черенков Л. Н., Деметер Р. С. (1990). Краткий грамматический очерк кэлдэрарского диалекта цыганского языка // Деметер Р. С., Деметер П. С. *Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)*. Москва: Русский язык, 285–306.

Bernal J. (2005). *Le paramiche le trayoske*. Buenos Aires: Gobierno de la Ciudad de Buenos Aires.

Boretzky N. (1993). Conditional sentences in Romani // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 46 (2), 83–99.

Boretzky N. (1994). *Romani Grammatik des Kalderaš-Dialekts mit Texten und Glossar*. Berlin: Harrassowitz Verlag.

Boretzky N. (1996a). Zu den Modalia in den Romani-Dialekten // *Zeitschrift für Balkanologie* 32 (1), 1–27.

Boretzky N. (1996b). The "new" infinitive in Romani // *Journal of the Gypsy Lore Society*, 5th series, 6, 1–51.

Boretzky N. (2003). *Die Vlach-Dialekten des Romani*: Strukturen — Sprachgeschichte — Verwandschaftsverhältnisse — Dialektkarten. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. (1994). *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press.

Cristofaro S. (2004). Past habituals and irrealis // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.) *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. Москва: Гнозис, 256–272.

Elšík V., Matras Y. (2009). Modality in Romani // Hansen B., de Haan F. (eds.). *Modals in the Languages of Europe: A Reference Work*. Berlin: Mouton de Gruyter, 267–322.

Fennesz-Juhasz C., Heinschink M. F. (eds.). (1999). *Lovarenge paramiči taj textura anda Österreich*, kotor II. Wien: Verein Romano Centro.

Friedman V. (1985). Balkan Romani Modality and Other Balkan Languages // *Folia Slavica* 7 (3), 381–389.

Gjerdman O., Ljungberg E. (1963). *The language of the Swedish Coppersmith Gipsy Johan Dimitri Taikon*. Uppsala: Lundequist.

Holzinger D. (1993). *Das Romanes: Grammatik und Diskursanalyse der Sprache der Sinte*. Innsbruck: Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.

Kaldaras Nikolizsson E. (2004). *Mure anglune paramići*. Stockholm: Myndigheten för Skolutveckling.

Lundgren G., Dimiter Taikon A. N.-E. (2001). *O Aljoša o šiav le birevosko*. Stockholm: Podium.

Matras Y. (1994). *Untersuchungen zu Grammatik und Diskurs des Romanes: Dialekt der Kelderasa/Lovara*. Wiesbaden: Harrasowitz.

Matras Y. (2002). *Romani: A linguistic introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nilsson-Brännström M. (2004). *O Tsatsiki ai leski dei*. Stockholm: Podium.

Plungian V. A., van der Auwera J. (2006). Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 59 (4), 317–349.

Sampson J. (1926). *The dialect of Gypsies of Wales, being an older form of British Romani preserved in the speech of the clan of Abram Wood*. Oxford: Clarendon Press.

Tcherenkov L., Laederich S. (2004). *The Rroma. Otherwise known as Gypsies, Gitanos, Γύφτοι, Tsiganes, Ţigani, Ċingene, Zigeuner, Bohémiens, Travellers, Fahrende, etc.* Volume 1: History, Language, and Groups. Basel: Schwabe.

van der Auwera J., Plungian V. A. (1998). Modality's semantic map // *Linguistic Typology* 1: 2, 79–124.

С. А. Оскольская

Санкт-Петербург

КАРИТИВ В КЭЛДЭРАРСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЦЫГАНСКОГО ЯЗЫКА[1]

1. Введение

Каритив — это граммема, передающая значение «отсутствия в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания главного участника» [Плунгян 2010: 170]. В цыганском языке одним из средств выражения каритивного значения является единица *би*:

(1) a. *би* *дад-е́с-к-о*[2]
без отец-OBL.M.SG-GEN-M.DIR.SG
‘без отца’

b. *би-бахтал-о́*
без-счастливый-M.DIR.SG
‘несчастный’

c. *би-ба́хт*
без-счастье
‘несчастье’

Согласно [Matras 2002: 23], *bi* относится к числу единиц, которые имеют либо иранское, либо индоарийское происхождение.

По поводу статуса этой единицы существуют разные мнения. Если при сочетании с прилагательным (1b) или основой существительного (1c) *би-* более-менее бесспорно является пре-

[1] Я благодарна К. А. Кожанову, высказавшему ценные замечания к первой версии данной статьи. Также я глубоко признательна С. В. Яно-полю и жителям д. Верхние Осельки Ленинградской области за помощь в сборе материала. Все ошибки и недочеты остаются на моей совести.

[2] Все примеры собраны от носителей кэлдэрарского диалекта из д. Верхние Осельки Ленинградской области и г. Чудово Новгородской области, если не отмечено иное.

фиксом (см. подробнее Раздел 2), то при сочетании с генитивной формой существительного *би* может трактоваться как приставка или как предлог.

Сторонниками трактовки *би* как предлога, управляющего генитивной формой существительного, являются В. Фридман [1991: 95], Н. Борецки [1994: 116] (при этом Н. Борецки записывает слова с предлогом *би* через дефис). В словаре [Деметер, Деметер 1990: 36] *би* также трактуется как предлог. В. Фридман в качестве аргумента против префиксальной природы единицы *би* отмечает, что каритивная форма с *би* употребляется в значении, которое обычно не свойственно адъективной или посессивной функции. Действительно, выражение *би дадéhко*, образованное от *дадéhко* ‘отца (GEN), отцовский’, обозначает ‘без отца’, а не *‘без отцовского (чего-либо) / не отцовское (что-либо)’. Последние варианты значения (те, которые приводятся под астериском) можно было бы ожидать, если бы единица *би* была префиксом.

Другая точка зрения представлена в работе [Gjerdman, Ljungberg 1963: 92, 107, 139]. О. Йердман и Э. Люнгберг называют *bi* каритивной частицей (privative particle), которая может употребляться как предлог и как префикс. В функции предлога она выступает в том случае, если за ней следует форма инструменталиса личного местоимения или имени собственного. В остальных случаях данная единица трактуется авторами как префикс: при сочетании с прилагательными, причастиями, наречиями и генитивными прилагательными (генитивным прилагательным О. Йердман и Э. Люнгберг называют форму с суффиксом *-k*, образуемую от существительных).

Сторонниками префиксальной интерпретации этой единицы являются также Я. Матрас и Р. Бхатиа. Я. Матрас [2002: 78] называет *bi-* продуктивным словообразовательным префиксом, который может присоединяться к генитиву существительных и местоимений. В работе [Bhatia 1963: 50] *bi-* и вовсе считается префиксом прилагательных.

В настоящей статье будут подробно рассмотрены грамматические свойства конструкции с единицей *би* в кэлдэрарском диалекте цыганского языка. Данный материал позволит прояснить статус *би* по крайней мере для одного из диалектов.

2. Префиксальное употребление *би*

При сочетании *би* с прилагательным (1b), существительным (1c), наречием (2), причастием (3) *би* неотделимо от основы и, таким образом, может интерпретироваться только как префикс. Такое употребление *би* оказывается лексически ограниченным и непродуктивным (по данным словаря [Деметер, Деметер 1990] в кэлдэрарском диалекте всего около 15 неоднокоренных слов с приставкой *би-*).

(2) *би-бахтал-е́с*
без-счастливый-ADV
‘несчастливо’

(3) *би-пушь-л-о́*
без-спрашивать-PST-3SG.M
‘без спроса’

(4) *ррысо́* *би-бахтал-о́* / * *би* *ррысо́*
очень без-счастливый-M.DIR.SG без очень
бахтал-о́
счастливый-M.DIR.SG
‘очень неудачливый’

(5) *э* *би-ба́хт* / * *би* *э* *бахт*
ART.F.DIR.SG без-счастье без ART.F.DIR.SG счастье
‘несчастье’

(6) *Со́h-кэ* *ля-н* *би-пушь-л-о́*
что.OBL-DAT брать.PST-2SG без-спрашивать-PST-3SG.M
(* *ма́н-дар*)?
я.OBL-ABL
‘Почему ты взял (у меня) без спроса?’

Приведенные выше примеры показывают, что единица *би* не может разрываться с основой наречием (4) или артиклем (5), а причастия в сочетании с *би* начинают функционировать как прилагательные и не могут иметь зависимые (6). Таким образом, под вопросом оказывается статус *би* только в сочетании с генитивной формой существительного, от которой эта единица может отделяться другими лексемами (см. об этом Раздел 3.6).

3. Употребление *би* с генитивной формой имени

Наиболее проблемным для интерпретации статуса единицы *би* является ее употребление в сочетании с именем в форме генитива (или — реже — инструменталиса). Сочетание *би* с именем, как в примере (1а), может трактоваться как предложная группа либо как прилагательное с префиксом *би-* или существительное с префиксом *би-*. Различные грамматические свойства конструкции типа (1а), которые будут рассмотрены в данном разделе, могут служить аргументами в пользу той или иной трактовки единицы *би* в кэлдэрарском диалекте.

3.1. Управление именем

3.1.1. Генитивная форма имени. Единица *би* в большинстве случаев требует после себя притяжательной формы имени с суффиксом *-к* (*-г*). Сам статус этой формы в разных диалектах цыганского языка является спорным: некоторые исследователи считают эту форму притяжательным прилагательным, например, [Gjerdman, Ljungberg 1963: 85]; другие считают ее генитивной, или притяжательной, формой существительного, например, [Черенков, Деметер 1990: 294], [Boretzky 1994: 116], [Friedman 1991: 61][3]. Интерпретация формы с суффиксом *-к* (*-г*) влияет на интерпретацию рассматриваемой конструкции с *би*: если трактовать форму с суффиксом *-к* (*-г*) как притяжательное прилагательное, то *би* в сочетании с этим прилагательным можно трактовать только как префикс, поскольку прилагательное не может быть зависимым предлога; если же трактовать форму на *-к* (*-г*) как генитив существительного, то вопрос о статусе единицы *би* остается открытым. Так, О. Йердман и Э. Люнгберг, считающие форму на *-k* (*-g*) притяжательным прилагательным, интерпретируют единицу *bi*, сочетающуюся с этой формой (т. е. с притяжательным прилагательным), как префикс, а единицу *bi*, сочетающуюся с существительным или местоимением в форме инструменталиса, — как предлог (такое употребление возможно не во всех вариантах кэлдэрарского диалекта, см. подробнее Раздел 3.1.2).

В работе [Koptjevskaja-Tamm 2000] проанализированы грамматические свойства формы с суффиксом *-к* (*-г*) и его вари-

[3] См. подробное обсуждение этой проблемы в [Matras 2002: 90–91].

антами в разных диалектах цыганского языка. Прежде всего отмечается, что рассматриваемая форма согласуется с существительным-вершиной по роду и числу, как и прилагательные, что и побуждает многих исследователей считать ее притяжательным прилагательным. Однако ряд других исследователей обращают внимание на свойства, которые противоречат адъективной интерпретации этой формы. М. Копчевская-Тамм разделяет употребления данных форм на два типа, проявляющие разные свойства: «якорные» и «неякорные» (anchoring и non-anchoring). Если существительное в форме с суффиксом *-к* (*-г*) служит привязкой (своего рода «якорем») для существительного-вершины к предыдущему контексту или к известному обоим локуторам референту, то такое употребление называется «якорным».

(7) *me* *l'avera* *manuša* — *le*
but the'other.PL man.PL [the.PL
gav-en-g-e *manuša* — *či*
village-OBL.PL-GEN-NOM.PL man.PL] NEG
biril *te* *dikhel* *le*
be.able.3SG SUB see.3SG they.OBL
'но другие люди — люди из деревень — он не может посещать их'

(норвежский ловарский; [Gjerde 1994: 128] цит. по [Koptjevskaja-Tamm 2000: 127])

Так, в примере (7) слово *gavenge* служит «привязкой» упомянутых людей к деревням, о которых известно как говорящему, так и слушающему. Благодаря этой привязке слушающий понимает, о каких именно людях идет речь.

Как следует из самого определения, «якорные» употребления имен всегда референтны. «Неякорными» называются такие употребления форм с суффиксом *-к* (*-г*), которые служат лишь для характеристики объекта, обозначаемого вершиной. В этом случае рассматриваемые имена не имеют какого-либо референта, существующего в действительности:

(8) *parno* *huradi,* *special* ***biav-es-k-e***
white dressed.F.SG special [wedding-OBL.SG-GEN-PL
gada *pe late*
clothes] on she.LOC
‘[...] она одета в белое, специальное свадебное платье’
(норвежский ловарский; [Gjerde 1994: 60] цит. по [Koptjevskaja-Tamm 2000: 124])

В примере (8) слово *biaveske* является всего лишь характеристикой платья и не относится к какой-либо конкретной свадьбе.

М. Копчевская-Тамм подробно рассматривает свойства «якорных» употреблений существительных с суффиксом *-к* (*-г*). Единственным, по мнению автора, аргументом, поддерживающим интерпретацию этой формы как прилагательного, является наличие согласования по роду и числу, аналогичное согласованию прилагательных с вершиной. Против адъективной трактовки приводится несколько аргументов. Во-первых, данная форма образуется от косвенной основы существительных, что в цыганском характерно для косвенных падежей, но не для образования прилагательных. Во-вторых, за счет того, что рассматриваемый суффикс присоединяется к косвенной основе, сохраняется маркированность существительного по числу, поскольку число выражено в показателе косвенной основы. В-третьих, суффикс *-к* (*-г*) — продуктивный и регулярный. Если бы это был словообразовательный суффикс прилагательного, то можно было бы ожидать наличие ограничений на образование новых слов от каких-либо подклассов имен. Кроме того, форма с суффиксом *-к* (*-г*) может иметь зависимые: прилагательные, личные и указательные местоимения, другие генитивные существительные, числительные и др., — что абсолютно не характерно для прилагательных. Можно отметить, что все приведенные аргументы, за исключением последнего, актуальны и для «неякорных» употреблений. Наличие зависимых в целом маловероятно в связи с тем, что зависимые обычно предполагают референтный статус вершины, а «неякорные» употребления по определению нереферентны.

Таким образом, М. Копчевская-Тамм убедительно показывает, что рассматриваемая форма обладает довольно большим количеством свойств существительного и было бы неправомерно

считать ее притяжательным прилагательным (по крайней мере без дополнительных оговорок).

Исходя из того, что форма с суффиксом *-к* является скорее существительным, нежели прилагательным, вопрос о статусе конструкции с единицей *би* (и о статусе самой единицы) остается открытым.

3.1.2. Форма инструменталиса. В некоторых диалектах цыганского единица *би* может также сочетаться с именем в форме инструменталиса. Так, например, в шведском варианте кэлдэрарского диалекта личные местоимения и — иногда — имена собственные сочетаются с *би* в форме инструменталиса [Gjerdman, Ljungberg 1963: 139]:

(9) *bi* *man-tsa*
без я.OBL-INS
‘без меня’
(пример взят из [Gjerdman, Ljungberg 1963: 139], отглоссирован мной — *С. О.*)

(10) *bi* *le* *Miloš-e-sa*
без ART.M.OBL.SG Милош-OBL.M.SG-INS
‘без Милоша’
(пример взят из [Gjerdman, Ljungberg 1963: 139], отглоссирован мной — *С. О.*)

Как пишут О. Йердман и Э. Люнгберг, в остальных случаях *би* сочетается с формой генитива.

Такое распределение двух типов падежного управления может быть объяснено тем, что выражение *би* + личное местоимение или имя собственное, скорее всего, обозначает отсутствие второго агенса, например, ‘я пришел без тебя / без Милоша’ означает, что второй агенс не совершил этого действия — ‘ты/Милош не пришел’. Этой ситуации противоположна комитативная ситуация, при которой оба участника совершают совместное действие: ‘я пришел с тобой / с Милошем’. При выражении данной ситуации в цыганском языке второй участник обычно маркируется инструменталисом:

(11) *Tehára, si te ǯa-v p o*
завтра быть.PRS.3 SUB идти.PRS-1SG на ART.M.DIR.SG
fór-o ti̯-e bibe̯-á̯-sa.
город-M.DIR.SG твой-OBL.SG тетя-F.OBL.SG-INS
‘Завтра я поеду в город с твоей тетей.’
(пример взят из [Gjerdman, Ljungberg 1963: 169], глоссирован мной — *С. О.*)

Отмеченную особенность шведского кэлдэрарского можно сформулировать следующим образом: в некоторых случаях стоящее после *би* существительное или местоимение может маркироваться инструменталисом вместо генитива, поскольку образованная каритивная конструкция обозначает отрицание комитативной ситуации.

Можно предположить, что в таких контекстах единица *би* является отрицательной частицей, а не предлогом, поскольку *би* не влияет на форму имени, т. е. форма имени сохраняется как при наличии *би*, так и при его отсутствии, ср. *le Milošesa* ‘с Милошем’ и *bi le Milošesa* ‘без Милоша = не с Милошем’.

Аналогичное явление наблюдается и в некоторых других диалектах цыганского. Например, по материалам Базы данных по цыганским диалектам (RMS, http://romani.humanities.manchester.ac.uk/rms/), личные местоимения также могут оформляться инструменталисом после единицы *би* в цыганских диалектах Болгарии калайджи и хорахани (Kalajdži и Xoraxani).

3.1.3. Прямая основа имени. В работе [Lee 2010], которая представляет лексику и грамматику кэлдэрарского диалекта, распространенного в Северной Америке, на предлог *bi* приводится всего три примера:

(12) *Gêl-ó-tar bi pês-k-i*
идти.PST-3SG.M-из без себя.OBL-GEN-F.DIR.SG
raxám-i.
куртка-F.DIR.SG
‘Он ушел без своей куртки.’
(пример взят из [Lee 2010: 93], глоссирование и перевод мои — *С. О.*)

(13) a. *Avi-l-o* *bi* *pês-k-e*
приходить-PST-3SG.M без себя.OBL-GEN-DIR.PL
lov-é.
деньги-DIR.PL
‘Он пришел без своих денег.’
(пример взят из [Lee 2010: 93], глоссирование и перевод мои — *С. О.*)

b. *Avi-l-o*
приходить-PST-3SG.M
bi-lov-ên-g-o.
без-деньги-OBL.M.PL-GEN-M.DIR.SG
‘Он пришел без денег.’
(пример взят из [Lee 2010: 93], глоссирование и перевод мои — *С. О.*)

В примерах (12) и (13a) предлог *bi* употребляется с прямой основой существительного. Р. Ли отмечает, что такое употребление возможно только при наличии дополнительных слов, отделяющих предлог от существительного (ср. (13b), в котором отсутствует слово ‘свой’, а существительное употребляется уже в форме генитива). К сожалению, информации слишком мало, чтобы делать какие-либо выводы об употреблении *bi* в американском варианте кэлдэрарского диалекта, однако можно предположить, что в некоторых контекстах предлог *bi* стал управлять прямой основой имен (а не генитивной формой) по аналогии с другими предлогами, которые также управляют прямой основой.

3.2. Сочетаемость с основой множественного числа

Каритив на *би* может образовываться как от основы единственного числа (14a), так и от основы множественного числа (14b):

(14) a. *Амé* *ав-ил-я́м* *би*
мы.DIR приходить-PST-1PL без
дад-е́н-г-э.
отец-OBL.M.PL-GEN-DIR.PL
‘Мы пришли без отцов.’

b. *Ле* *гла́т-и* *би* *дад-е́с-к-о* /
ART. PL ребенок-DIR.M.PL без отец-OBL.M.SG
* *би* *дад-е́н-г-о* *тра-и́-н*
без отец-OBL.M.PL-GEN-DIR.M.SG жить-PRS-3PL
чёрр-э́с.
плохой-ADV
‘Дети без отцов живут плохо.’

Образование от основы множественного числа возможно только при референтном участнике, как в примере (14a), где отцы существуют в описываемом мире, но не задействованы в данной ситуации (~ ‘Мы пришли. Наши отцы остались дома.’).

Если же участник нереферентен, то употребление основы множественного числа недопустимо, как в примере (14b), в котором отцы не существуют в описываемом мире (~ ‘У детей нет отцов. Дети живут плохо.’).

3.3. Типы употребления каритивной конструкции

Ряд грамматических характеристик каритивной формы на *би* зависит от типа ее употребления. Все употребления каритивной формы можно разделить на три группы: атрибутивные, депиктивные и предикативные. Эти понятия были введены для описания употреблений прилагательных и обычно используются только для слов этого класса, см. [Himmelmann, Schultze-Berndt 2005]. Однако, как будет показано ниже, эту терминологию удобно применять и к каритивным конструкциям независимо от того, к какому классу они будут в итоге отнесены — к существительным или прилагательным.

При атрибутивных употреблениях слово находится «внутри соответствующего выражения, которое референтирует к участнику главной предикации» [van der Auwera, Malchukov 2005: 398], иными словами, словоформа синтаксически входит в именную группу, являясь зависимым имени:

(15)[4] [***Веселый***/* *весел*/* *веселым студент*] *отозвался.*

В примере (15) слово *веселый* входит в именную группу, вершиной которой является имя *студент*.

[4] Примеры (15–17) взяты из [van der Auwera, Malchukov 2005: 399, 400].

При депиктивных употреблениях словоформа не составляет с именем, к которому она относится, синтаксически единую именную группу, а является вторичным предикатом:

(16) *Он вернулся веселый*/* *весел*/***веселым.***

При этом временной интервал, к которому относится вторичный предикат, накладывается на временной интервал главного предиката: в примере (16) агенс, выраженный личным местоимением *он*, был веселым в тот же промежуток времени, когда совершил и основное действие — вернулся. В предложении *Он вернулся, разозлившись* деепричастие *разозлившись* не является депиктивом, поскольку обозначает действие, **предшествующее** основному действию, т. е. возвращению.

При предикативных употреблениях словоформа также не составляет синтаксически единую именную группу с именем, к которому она относится, и является частью предиката:

(17) *Он был веселый*/***весел***/*веселым.*

Предикативное употребление отличается от депиктивного тем, что при предикативном обсуждаемая словоформа занимает обязательную валентность глагола (в данном случае, глагола *был*), в то время как при депиктивном словоформу *веселый*/*веселым* можно опустить, не меняя при этом основного значения предложения.

Примеры (15–17) показывают, как выделение этих трех типов употребления может быть релевантно для грамматики: в каждом случае возможен определенный набор словоформ, отличный от другого.

В кэлдэрарском диалекте цыганского языка атрибутивной позиции соответствует позиция перед именем-вершиной, как в примере (18)[5]:

(18) *Сас* *ка* ***барвал-о́*** *гаж-ё́*
быть.PST.3 у богатый-M.DIR.SG гажё-M.DIR.SG
гаж-и́.
гажи-F.DIR.SG
‘У богатого гажё была жена.’

[5] Пример взят из текста, записанного К. А. Кожановым.

Депиктивное и предикативное употребления в кэлдэрарском могут быть проиллюстрированы примерами (19) и (20) соответственно:

(19) *Мырр-ы́* *пхур-и́* *мул-и́*
мой-F.DIR.SG баба-F.DIR.SG умирать.PST-3SG.F
барвал-и́.
богатый-F.DIR.SG
‘Моя бабка умерла богатой.’

(20) *Мырр-ы́* *пхур-и́* *сас* *барвал-и́.*
мой-F.DIR.SG баба-F.DIR.SG быть.PST.3 богатый-F.DIR.SG
‘Моя бабка была богатой.’

В следующих разделах будет показано, как грамматические характеристики каритивной формы в кэлдэрарском диалекте зависят от типа употребления этой формы.

3.4. Сочетаемость единицы би *с именами разных типов*

3.4.1. Продуктивность единицы би. Одним из критериев словообразовательного характера аффикса может служить его продуктивность: для словообразовательных показателей свойственна лишь частичная продуктивность — они могут присоединяться только к части слов определенного класса, в то время как грамматические показатели, а также служебные слова обладают высокой продуктивностью и обычно могут присоединяться ко всем словам одного класса, ср. [Payne 1997: 26][6]. Единица *би* в кэлдэрарском диалекте обладает высокой продуктивностью: она может сочетаться с любыми существительными — как нарицательными (1a), так и собственными (21) — и с личными местоимениями.

(21) *би* *ле* *Йон-е́с-к-о*
без ART.M.OBL Йоно-OBL.M.SG-GEN-M.DIR.SG
‘без Йоно’

[6] Этот критерий не является безупречным и находит ряд исключений в языках мира. Тем не менее, такая тенденция связи словообразования с низкой продуктивностью все же существует, поэтому продуктивность должна учитываться при описании свойств языковой единицы наряду с другими параметрами.

Однако это относится прежде всего к депиктивным и предикативным употреблениям. В атрибутивной позиции употребление каритива в сочетании с именем собственным или местоимением маловероятно. Это вызвано не столько грамматическими свойствами конкретной единицы *би*, сколько прагматической особенностью каритива: довольно сложно представить ситуацию, в которой было бы естественным употребление референтного определенного выражения (а именно этот статус всегда носят имена собственные и личные местоимения) со значением типа ‘без X’ в атрибутивной функции. Таким образом, каритивная форма проявляет больше свойств прилагательного (т. е. имеет ограничения на сочетаемость и проявляет больше словообразовательных признаков) именно в атрибутивном типе употребления.

3.4.2. Особенность сочетаемости би *с местоимениями.* В кэлдэрарском диалекте личные местоимения после *би* употребляются в форме с суффиксом *-к* (*-г*), который по аналогии с генитивной формой существительных присоединяется к косвенной основе местоимений:

(22) *би* *ту́-к-о*
без ты.OBL-GEN-M.DIR.SG
‘без тебя’

Данная форма личных местоимений используется только в этой каритивной конструкции. Для обозначения посессивных отношений употребляется специальное притяжательное местоимение (общее для большинства цыганских диалектов)[7]:

(23) *тир-о́* *кхэр*
твой-M.DIR.SG дом
‘твой дом’

3.5. Согласование каритивной формы с вершиной

Морфологическая структура генитивной формы, которая лежит в основе каритива, предполагает возможность согласования имени с вершиной по роду и числу. И действительно, в ряде

[7] Интересно заметить, что в некоторых других диалектах цыганского с каритивной единицей *bi* употребляется притяжательное местоимение: *би миро́* ‘без меня’, ср., например, севернорусский цыганский в Базе данных по цыганским диалектам или в [Истомин (Патканов) 1900: 59].

источников можно найти примеры, в которых существительное с единицей *би* согласовано с вершиной по числу (24) и по роду (25)[8]:

(24) *би-дéh-к-э* *мануш*
без-душа.OBL.SG-GEN-DIR.PL человек.PL
‘бездушные люди’
(Пример взят из [Деметер, Деметер 1990: 36], глоссирование мое — *С. О.*)

(25) *kasav-í* *bi-porẹ-á́-k-i*
такой-F.DIR.SG без-хвост-F.OBL.SG-GEN-F.DIR.SG
mi̯tsa *si*
кошка быть.PRS.3
‘Это такая кошка бесхвостая.’
(Пример взят из [Gjerdman, Ljungberg 1963: 139], глоссирование и перевод мои — *С. О.*)

При этом гораздо чаще встречаются примеры, в которых согласование отсутствует:

(26) ***Вон*** *беш-э́-н* *би*
они сидеть-PRS-3PL без
*бут-я́-к-**о**.*
работа-OBL.F.SG-GEN-**M.DIR.SG**
‘Они сидят без работы’.
(Пример взят из [Деметер, Деметер 1990: 35], глоссирование мое — *С. О.*)

Так, в примере (26) можно было бы ожидать согласования по множественному числу (*би бутякэ*), однако в данном контексте употребляется форма ед. ч. м. р.

Вопрос о наличии согласования важен постольку, поскольку именно согласование с вершиной по роду и числу может считаться одним из главных грамматических свойств, позволяющих интерпретировать рассматриваемые формы как прилагательные.

[8] В то же время Н. Борецки пишет, что каритивные формы не согласуются с вершиной ни по роду, ни по числу [Boretzky 1994: 116]. Однако такое утверждение, вероятно, вызвано отсутствием в его материалах примеров, в которых согласование бы соблюдалось.

Полевые данные, собранные у кэлдэраров-молдовая, показывают, что наличие или отсутствие согласования зависит от типа употребления каритивной конструкции.

В атрибутивной позиции каритивные формы могут согласовываться с вершиной по роду и числу:

(27) *Би чинимáс-к-о* / *би*
без усталость.OBL.SG-GEN-**M.DIR.SG** без
чинимáс-к-и *щёворр-ы́*
усталость.OBL.SG-GEN-**F.DIR.SG** девочка-F.DIR.SG
дилаб-á-л.
петь-PRS-3SG
‘Неутомимая девочка поет.’[9]

(28) *Би чинимáс-к-о* / *би*
без усталость.OBL.SG-GEN-**M.DIR.SG** без
чинимáс-к-э *глáт-и*
усталость.OBL.SG-GEN-**DIR.PL** ребенок-DIR.PL
кхэл-é-н *néh-кэ* *áнде* *бар-Ø.*
танцевать-PRS-3PL свой.OBL.SG-DAT в двор-M.DIR.SG
‘Неугомонные дети играют во дворе.’

Каритивная форма в таких употреблениях проявляет свойства прилагательных.

При предикативных и депиктивных употреблениях согласование с вершиной по роду и числу в большинстве случаев недопустимо, в то время как склоняемые прилагательные в тех же контекстах согласование сохраняют, см. примеры (29–32), а также (19–20).

Предикативные употребления:

(29) *Вон беш-э́-н* *би* *бут-я́-к-о* /
они сидеть-PRS-3PL без работа-F.OBL.SG-GEN-M.DIR.SG
* *би* *бут-я́-к-э* / *бибахтал-é.*
без работа-F.OBL.SG-GEN-DIR.PL несчастный-M.DIR.PL
‘Они сидят без работы / неудачливые.’

[9] Каритивная группа без согласования в начале предложения может трактоваться и как депиктивная. В этом случае предложение *Би чинимáско щёворры́ дилабáл* означает ‘Девочка поет без устали’.

(30) *Вой* *беш-э́-л* *би* *бутя́ко* /
она сидеть-PRS-3SG без работа-F.OBL.SG-GEN-M.DIR.SG
* *би* *бутя́ки* / *бибахтал-и́.*
без работа-F.OBL.SG-GEN-F.DIR.SG несчастный- F.DIR.SG
‘Она сидит без работы / неудачливые.’

Депиктивные употребления:

(31) *Би* *ма́н-г-о* / * *би* *ма́н-г-и* *вой*
без я.OBL-GEN-M.DIR.SG без я.OBL-GEN-F.DIR.SG она
чи *справ-и́-л* *пе.*
NEG справиться-PRS-3SG себя
‘Без меня она не справится.’

(32) *Би* *ма́н-г-о* / * *би* *ма́н-г-э* *вон*
без я.OBL-GEN-M.DIR.SG без я.OBL-GEN-DIR.PL они
чи *справ-и́-н* *пе.*
NEG справиться-PRS-3PL себя
‘Без меня они не справятся.’

Необходимо отметить, что в цыганском языке прилагательные часто оказываются в постпозиции по отношению к имени, к которому они относятся, проявляя при этом свойства существительного (например, они могут склоняться по падежам и иногда употребляются с артиклями, см. [Черенков, Деметер 1990: 297]). При таком постпозитивном употреблении склоняемые прилагательные сохраняют согласование по роду и числу, что не позволяет считать их полностью субстантивированными.

Что в таком сочетании является синтаксической вершиной — отдельный вопрос, требующий дополнительного изучения. Поэтому неясно также, следует ли относить такой тип употребления (т. е. в постпозиции к имени) прилагательного или каритивной формы к атрибутивному. Так или иначе, в таких контекстах носители кэлдэрарского диалекта гораздо чаще запрещают согласование каритивной формы по роду и числу:

(33) a. *Зэ́лено пхаба́й д-е-м ка*
зеленый яблоко давать-PST-1SG к
щяворр-о́ кай сы ле
мальчик-M.DIR.SG который быть.PRS.3 он.OBL.CL
ачки́, ай лол-и́ пхаба́й
очки и красный-F.DIR.SG яблоко.F.DIR.SG
д-е-м ка щёворр-ы́ би
давать-PST-1SG к девочка-F.DIR.SG без
ачк-е́н-г-о / ** би*
очки-OBL.PL-GEN-M.DIR.SG без
ачк-е́н-г-и.
очки-OBL.PL-GEN-F.DIR.SG
'Зеленое яблоко я дал мальчику в очках, а красное яблоко я дал девочке без очков.'

b. ок *Зэ́лено пхаба́й д-е-м ка*
зеленый яблоко давать-PST-1SG к
щяворр-о́ кай сы ле
мальчик-M.DIR.SG который быть.PRS.3 он.OBL.CL
ачки́, ай лол-и́ пхаба́й
очки и красный-F.DIR.SG яблоко.F.DIR.SG
д-е-м ка би ачк-е́н-г-и
давать-PST-1SG к без очки-OBL.PL-GEN-F.DIR.SG
щёворр-ы́.
девочка-F.DIR.SG
'Зеленое яблоко я дал мальчику в очках, а красное яблоко я дал девочке без очков.'

Пример (33a) показывает, что употребление согласованной каритивной формы в постпозиции запрещается носителями. Однако как только согласованная каритивная форма оказывается в препозиции к именной вершине (33b), пример сразу становится грамматически верным. Одинаковое поведение каритивной формы в постпозиции к имени-«вершине» и при депиктивном употреблении может свидетельствовать о том, что постпозитивное положение либо является разновидностью депиктивного, либо разделяет с последним некоторые свойства, оставаясь при этом атрибутивным.

Однако согласование каритивной формы по роду и числу с именем, к которому относится данное слово, иногда также возможно в депиктивных и предикативных употреблениях:

(34) *Ле* *гла́т-и* *би*
ART.PL ребенок-DIR.PL без
дад-е́h-к-о / *би*
отец-M.OBL.SG-GEN-M.DIR.SG без
дад-е́h-к-э *тра-и́-н* *чёрр-э́с.*
отец- M.OBL.SG-GEN-M.DIR.PL жить-PRS-3PL плохой-ADV
‘Дети без отцов живут плохо’.

(35) *Со* *кэр-дя́-н* *би*
что делать-PST-2SG без
год-я́-к-о / *би* *год-я́-к-и?*
ум-F.OBL.SG-GEN-M.DIR.SG без ум-F.OBL.SG-GEN-F.DIR.SG
‘Почему ты поступила глупо?’

Собранный материал позволяет предположить, что допустимость согласования каритивной формы для некоторых носителей может зависеть от актуального членения предложения: если каритивная форма оказывается в фокусе ремы, то согласование недопустимо. Если же каритивная форма находится не в фокусе ремы, то согласование возможно (при депиктивных употреблениях) или даже обязательно (при атрибутивных употреблениях). Под фокусом ремы понимается составляющая, являющаяся главной частью ассерции высказывания. Так, в примере (34) в фокусе ремы находится наречие *чёррэ́с*: цель высказывания заключается в сообщении о плохой жизни некоторого множества лиц. Это также подтверждается позицией данного наречия в предложении: оно занимает последнее место, а именно эта позиция считается наиболее «рематичной» во многих языках мира [Матезиус 2003], в том числе и в цыганском, ср. [Igla 1996: 148]. Поскольку каритивная форма *би дадéhко* не попадает в фокус ремы, согласование по числу становится возможным даже несмотря на то, что каритивная форма в данном случае употребляется, по всей видимости, депиктивно, а не атрибутивно.

В примере (35) представлено вопросительное предложение. На позицию фокуса ремы может претендовать только вопросительное слово *со*. Действительно ли оно является ремой в данном

предложении — вопрос спорный и в большой степени терминологический[10]. Однако очевидно, что независимо от теорий каритивная форма в вопросах типа (35) оказывается в пресуппозиции: и говорящему, и слушающему известно, что слушающий поступил глупо, а значит, каритивная форма не является фокусом ремы. Именно поэтому в данном случае возможно согласование каритивной группы с контролирующей именной группой.

Вероятно, такое распределение коммуникативных компонентов (фокуса ремы и, условно говоря, темы) по типам употребления каритивов неслучайно: по всей видимости, предикативам и депиктивам свойственно занимать позицию ремы, в то время как атрибутивы реже оказываются в фокусе ремы.

В этом разделе было показано, что тип употребления и тема-рематическая структура высказывания влияют на возможность согласования каритивной формы с контролирующей именной группой. Иными словами, каритивная форма в атрибутивном употреблении и — реже — в депиктивном и предикативном употреблениях (не в фокусе ремы) больше похожа по своим свойствам на прилагательное, а в депиктивном и предикативном употреблениях в фокусе ремы — на сочетание предлога с именной группой.

3.6. Распространение именной группы

Если считать каритив типа *би дадéско* прилагательным, то логичнее всего было бы признать единицу *би-* словообразовательным префиксом. Такое решение в частности предполагает,

[10] Так, под ремой обычно понимается то, что сообщается в высказывании, иными словами, та часть ассерции, которая отличает ее от пресуппозиции (ассерция — вся информация, которая утверждается в предложении, см. [Lambrecht 1994]). Если руководствоваться этим определением, то с вопросительными высказываниями возникает сложность, поскольку вопрос сам по себе служит не для сообщения новой информации. К. Ламбрехт придерживается мнения, что ассерция в вопросительном высказывании есть и заключается в том, что говорящий сообщает о своем желании узнать определенную информацию [Lambrecht 1994: 54–55]. Т. Е. Янко, понимая под ремой конституирующий компонент высказывания, называет конституирующим компонентом вопроса — вопросительное слово [Янко 2001: 41–42]. Таким образом, согласно некоторым теориям, вопросительное слово является ремой.

что между *би-* и корнем (в данном случае *дад-*) невозможно вставить ни знаменательные, ни служебные слова (ср. свойство отделимости [Плунгян 2010: 21]). Если же перед корнем имени, от которого образован каритив, можно вставить артикли, числительные, местоимения или другие зависимые имени, то единица *би* является отдельным словом. Безусловно, способность *би* отделяться от имени может говорить только о статусе самой единицы, а не всей каритивной формы. В этом случае можно допустить, что *би* является частицей, употребляющейся вместе с прилагательным, которое может иметь зависимые (ср. рус. *не очень хороший*). Против такой трактовки свидетельствует то, что после *би* и перед именем часто возможны такие служебные слова и зависимые, которые не свойственны (а часто и вовсе не допустимы) для прилагательных (см. раздел 3.1.1 о генитивном статусе формы имени с суффиксом *-к*/*-г*). В этом разделе будут рассмотрены служебные слова и зависимые, которые иногда отделяют единицу *би* от имени, и условия, в которых употребление этих слов оказывается возможным.

3.6.1. Артикли. Артикли по своей природе могут относиться только к существительным или именным группам (а не к прилагательным), ср. [Givón I 2001: 97][11]. В кэлдэрарских каритивных формах артикль после предлога *би* возможен только при депиктивных и предикативных употреблениях:

(36) *Амé* *ави-л-я́м* *би* *ле*
мы приходить-PST-1PL без ART.M.OBL.SG
дад-é́с-к-о.
отец-OBL.M.SG-GEN-M.DIR.SG
‘Мы пришли без отца.’ {наш отец остался дома}

В атрибутивных же контекстах использование артикля носителями практически не допускается:

[11] В цыганском языке артикли с прилагательными могут употребляться только в том случае, если прилагательное оказывается в постпозиции к существительному-вершине.

(37) ?? *Ме дикх-ле́-м би ле*
Я видеть-PST-1SG без ART.PL
ачк-е́н-г-о ле
очки-OBL.PL-GEN-M.DIR.SG ART.M.OBL.SG
щяворр-э́с.
мальчик-M.OBL.SG
‘Я увидел мальчика, у которого не было очков.’

Употребление артикля прямо коррелирует с наличием согласования по роду или числу с контролирующим именем: если согласование есть, то артикль употребляться не может, ср. пример (33b), в котором каритивная форма без артикля согласуется по роду и числу с именем, и пример (38), в котором при наличии артикля согласование недопустимо:

(38) * *Би ла кинишк-а́-к-и*
без ART.F.OBL.SG книга-F.OBL.SG-GEN-F.DIR.SG
(э) щёворры́
ART.F.DIR.SG девочка-F.DIR.SG
уч-и́-л пе чёрр-э́с.
учиться-PRS-3SG себя плохой-ADV
‘Девочка без книжки плохо учится.’

Эта особенность напрямую связана с синтаксической позицией каритива, поскольку согласованная каритивная форма появляется чаще всего в атрибутивной позиции, в которой употребление артикля практически недопустимо.

Что касается существительного, к которому относится каритивная группа, то его артикль занимает позицию прямо перед существительным и не может стоять перед каритивом (39):

(39) **Ме дикх-л-е́м ле би*
я видеть-PST-1SG ART.M.OBL.SG без
ачк-е́н-г-о щяворр-э́с.
очки-OBL.PL-GEN-M.DIR.SG мальчик-M.OBL.SG
‘Я увидел мальчика, у которого не было очков.’

Если бы единица *би-* в таких формах была приставкой прилагательного, то употребление артикля существительного в позиции перед каритивной формой, как в (39), было бы возможно так же, как это возможно при употреблении обычных прилагательных:

(40) [ок]*Ме дикх-л-е́м ле му́ндро*
я видеть-PST-1SG ART.M.OBL.SG красивый
щяворр-э́с.
мальчик-M.OBL.SG
‘Я увидел красивого мальчика.’

Таким образом, даже в атрибутивных контекстах каритивная форма не обладает всеми свойствами, присущими прилагательным.

3.6.2. Квантификаторы. Слова-квантификаторы ведут себя по-разному. Слово *са* ‘все’, видимо, не может употребляться в каритивной конструкции:

(41) *О Йо́но ави-л-о́*
ART.M.DIR.SG Йоно приходить-PST-3SG.M
би (са) ле кинишк-е́н-г-о.*
без все ART.PL книга- OBL.PL-GEN-M.DIR.SG
{Йоно должен был принести очень много книг. Но…}
‘Йоно пришел без всех книг.’

Вероятно, это объясняется наличием в кэлдэрарском диалекте альтернативных способов выражения тех же значений. Выражение *би са ле кинишке́нго* ‘без всех книг / не со всеми книгами’ гипотетически может иметь значение ‘без единой книги’ либо ‘без некоторых книг’. Наиболее естественный способ для выражения первого значения — это употребление каритивной конструкции без каких бы то ни было слов-квантификаторов (как в 41).

Второе значение может быть выражено с помощью слова *у́ни* (*ву́ни*) ‘некоторые’:

(42) *О Йо́на ави-л-о́ би*
ART.M.DIR.SG Йоно приходить-PST-3SG.M без
ву́ни кинишк-е́н-г-о
некоторые книга-OBL.PL-GEN-M.DIR.SG
{Йоно должен был принести очень много книг. Но…}
‘Йоно пришел без нескольких книг.’

То же самое касается и образования каритива от кванторных слов. Так, от слова *са́воррэ* ‘все’ образовать каритив с помощью *би* невозможно. В этом случае используют слово *кхо́ник* ‘никто’:

(43) *Би* *кханик-áh-к-о* / * *би*
без никто-OBL.M.SG-GEN-M.DIR.SG без
саворр-э́н-г-о *ме* *гэл-е́м-тар.*
все-OBL.M.PL-GEN-M.DIR.SG я уходить.PST-1SG-из
‘Я уехал без всех (~один).’

Все случаи, когда возможно употребление квантификаторов, как в (42–43), относятся только к депиктивному и предикативному типам употребления. В атрибутивной позиции каритивная группа не может содержать квантификаторы.

3.6.3. Числительные. Употребление числительных в каритивной конструкции также возможно только в депиктивной или предикативной позициях:

(44) *Во* *ави-л-о́* *би* *дуе́*
он.DIR приходить-PST-3SG.M без два.OBL
кинишк-е́н-г-о
книга-OBL.PL-GEN-M.DIR.SG
‘Он пришел без двух книг.’

Числительное может стоять как в косвенной основе без каких бы то ни было падежных показателей второго слоя (44), так и в генитивной форме, «согласованной» с именем, от которого образован каритив:

(45) *Во* *ави-л-о́* *би*
он.DIR приходить-PST-3SG.M без
ду-е́н-г-о *кинишк-е́н-г-о*
два-OBL.PL-GEN-M.DIR.SG книга-OBL.PL-GEN-M.DIR.SG
‘Он пришел без двух книг.’

3.6.4. Прилагательные. Зависимые прилагательные также возможны только в депиктивной и предикативной позициях (46) и недопустимы в атрибутивной позиции:

(46) *Во* *авило́* *би* *бар-я́*
он.DIR приходить-PST-3SG.M без большой-F.OBL.SG
кинишк-а́-к-о
книга-OBL.F.SG-GEN-M.DIR.SG
‘Он пришел без большой книги.’

3.6.5. Существительные. Зависимые существительные также возможны только при депиктивном и предикативном употреблениях:

(47) *Ме* *ави-л-ém* *кхэрэ́* *би* *ле*
я прийти-PST-1SG домой без ART.M.OBL.SG
Ристá-с-к-э
Риста-M.OBL.SG-GEN-M.OBL.SG
дад-éh-к-о.
отец-M.OBL.SG-GEN-M.DIR.SG
‘Я пришел домой без отца Ристы.’

Аналогичным образом обстоят дела с притяжательными местоимениями, ср. пример (48), указательными местоимениями, ср. пример (49), и относительными клаузами, ср. пример (50):

3.6.6. Притяжательные местоимения.

(48) *Ме* *ави-л-ém* *кхэрэ́* *би* *мурр-э́*
я прийти-PST-1SG домой без мой-M.OBL.SG
дад-éh-к-о.
отец-OBL.M.SG-GEN-M.DIR.SG
‘Я пришел домой без моего отца.’

3.6.7. Указательные местоимения.

(49) *Мурр-о́* *щяв* *гэл-о́* *адéс* *áнде*
мой-M.DIR.SG мальчик идти.PST-3SG.M сегодня в
шко́ла *би* *как-ал-á*
школа без этот-OBL-F.OBL.SG
кинишк-á-к-о
книга-OBL.F.SG-GEN-M.DIR.SG
{Мама показывает на забытую книгу на столе и говорит:}
‘«Мой сын пошел сегодня в школу без этой книги».’

«Согласование» зависимых имен и местоимений с именем, стоящим в вершине каритивной предложной группы, обязательно (зависимые принимают косвенное маркирование и не могут быть употреблены в прямой форме): * *би ле Ристáско дадéhко*, * *би муррó дадéhко*. В отличие от числительных зависимые притяжательные и указательные местоимения не могут согласовываться в генитивной форме: * *би муррэ́ско дадéhко*, * *би какалáко кинишкáко*.

3.6.8. Относительная клауза.

(50) *Ме* *ави-л-ém* *кхэрэ́* *би*
я прийти-PST-1SG домой без
пхрал-éh-к-о *кай* *кэр-э́-л*
брат-OBL.M.SG-GEN-M.DIR.SG что делать-PRS-3SG
бу́ти *мишто́*.
работа хорошо.
{У меня есть брат, который хорошо работает.} ‘Я пришел домой без брата, который хорошо работает.’

Необходимо отметить, что в атрибутивных употреблениях в большинстве случаев наличие того или иного зависимого блокируется не столько требованиями грамматики кэлдэрарского диалекта цыганского языка, сколько отсутствием или низкой частотностью контекстов, описывающих такие ситуации, в которых можно было бы допустить употребление подобных предложений (т. е. предложений с распространенной чем-либо каритивной конструкцией в атрибутивной позиции), из-за чего эти предложения звучат неестественно и, вероятно, именно по этой причине запрещаются носителями. Более естественным и предпочтительным способом выражения каритивного значения в атрибутивной функции является употребление относительного предложения с союзом *кай*:

(51) а. *Э* *щёворр-ы́* *кай*
ART.F.DIR.SG девочка-DIR.F.SG который
най *ла* *ко́жниц-а* *рры́со*
не.быть.PRS.3 она.OBL.CL сумка-F.DIR.SG очень
зурал-éс *дивини́-л.*
сильный-ADV разговаривать.PRS-3SG
{На улице стоят две девочки: одна с сумкой, а другая — без сумки}. ‘Девочка, у которой нет сумки, очень громко разговаривает.’

b. ʔ Э *щёворр-ы́* *би*
ART.F.DIR.SG девочка-DIR.F.SG без
кожниц-а́-к-о *рры́со* *зурал-е́с*
сумка-F.OBL.SG-GEN-M.DIR.SG очень сильный-ADV
дивини́-л.
разговаривать.PRS-3SG
{На улице стоят две девочки: одна с сумкой, а другая — без сумки}. ‘Девочка без сумки очень громко разговаривает.’

4. Заключение

Каритивная единица *би* в кэлдэрарском диалекте цыганского языка может употребляться в разных функциях. Во-первых, она может функционировать как отрицательный префикс существительных (*биба́хт* ‘несчастье’), прилагательных (*бибахтало́* ‘несчастный’), наречий (*бибахтале́с* ‘несчастно’) и причастий (*бипушьло́* ‘без спроса’).

Во-вторых, *би* может употребляться в сочетании с существительными или местоимениями в генитивной форме (*би дадéhко* ‘без отца’). Каритив может образовываться как от основы единственного числа, так и от основы множественного числа. Последнее допустимо только в том случае, если объект, выраженный именем, от которого образован каритив, является референтным.

Применительно к данной конструкции необходимо выделять два типа употребления каритивной формы: атрибутивное и депиктивно-предикативное. В зависимости от типа употребления каритив на *би* проявляет разные грамматические свойства, информация о которых представлена в Таблице 1:

Таблица 1. Свойства каритивной формы в атрибутивном и депиктивно-предикативном употреблении

Параметр	**Атрибутивное употребление**	**Депиктивно-предикативное употребление**
Сочетаемость	Ограничена	Высокая продуктивность, включает имена собственные и местоимения
Согласование с контролирующим именем	Есть	Нет (в фокусе ремы) / есть (не в фокусе ремы)
Распространение именной группы в каритивной форме:		
Артикли	Допускается не всеми	Допустимо
Квантификаторы	Недопустимо	Допустимо
Числительные	Недопустимо	Допустимо
Прилагательные	Недопустимо	Допустимо
Существительные	Недопустимо	Допустимо
Притяжательные местоимения	Недопустимо	Допустимо
Указательные местоимения	Недопустимо	Допустимо
Относительные клаузы	Недопустимо	Допустимо

Данные Таблицы 1 показывают, что употребление каритива в атрибутивной позиции по грамматическим свойствам близко к функциям прилагательного, а *би* в этом случае ведет себя скорее как префикс (например, не допускает отделимости от имени)[12].

[12] Однако даже в атрибутивных контекстах каритивная форма не разделяет всех свойств прилагательных. Ср. употребление артикля, относящегося к имени-вершине (Раздел 3.6), или в целом не свойственную прилагательным словообразовательную модель, а именно — семантический переход от значения обладателя у генитивной формы имени к значению отсутствия объекта, не являющегося обладателем, см. в Разделе 1 семантический аргумент В. Фридмана.

В депиктивно-предикативной позиции каритивная форма ведет себя как предложная группа с предлогом *би*.

В некоторых говорах кэлдэрарского диалекта *би* сочетается с прямой основой имени (по крайней мере с неодушевленными существительными, североамериканский вариант) или в ряде случаев с именем в форме инструменталиса (шведский вариант). В первом случае единица *би* в еще большей степени разделяет свойства предлогов, поскольку предлоги в кэлдэрарском диалекте могут управлять прямой основой неодушевленных существительных, в то время как *би* оказывается единственным предлогом, управляющим генитивом. Во втором же случае *би* ведет себя скорее как отрицательная частица, которая никак не влияет на форму имени.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ADV — адвербиализатор; ART — артикль; CL — клитика; DAT — датив; DIR — прямая основа; F — женский род; GEN — генитив; INS — инструменталис; M — мужской род; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SUB — подчинительный союз.

Литература

Деметер Р. С., Деметер П. С. (1990). *Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)*. Москва: Русский язык.

Истомин (Патканов) П. С. (1900). *Цыганский язык*. Грамматика и руководство к практическому изучению разговорной речи современных русских цыган. Москва: Русское товарищество печатного и издательского дела.

Матезиус В. (2003). О так называемом актуальном членении предложения // Матезиус В. *Избранные труды по языкознанию*. М.: УРСС, 161–167.

Плунгян В. А. (2010). *Общая морфология. Введение в проблематику*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Черенков Л. Н., Деметер Р. С. (1990). Краткий грамматический очерк кэлдэрарского диалекта цыганского языка // Деметер Р. С., Деметер П. С. *Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)*. Москва: Русский язык, 285–306.

Янко Т. Е. (2001). *Коммуникативные стратегии русской речи*. Москва: ЯСК.

Bhatia R. G. (1963). *A Gypsy Grammar*. Ph.D. Dissertation. University of Pennsylvania.

Boretzky N. (1994). *Romani Grammatik des Kalderaš-Dialekts mit Texten und Glossar*. Berlin: Harrassowitz Verlag

Friedman V. (1991). Case in Romani: Old Grammar in New Affixes // *Journal of the Gypsy Lore Society*, 5th series, 1 (2), 85–102.

Givón T. (2001). *Syntax: An Introduction.* Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Gjerde, L. (& Knut Kristiansen). (1994). *"The Orange of Love" and other stories: The Rom-Gypsy language in Norway*. Oslo: Scandinavian University Press.

Gjerdman O., Ljungberg E. (1963). *The language of the Swedish Coppersmith Gipsy Johan Dimitri Taikon*. Uppsala: Lundequist.

Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. (2005). Issues in the syntax and semantics of participant-oriented adjuncts: an introduction // N. P. Himmelmann, E. Schultze-Berndt (eds.). *Secondary predication and adverbial modification: the typology of depictives*. Oxford: Oxford University Press, 1–68.

Igla B. (1996). *Das Romani von Ajia Varvara. Deskriptive und historisch-vergleichende Darstellung eines Zigeunerdialekts*. Wiesbaden: Harrassowitz.

Koptjevskaja-Tamm M. (2000). Romani genitives in cross-linguistic perspective // V. Elšik, Y. Matras (eds.). *Grammatical relations in Romani: the noun phrase*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 123–150.

Lambrecht K. (1994). *Information Structure and sentence form.* Cambridge: Cambridge University Press.

Lee R. (2010). *Romani dictionary: Kalderash — English.* Toronto: Magoria Books.

Matras Y. (2002). *Romani: A linguistic introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Payne Th. (1997). *Describing morphosyntax. A guide for field linguists*. Cambridge: Cambridge University Press.

van der Auwera J., Malchukov A. (2005). A semantic map for depictive adjectivals // Himmelmann N. P., E. Schultze-Berndt (eds.). *Secondary predication and adverbial modification: the typology of depictives.* Oxford: Oxford University Press, 393–421.

Г. Н. Цветков

Москва

СЕКРЕТНЫЙ ЛЕКСИКОН ЦЫГАН-ЛОВАРЕЙ

В ситуации межэтнической коммуникации одной из важных функций диалектов цыганского языка (романи́[1]) является функция дезинтеграции коммуникативного пространства между цыганскими группами и их окружением [Hancock 1976: 87]. При этом цыганский диалект показывает, во-первых, *принадлежность его носителя к конкретной группе*, а во-вторых, то, *каким образом ведет себя эта группа*, взаимодействуя с окружением и с другими цыганскими группами.

Ситуация дезинтеграции существует как в межэтнических отношениях (цыгане — нецыгане), так и во внутриэтнических

[1] Романи — общий термин, обозначающий совокупность диалектов цыган Европы. Его происхождение связано с наиболее распространенным среди европейских цыган эндоэтнонимом *ром*; этническое название языка цыган-ромов — *романи́ чиб, романи́* ‘язык ромов’ (соответственно язык переднеазиатских цыган-*до́мов* — *дома́ри*, армянских цыган-*ло́мов* — *ломавре́н*). Распространение термина *романи* в научной литературе стало результатом изучения языков этих различных групп и дифференциации понятий, прежде всего в европейских цыгановедческих исследованиях, с начала XX в. Эта терминология позволяет разграничивать между собой не только группы носителей языковых образований индийского происхождения *(ромов, домов* и *ломов)*, но и отделять от них иные группы со сходными чертами уклада (например, среднеазиатских цыган-*муга́т*, так называемых *морских цыган* и др). Таким образом, термины *ром, романи* — конкретизирующее обозначение, по сравнению с терминами *цыган, цыганский*, и играют таким образом роль *технических терминов*. В англоязычных странах эти термины полностью заменили термины *Gypsy* в значении ‘цыган’, ‘цыганский’. В других странах они используются наряду с традиционными обозначениями, например: франц. *tsigane*/*romani*, болг. *цигански*/*ромски*, и т.д. В научной литературе России и стран бывшего СССР они начали распространяться после падения железного занавеса, сейчас более активно используются молодыми специалистами по социолингвистике и проблемам межкультурной коммуникации.

межгрупповых отношениях (между цыганами разных групп). Внутриэтническое социальное пространство цыган иерархизировано, чему соответствуют различные иерархические уровни внутриэтнической коммуникации [Цветков 2011: 139–149]. С коммуникативной иерархией связаны различные уровни «прозрачности» речи (при затрагивании определенных тем), обусловленные контролем ниш жизненного, в частности, экономического пространства, что проявляется как в межэтнических, так и в межгрупповых/межобщинных отношениях [Смирнова-Сеславинская 2011: 317–325].

Секретные формы речи в ситуации межэтнической коммуникации

В ситуации межэтнической коммуникации любой цыганский диалект:

1) является маркером этнокультурной дистанции между его носителями и окружением;

2) может выступать в роли тайного языка в присутствии нецыган, поскольку он им непонятен [Matras 2002: 239].

При этом он демонстрирует отличия от языка окружения на всех языковых уровнях, и таким образом, этнический язык функционирует в качестве *секретного*. В ситуации свертывания основных функций этнического языка и его замены на язык окружения единственной функцией, если не считать функцию маркировки принадлежности к этносоциуму, становится дезинтеграция с окружением и скрывание информации от окружения[2]. Такая функция актуальна и в ситуации экономической конкуренции цыганских общин (занимающих ремесленные, торговые и прочие ниши в макрообществе) с окружением.

Некоторые цыганские группы испытали постепенную языковую ассимиляцию, в ситуации двуязычия перейдя на чужую грамматику, с сохранением того или иного объема этнической лексики; их практически утраченные диалекты сохраняются

[2] Такая функция этнического языка пересекается с функцией тайных сословных (профессиональных, «цеховых») языков, в прошлом представлявших языковые субсистемы национальных языков разных стран, о социально-историческом аспекте функционирования тайных языков см., например, [Приемышева 2009: 22–28].

только в форме *этнических секретных лексиконов*, играющих роль дезинтеграции коммуникативного пространства общины с окружением и контроля ее экономического пространства[3]. В таком качестве сохранялся этнический лексикон у цыган-бошá Армении [Voskanian 2002: 177].

У некоторых торговых групп Ближнего Востока сохранились тайные лексиконы, основанные на этническом словаре цыган-домари [Amanolahi, Norbeck 1975, Benninghaus 1991, цит. по: Matras 1999: 1], что, очевидно, является результатом *социогрупповой консолидации* в прошлом цыганских торговых групп с другими группами мобильных торговцев.

Секретные формы речи в ситуации внутриэтнической межгрупповой коммуникации

В ситуации межгрупповой коммуникации цыганские диалекты:

1) представляют собой маркеры этнокультурной дистанции их носителей с носителями других цыганских диалектов;

2) не могут полноценно выполнять функцию тайных языков, так как грамматически и лексически близки другим цыганским диалектам. И хотя объем общей лексики и грамматического аппарата зависит от дистанции между конкретными цыганскими диалектами, общая часть этих диалектов позволяет носителям в той или иной мере понимать речь друг друга[4]. Поэтому в ситуации внутриэтнической межгрупповой экономической (в частности, торговой) конкуренции необходимы специальные

[3] С *контролем экономического пространства* связан переход на тайный язык или тайный лексикон *в присутствии конкурентов*, например, при обсуждении торговых сделок, при общении с партнерами из своей группы на рынке и проч.

[4] Следует учитывать, что реальная конкуренция происходит между цыганскими группами, проживающими на одной или на смежных территориях. Таким образом, их диалекты или формировались в одном регионе, или (если цыганское население формировалось в результате миграций из разных регионов) обычно в той или иной мере знакомы представителям других местных цыганских групп в результате межгрупповых контактов.

способы скрывания информации, то есть специальные *тайные лексиконы* внутри конкретных цыганских диалектов.

В зависимости от локальных ситуаций в качестве внутриэтнических экономических конкурентов могут выступать:

1) представители разных этнических цыганских групп — носители разных цыганских диалектов;

2) представители разных семейно-родовых групп одной цыганской этнической группы, говорящие на одном диалекте.

У цыган традиционно действовала (в ряде случаев продолжает действовать и сейчас) норма, при которой представители чужого рода не могут практиковать на одной и той же территории занятие, одинаковое с представителями другого рода (даже если это представители одной этнической цыганской группы). Например, «чужим» цыганам нельзя продавать на рынке тот же товар, что и местным, «чужие» цыганки не могут гадать в месте, постоянно занятом представительницами местной группы, артистический коллектив не может проводить переговоры с хозяином заведения, где уже работает другая группа цыганских артистов и т. д. Соответственно, в случаях, когда группы занимают или пытаются занять одну и ту же экономическую нишу, возникает особо жесткая конкуренция, что способствует развитию тайных лексиконов. Круг носителей этих лексиконов должен ограничиваться представителями «хозяйствующей» группы, обычно представителями одного рода, в который входят, как правило, нескольких расширенных семей, находящихся на одной территории.

Разумеется, выявление живых секретных языковых образований затруднено даже для носителей цыганского языка, как в силу ограниченности среды распространения этих форм речи, так и в силу их тайного характера. Ниже мы рассмотрим секретный лексикон одной из подгрупп цыган-лова́рей, родственной автору этой статьи, и возникновение которого надо связывать с ситуацией межгрупповой конкуренции. Естественно предполагать, что тайные внутридиалектные лексиконы могли возникать в подразделениях разных цыганских групп. Ср., например, упоминание К. М. Голодникова, который писал, что «…между ними (цыганами Сибири — *Г. Ц.*) существует еще и особый жаргон, которого русские, даже и говорящие по-цыгански, не понимают. Это так называемый “воровской язык”, употреб-

ляемый в случаях, требующих особенной тайны и осторожности» [Голодников 1882: 45].

Распространение секретного лексикона ловарей-чокещи

Цыгане-ловари России и Украины — переселенцы из Венгрии, территорию которой они покинули примерно в середине XIX в. в ходе «большой цыганской миграции»[5]. Ловари делятся на три подгруппы: *бунда́ши*, *у́нгри* и *чоке́щи*. Чокещи раньше составляли одну общность с ловарями-унграми и вступали с ними в брачные отношения; в процессе переселения и социально-экономической интеграции в новом регионе чокещи выделились в эндогамную группу, подробнее см. [Цветков 2008; Смирнова-Сеславинская 2012].

По нашим данным [ПМЦЦЯ: Секретный лексикон][6], секретный лексикон, о котором идет речь в этой статье, распространен преимущественно в подразделении ловарей-чокещи и, очевидно, сформировался именно в рамках этой подгруппы ловарей.

Этот факт, видимо, надо связывать с ситуацией экономической конкуренции чокещи с другими группами цыган (как ловарей, так и не ловарей). Действительно, по материалам устной истории известно, что чокещи были семейно-родовой группой ловарей, раньше остальных в своем миграционном потоке переселившихся на территорию собственно России, где они до 1930-х гг. занимались торговлей лошадьми, составляя конкуренцию груп-

[5] «Большая цыганская миграция», или «большая кэлдэрарско-ловарская миграция», — крупная миграция цыганских групп кэлдэрарей и ловарей из румыно- и венгероязычных регионов, проходившая со второй половины XIX до начала XX вв. В ходе миграции большая часть групп переместилась на территорию Российской империи.

[6] Данные о тайном лексиконе и его функционировании зафиксированы как самозапись автором данной статьи в 2000-е гг. Сам тайный лексикон, лежащий в основе полевого материала по данной теме, был усвоен автором статьи с подросткового возраста в рамках устной традиции от старших членов группы. Кроме этого, полевой материал включает практические наблюдения использования тайного лексикона членами семейно-родовой группы автора и функционирования части лексики у цыган-ловарей иных подгрупп (включенные наблюдения в России и на Украине, примерно с 1960 г. по настоящее время).

пам *русских цыган* и *сэрвов*, традиционно «державших» конную торговлю в России и на Украине[7] [Смирнова-Сеславинская 2012]. На это также указывает тот факт, что слово лов. секр. *сыр*, которое обозначает цыган других групп (не ловарей), относится прежде всего к *русским цыганам*.

Состав и происхождение секретной лексики

В секретном лексиконе ловарей-чокещи можно выделить несколько слоев лексики в соответствии с их происхождением.

1. Слова цыганской этимологии.

1) Это слова, которым было придано нестандартное, новое значение: ср., например, лов. секр. *чириклѝ* ‘тысячи; деньги’ и ром. *чириклѝ* ‘птицы’, а также лов. *эзэ́ра* ‘тысячи <рублей или иной валюты>’ и ром. *ловэ́* ‘деньги’.

2) Некоторые цыганские слова, по-видимому, давно вышедшие из активного употребления ловарей и сохранившиеся как тайные аналоги лексики с той же семантикой. Это, например, лов. секр. *гомо́* ‘нецыган’ и *гоми́* ‘нецыганка’ в значении ловарского варианта общецыганских слов *гажэ́* ‘нецыган’ и *гажи́* ‘нецыганка’. Основа этой лексемы в разных формах встречается в различных цыганских диалектах: кэлд. *гоме́ш* ‘женщина не цыганка’ [Деметер, Деметер 1990: 54], в диалекте боснийских гурбетов — в формах *gomí* ‘нецыган, крестьянин’ и *gomní*/*gomini* ‘нецыганка, женщина’ (в Боснии ‘мусульманка’, сокращенное от *gomežni*), а также в формах *goméž*-1 *m* [gomano] ‘мужчина-нецыган, муж’ и *gomežní*-1 *f* ‘женщина-нецыганка’ [Boretzky, Igla 1994: 100].

[7] *Русские (севернорусские) цыгане* — самый ранний и многочисленный слой цыганского населения России, появившийся в границах расселения русскоязычного населения примерно в конце XVII — начале XVIII вв. *Сэрвы* — основное цыганское население Украины, видимо, появились в западноукраинских землях еще в XV в., в восточноукраинских, вероятно, в XVI в. Они проживают также в центральных и особенно южных областях России. Конная торговля в прошлом была основным занятием русских цыган и сэрвов. Бóльшая часть ловарей, занимавшихся в Венгрии продажей и меной лошадей, при переселении в Россию была вынуждена сменить предмет торговли. В то же время группе ловарей-чокещи удалось успешно интегрироваться в этот сегмент российского рынка.

Использование форм *гомо́* и *гоми́* в тайном лексиконе, по утверждениям информантов, связано с тем, что окружение стало понимать смысл слов ром. *гажё* ‘не цыган’ и *гажи* ‘не цыганка’ в речи цыган.

2. Значительный слой секретного лексикона составляют слова венгерской этимологии, существующие параллельно с общецыганской лексикой той же семантики. Среди них можно выделить два основных слоя слов, в соответствии с тем, как они осознаются самими носителями лексикона.

1) Слова, венгерское происхождение которых уже забыто, и они осознаются носителями как «специальные» слова тайного лексикона, генерированные самими ловарями. Например, это лов. секр. *хитя́* ‘деньги’ (вместо общецыганского *ловэ́* ‘деньги’), происхождение которого, очевидно, надо связывать с венг. *hitel* ‘кредит’.

Другое выражение — лов. секр. *на́ чамча̀р* ‘не говори’, использующееся вместо ром. *на́ пхэн* ‘не говори’, лов. *на́ ворбисà̀р* ‘не разговаривай’, народная этимология производит от лов. *на́ ча̀мбэ* ‘не жуй’.

Возможно, здесь речь может идти о контаминации ром. лов. *ча́мбав,* ср. хинди *cabānā*, древнеиндоар. **cambati*; арм. *čam-el* ‘жевать’ [Boretzky, Igla 1994: 47–48] и венг. *csámcsogni*[8] ‘чавкать (во время еды)’, а также, в переносном смысле ‘смаковать что-то, чаще со злорадством’ (+ цыганская отрицательная частица *на*).

При рассмотрении обоих гипотетических источников (индоарийского и венгерского) ясно, что секретные значения опираются на переносные значения глаголов, обозначающих жевание, чавкание (то есть озвученный процесс еды). На возможность такого развития семантики глаголов указывает, в частности, функционирование аналогичных по семантике глаголов русского языка, представленных в словаре В. Даля. Так, вторичный смысл слова *жвакать* ‘говорить одно и то же, мямлить, говорить вяло, нерешительно, невнятно, как бы пережевывая’, а также ‘жевать кому голову — *пск.* бранить, журить’ [Даль 1978: 528]. Вторичные смыслы слова *чавкать* ‘говорить вяло и чмокая, невнятно’, а также *ол.* ‘болтать, говорить’ [Даль 1980: 580]. Пред-

[8] Черта над гласным первого слога в венгерском слове является фонетическим маркером, а не ударением. Звук, обозначаемый как *á*, соответствует русскому *а*. Ударение в неопределенной форме глагола падает на предпоследний слог.

ставляется очевидным, что для глагола венг. *csámcsogni* тайное значение ‘говорить’ развилось из переносного смысла (см. выше), который, видимо, в диалекте ловарей сохранился только в качестве секретного значения.

Форму лов. *чамчáр* в этом случае можно рассматривать как результат трансформации формы лов. **чамчəсáр* (*чамчə* + суффикс *-сар-* с редукцией предударной гласной основы [о] > [ə]) в лов. *чамчáр*, в результате дальнейшей редукции гласной [ə] до полного ее выпадения, и слияния звука [ч] основы со звуком [с] суффикса, и с ассимиляцией [с] в [ч].

В венгерском языке есть глагол *csacsogni*[9] ‘щебетать’, который употребляется в значении ‘говорить (о ребенке, женщине)’[10]. (Аналогия такого развития есть и в русском языке: например, вторичный смысл слова *щебетать* ‘болтать, говорить без умолку, тарантить (о детях и женщинах)’ [Даль 1980: 651]. Аналогия в венгерском языке — в развитии семантики глагола лов. *коротёлый* ‘щебечу, щебечет’ — см. ниже). Но, при семантической близости венг. *csacsogni* и лов. секр. *нá чамчàр*, есть формальные сложности соотнесения этих форм. Так, при рассмотрении этого варианта этимологии надо предполагать назализацию гласного первого слога [а] > [ã] в венгерском глаголе с дальнейшим переходом назализованного звука в слог [ам], примеров чего у ловарей нам обнаружить не удалось.

В целом и форма, и семантическое поле глагола венг. *csámcsogni* в большей степени соответствуют форме и семантике, как основной, так и тайной, лов. *чамчáр*.

Нельзя полностью исключать и вариант контаминации венг. *csacsogni* с венг. *csámcsogni*, которая могла произойти в период после миграции чокещи из венгероязычного региона, когда венгерский язык стал ими забываться, ограниченно используясь

[9] Гласный первого слога произносится как короткий звук, промежуточный между [а] и [о]. Ударение в неопределенной форме глагола падает на предпоследний слог.

[10] Это значение является результатом семантического развития основы венг. *csacs-*: *csacsi* ‘ослик’, разг. ‘глупыш, дурачок’. Так, *csacsiskodni* ‘глупить, дурить, делать глупости’, *csacska* ‘щебечущий (о ребенке)’.

в функции секретного[11], слившись затем с тайным лексиконом собственно цыганского происхождения (см. далее).

Следует отметить, что вторые смыслы глаголов, обозначающих жевание и чавкание (а также щебетание — см. ниже), очевидно, не представляют собой специальных смысловых образований тайного лексикона для замещения глаголов со значениями ‘сказать’ и ‘говорить’. В данном случае речь идет о переходе в тайный лексикон *переносных, вторичных* значений глаголов обыденной речи, в которой эти переносные употребления несут дополнительное *стилистическое* (грубое или уничижительное) значение. Заметим в этой связи, что ловари из подгруппы унгри, которые не входят в круг носителей нашего секретного лексикона, понимают основное, не тайное значение слова лов. *чамча́р* ‘жуй’.

Еще одно выражение — лов. секр. *на́ дутысàр* — также означает ‘не говори, не рассказывай’. Мы предполагали, что его этимология может быть связана с основой венг. *duda*[12] в ее переносном значении ‘напевать, мурлыкать себе под нос’ + суффикс *-сар-*. Так, венг. *duda* ‘волынка’, а также ‘сирена; гудок, сигнал (автомашины и т. п.)’; венг. *dudálni* ‘играть на волынке’, а также ‘гудеть, давать сигналы, гудки’; венг. *dúdolni* ‘мурлыкать себе под нос, напевать’. Ср. одно из значений слова «мурлыкать» у В. И. Даля: «Мурлыкать, мурнык<u></u>ать <…> петь себе под нос, напевать или ворчать про себя, невнятно» [Даль 1979: 360], а также «Гудить <…> *южн. зап.* порицать, корить, хаять, хулить, осуждать, порочить <…>; гудеть <…> *прм.* выть, завывать» [Даль 1978: 405]. Ср. также у С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: *<u>гудеть</u>* <…> *гудеть одно и то же* (‘надоедливо повторять, говорить’; разг.) [Ожегов, Шведова 2008: 149].

[11] Под влиянием русского языка, в речи чокещи, видимо, могло сблизиться и произношение первой гласной в венг. *csámcsogni* и *csacsogni*, что могло стать дополнительным фактором сближения форм глаголов.

[12] В этом случае речь идет об оглушении второго [d] > [t] в основе [duda] и о редукции второй гласной основы. В кириллическом написании формы *дутысар* буква *ы* условно отражает редуцированный звук, промежуточный между [ы] и [э].

В то же время, мы пока не смогли найти примеров оглушения звонких согласных в заимствованных словах[13]. На настоящий момент это все, что можно в порядке рабочей гипотезы сказать о происхождении этой лексемы.

2) Другие выражения венгерской этимологии из секретного лексикона *осознаются еще как венгерские* некоторыми его носителями. Это, в частности, выражение лов. секр. *нэ́м бэсѝль* ‘не говори’, представляющее собой неадаптированную венгерскую форму 3 л. ед. ч. наст. вр. *nem beszél* ‘он/она не говорит’. Это выражение, которое изредка используют немногие ловари-чокещи старшего поколения в обычной (не тайной) речи, используется как тайное в присутствии цыган неловарей, словарь которых не содержит венгерской лексики. Здесь, как мы видим, глагол в форме 3 л. ед. ч. используется в качестве императива. Это, очевидно, связано с тем, что современные ловари, понимая значение основы венгерского глагола, не осознают венгерских грамматических показателей, поскольку фактически венгерским не владеют. Таким образом, сама указанная форма уже воспринимается как глагольная основа, которая в цыганском языке является формой повелительного наклонения ед. ч.

Еще одно выражение — лов. секр. *на́ коротёлысарэ̀н* ‘не говорите, не рассказывайте’ или лов. секр. *на́ коротёлы̀н* ‘не говори, не рассказывай’, а также: ‘не говорите, не рассказывайте’[14], от лов. *коротёлы́й* ‘щебечу, щебечет’ [ПМЦЦЯ]. Развитие второго смысла от основного находит параллели в русском языке, например, вторичный смысл слова *щебетать* ‘болтать, говорить без умолку, тарантить (о детях и женщинах)’ [Даль 1980: 651].

В то же время, возникает вопрос о происхождении слова лов. *коротёлы́й* в его первом (не тайном) смысле. Так, венг.

---

[13] Во всех формах, где ударение в указанной лексеме падает на слог, начинающийся на второй согласный основы, этот согласный произносится как придыхательный *тх* (*на́ ду-тхы̀н* ‘не говори’, *вов чи ду-тхы́й* ‘он не говорит’), в противоположность ситуации, когда указанный слог является безударным: *на́ ду-ты-са̀р*.

[14] Краткая форма используется, как мы видим, для обращения и к одному, и ко многим собеседникам. При обращении ко многим собеседникам короткая форма (без суффикса *-сар-*) более частотна, чем полная [ПМЦЦЯ], видимо, в силу большего удобства произношения.

kortyolni означает ‘прихлёбывать, потягивать (вино и т. п.)’. Однокоренные слова — венг. *korty* ‘глоток’, венг. *kortyántani* ‘делать глоток, глотнуть ч.-л.’, венг. *kortyolgatni* ‘изредка прихлёбывать, потягивать’. Возможно, значение ‘щебетать’ является вторичным для лов. *коротёлый* так же, как значения ‘говорить, болтать’ и проч. являются вторичными для русских глаголов *жвакать* и *чавкать* (см. выше). Но поскольку этого вторичного значения у *kortyolni* и других однокоренных слов в венгерском языке нет, видимо, надо считать, что оно развилось уже в ловарском диалекте после усвоения лексемы из венгерского языка.

Слово лов. *го́ртё* ‘глоток’ также усвоено ловарями России и Украины из венгерского языка. При этом произошло озвончение первого гласного звука из [к] в [г] — ср. лов. *го́ртё* и венг. *korty* ‘глоток’[15]. В качестве гипотезы можно предположить, что на озвончение первого звука в слове лов. *го́ртё* могло повлиять соотношение лов. **ко́ртё*/*го́ртё* с лов. *гыртя́но* ‘глотка’, а также с рус. *горло*.

Частое венгерское слово в секретном лексиконе — лов. секр. *йов* ‘хороший, хорошая’, ср. венг. *jó* ‘хороший’.

3. Выделяются несколько слов, происхождение которых для нас неясно, в частности лов. секр. *дуфи́н* ‘ударь’ вместо ром. *мала́в*, лов. секр. *чаплы́й* ‘ест’ (со специальной характеристикой ‘ест *жадно*’) вместо ром. *хал* ‘ест’, а также лов. секр. *сыр* — для обозначения представителя другой цыганской группы, в первую очередь русских цыган. Женская форма лов. секр. *сыр* ‘русский цыган’ — лов. секр. *сыркиня* ‘русская цыганка’.

Можно предположить вариант этимологизации лов. секр. *сыр* как словоформы чужого диалекта, выступающей для ловарей характерным маркером речи «чужого» цыгана. Так, характерное фонетическое различие в формах лов. *сар* и русском. *сыр* ‘как’ воспринимается как междиалектный маркер. Это связано также с тем, что слова лов. *сар* и русском. *сыр* высокочастотны. Обозначение лов. секр. *сыр* могло возникнуть в ситуации, когда

[15] Другие примеры озвончения согласной в заимствованном слове — рус. *групп*, формы которого при усвоении трансформировались в лов. *гру́бо* и *гру́по* (в речи унгров и чокещи).

русские цыгане стали понимать, что ловари обозначают их словом *рому́нгры*/*руму́нгры*[16].

Примеры фраз с секретной лексикой

Йо́в э сырки́ня! ‘Хороша (*в знач.*: красивая) румунгрица <русская цыганка>!’ (лов. *Шука́р руму́нгрица!)*

На́ чамча̀р а́нгла сы́р. ‘Не говори перед ромунгром <русским цыганом>’ (лов. *На́ ворбиса̀р а́нгла рому́нгро*).

Дыкх, сар чаплы́й о сыр! ‘Посмотри, как <жадно> ест ромунгро <русский цыган>!’ (лов. *Дыкх, сар хал о рому́нгро!*).

Формирование секретного лексикона

Секретным лексиконом хорошо владело старшее поколение чокещи. Из окружения автора этой статьи это, прежде всего, дед и его братья.

Дед автора статьи: *Милорд Ардомович Цветков*, Мило́рд, сын А́рдома, внук Мишки, род Чокещи, малая вица Мишкещи, 1894-1963.

Братья деда: *Пру́со Ардомович Миха́й* — Пру́со, родной брат Милорда, 1900–1982 гг.[17]. *Кало Ардомович* (официальная фамилия, видимо, *Миха́й) (*прозвище *Мэлало)* **—** родной брат Милорда, родился в 1917 или 1918 г.

---

[16] *Ромунграми/румунграми* ловари называют цыган, имеющих с ними значительную культурную и языковую дистанцию, изначально — раннее «доловарское» цыганское население Венгрии: от *ром унгро* ‘венгерский (местный) цыган’ [Цветков 2008: 472]. Так же пишет о происхождении этого слова Е. Фицовский [Ficowski 1985: 80–81].

[17] М. А. Цветков и П. А. Михай — родные братья. При смене австро-венгерских паспортов на российские (после 1917 г.) выбор *внешней* фамилии для нового паспорта, как это происходило у большинства цыган, был случайным и не связывался с *внешними* фамилиями других членов семейной группы. *Настоящая* фамилия большинства цыган, под которой они известны во внутриэтнической среде — их родовое имя (название *вицы*), происходящее от имени или прозвища предка, характерной черты группы и пр. Записанные в паспорте личные имена также могут не совпадать с внутриэтническими, особенно у старшего поколения, что в большой мере связано в прошлом с отказами работников ЗАГСов записывать детей иностранными или этническими именами.

Леонид и Георгий Кулагины — двоюродные братья деда, М. А.Цветкова.

А также другие двоюродные, троюродные и четвероюродные братья.

Подсчеты показывают, что лексикон может восходить к общим предкам этого круга родственников — прадеду автора статьи и родным братьям прадеда, которые родились примерно в 1860–1880-е гг.: Ардому, Ипа́но, Прусо, Гро́фо. Они принадлежали к вице чокещи (к одной из ее двух крупнейших ветвей[18] — мишкещи) и еще носили австро-венгерские фамилии и имели соответствующие паспорта, которые поменяли только около 1930 г. Учитывая, что торговлю лошадьми на территории России представители семейно-родственной группы чокещи начали в конце XIX – начале XX вв., в это время, по-видимому, мог актуализироваться секретный лексикон с активным использованием непонятной местным конкурентам венгерской лексики (изначально венгерского языка). Потомки этих братьев, часть из которых в середине XX в. уехала из России в Польшу, а позже в Швецию, до последнего времени владели этим секретным лексиконом.

В качестве примера можно привести отрывок из разговора автора статьи со своим дедом:

— Ко́н лас тэ ворби́й болдынэ́с англуно́?

‘Кто начал первый говорить на тайном языке <*букв*. говорить вывернуто[19]>?’

— Чи́ жяна̀в, ко́н англуно́ сас. Жяна́в кан’ эрэслэ́ а́ндэ Русы́я, лынэ́ тэ ворби́н болдынэ́с машка́р пэ́стэ, тэ на́ атярэ̀н ка́вэр э ро́м.

‘Не знаю, кто был первый. Знаю, когда <мы> пришли <*букв.* прибыли> в Россию, стали говорить вывернуто между собой, чтобы не поняли другие цыгане’[20].

[18] Ветвь вицы (рода) у ловарей называется *кра́нжя* ‘ветвь’.

[19] Этимологию выражения лов. *тэ ворби́й болдынэ́с* см. ниже.

[20] Это воспроизведение по памяти моего разговора с дедом.

Фотография 1. Милорд Ардомович Цветков (чокещи), 1894–1963. Фотография 1920-х гг.

Некоторые ловари-унгри старшего поколения знают секретный лексикон, или, точнее, его фрагменты. Это, в частности, Борис Шаркози (подгруппа унгри, вица андришещи, 1946 или 1947 г. рожд., Киев, Украина), В. Н. Шаркози (его двоюродный племянник, 1954 г. рожд., Москва). Можно предположить в этой связи два варианта: или что все же идет речь об общем лексиконе унгров и чокещи, или же что лексикон был усвоен унграми от чокещи. Так, по сведениям Б. Шаркози, его родственники и он сам имели длительные связи с чокещи. Б. Шаркози упоминал (в частности, в доме у В. Н. Шаркози в 2012 г.), что во время

Великой Отечественной войны в эвакуации в Ташкенте две или три семьи чокещи (из ансамбля Виктора Усанэску, тоже чокещи) жили рядом с унграми. И в послевоенное время, в 1960–70-е гг. унгры жили вместе с чокещи в некоторых городах, активно контактировали, отмечали вместе праздники, вступали в отношения кумовства. Брачные связи были редки. Важная деталь — то, что в этих случаях речь идет об унграх подгруппы *российские унгры* (*унгри руссыякэ*). В отличие от них, *бессарабские унгры* (*унгри бессрабцура*) не имеют представления о тайном лексиконе[21]. Таким образом, бессарабцы или утратили секретный лексикон, или уехали раньше, чем он был усвоен оставшимися, *российскими* унграми.

Ловари-бундаши вицы мадярещи знают отдельные выражения секретного лексикона, в частности, слово *сыр* ‘русский цыган’, а также *на́ дутхы̀н а́нгла сыра́* ‘не говори перед русскими цыганами’. Это может быть связано с тем, что члены родовой группы автора (носители секретного лексикона) жили и регулярно контактировали с мадярещи в разных городах Украины: Донецке, Харькове, Запорожье, Днепропетровске и др.

Можно было бы предположить, что формирование тайного лексикона связано с периодом миграции большой группы ловарей из Венгрии, и в их составе — чокещи, на территорию Польши, где расселены культурно и диалектно родственные *русским цыганам* группы *польских цыган*, которых в Польше называют также *равнинными цыганами* [Pytlak 2000: 42]. Но в то же время обращает на себя внимание тот факт, что и унгри, и бундаши старшего поколения владеют только фрагментами тайной лексики, основной состав которой сохранился у чокещи.

В настоящее время тайный лексикон не понимают и некоторые члены боковых ветвей чокещи, находящиеся в четвероюродном родстве с семейно-родовой группой автора. Сейчас получить более точные данные представляется затруднительным

[21] Унгры-бессарабцы — часть унгров, уехавших из России в 1914 г. и вернувшаяся в 1944–1945 гг. через Болгарию, Румынию и Бессарабию, задержавшись в Бессарабии. Их говор отличается от говора российских унгров лексическими и фонетическими особенностями. Часть фольклорного репертуара бессарабцев заимствована из фольклора цыган Сербии, что повлияло также на их музыкальную манеру.

ввиду ухода предыдущего старшего поколения и утраты секретной лексики подавляющим большинством ловарей, не только молодых, но и людей среднего возраста.

Даже если предполагать утрату значительной части секретного лексикона последними поколениями чокещи в связи с изменением способа экономического встраивания группы, мы видим, что тематика сохранившихся лексем связана в первую очередь с обозначением *чужого*, как нецыгана *(гомо́ — гоми́)*, так и цыгана (*сыр — сыркиня*), *денег* (*чирикля́, хитя́*), и *запрета говорить* (*на́ чамча́р, на́ дутыса́р, на́ коротёлын, нэ́м бэси́ль*). Это может указывать на экономическую сферу применения данной лексики.

Ловари-чокещи называют этот секретный лексикон *болдынэ́ во́рби* досл. ‘перевернутые, вывернутые слова’ от лов. *бо́лдав* ‘поворачиваю, верчу, вращаю’ + лов. *во́рби* ‘слова́’ [Цветков 2001: 30, 34], откуда также лов. *ворби́й болдынэ́с* ‘говорю/говорит перевернуто, вывернуто’ (унгри-андришещи понимают это обозначение). В соответствии с этимологией названия этого лексикона, можно предположить, что он изначально формировался из цыганских слов, которым придавалось нестандартное значение (вероятно, это могло иметь место еще на территории Венгрии). Но в ситуации миграции из венгероязычного региона венгерский язык начал использоваться как тайный, и далее венгерская лексика вошла в состав секретного лексикона, возможно, частично заместив иную секретную лексику, которая могла существовать у ловарей-чокещи на территории Венгрии. При этом с утратой венгерского языка часть венгерской лексики стала осознаваться как лексика обыденного языка ловарей (о чем говорят исследования лексического состава диалекта ловарей, см. [Цветков 2001]), а часть — как тайная, сформировав единый секретный лексикон вместе с иными, возможно, уже ранее существовавшими, формами тайной лексики[22]. В настоящее время, насколько можно судить по сохранившимся словам секретного лексикона, лексика венгер-

[22] Интересно отметить в этой связи, что люди старшего и среднего поколения еще помнят, что старшие члены мигрировавших в Россию семей чокещи иногда переходили на венгерский язык в присутствии младших членов, не знавших венгерского. Таким образом, венгерский язык и венгерская лексика выполняли какое-то время роль тайного языка и секретной лексики и при *межпоколенном* общении.

ского происхождения в количественном отношении превалирует над лексикой, этимологию которой можно рассматривать как общецыганскую.

Заключение

Описанный секретный лексикон значим для скрывания информации в межгрупповом коммуникативном пространстве от носителей разных цыганских диалектов, поскольку слова общецыганского лексического фонда могут быть поняты представителями разных групп, даже с учетом фонетических различий. Так, у ловарей *ворбий* ‘говорю, говорит’ — диалектное (от лов. *ворба* ‘слово’, заимствованного из румынского), но *пхэн* ‘скажи’ — общецыганское; *эзэ́ро* ‘тысяча’ — диалектное (заимствованное из венгерского), *ловэ́* ‘деньги’ — общецыганское. Поэтому секретный лексикон используется в присутствии представителей любых диалектных групп: сам факт появления незнакомых цыган в определенных ситуациях обусловливает его использование.

В настоящее время использование секретного лексикона у чокещи (и у знакомых с ним унгров и бундашей) утрачивает свою актуальность. Можно предположить, что начало этого процесса относится к 1930-х гг., когда в России была запрещена торговля на конных рынках, которой успешно занимались мужчины-чокещи, конкурируя в этом с русскими цыганами. Правда, в ситуации развития мелкооптовой и розничной цыганской торговли в послевоенное время секретный лексикон функционировал, но в его постепенной утрате, очевидно, сыграло роль успешное развитие женского гадания у чокещи, которое с начала XX в. и далее постепенно стало играть определяющую роль в материальном обеспечении семей. Характер этого гадания таков, что не предполагает пересечения в публичном пространстве с представителями других групп цыган. Мужчины в последние двадцать лет стараются заниматься бизнесом с русскими партнерами.

Мы видим, что представленный секретный внутридиалектный лексикон рассчитан на использование его достаточно узким кругом заинтересованных лиц, говорящих на цыганском языке, будучи связан с внутриэтнической конкуренцией, основные субъекты которой — семейно-родовые группы и их подразделения.

Сокращения

болг. — болгарский язык; венг. — венгерский язык; древнеиндоар. — древнеиндоарийский язык; ед. ч. — единственное число; зап. — западное; кэлд. — диалект цыган-кэлдэрарей; л. — лицо; лов. — диалект цыган-ловарей; лов. секр. — секретный лексикон ловарей-чокещи; мн. ч. — множественное число; пск. — псковское; ол. — олонецкое; прм. — пермское; разг. — разговорное; ром. — романи; русскором. — диалект группы русских цыган; франц. — французский язык; южн. — южное.

Литература и источники

Голодников К. М. (1882). *Тобольская губернiя накануне 300-летия завоевания Сибири*. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления.

Даль В. (1978–1980). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Москва: Русский язык.

Деметер Р. С., Деметер П. С. (1990). *Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)* / Под ред. Л. Н. Черенкова. Москва: Русский язык.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (2008). Толковый словарь русского языка. Москва: А ТЕМП.

ПМЦЦЯ — Полевые материалы Г. Н. Цветкова по цыганскому языку.

Приемышева М. Н. (2009). *Тайные и условные языки в России в XIX в.* Ч. I. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Смирнова-Сеславинская М. В. (2011). Внутреннее, внешнее и «настоящее цыганское» в литературных публикациях цыганских авторов // *Этнодиалоги* 1, 310–328.

Смирнова-Сеславинская М. В. (2012). К большой цыганской миграции в Россию: социокультурная динамика малых групп в свете материалов этнической истории // *Культурологический журнал* 2. (http://cr-journal.ru/rus/journals/139.html&j_id=10).

Цветков Г. Н. (2001). *Романэ ворби. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (ловарьский диалект)*. Москва: Апостроф.

Цветков Г. Н. (2008). История и социальное развитие цыган-ловаря // *Наукові записки*. Т. 15: Тематичний випуск «Роми Украины: із минулого в майбутнє». Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, 471–488.

Цветков Г. Н. (2011). *Цыганский язык (романи) и его исследование в интегральном междисциплинарном поле «язык — человек, культура, общество»*. Диссертация на соискание ученой степени кан-

дидата филологических наук. Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва.
Amanolahi S., Norbeck E. (1975). The Luti, an outcaste group of Iran // *Rice University Studies* 61(2), 1–12.
Benninghaus R. (1991). Les Tsiganes de la Turquie orientale // *Etudes Tsiganes* 3 (91), 47–60.
Boretzky N., Igla B. (1994). *Wörterbuch Romani-Deutsch-Englisch für den südosteuropäischen Raum: mit einer Grammatik der Dialektvarianten*. Wiesbaden: Harrassowitz.
Ficowski J. (1985). *Cyganie na polskich drogach*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
Hancock I. F. (1976). Patterns of lexical adoption in an American Dialect of Řomanés // *Orbis* 5, 83–104.
Matras Y. (2002). *Romani: A linguistic introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
Matras Y. (1999). The State of Present-day Domari in Jerusalem // *Mediterranean language review* 11, 1–58.
Pytlak G. (2000). The structure of the Gypsy community in Poland // Krzyżanowski P., Pytlak G., Bończuk L. *Cyganie. Mity i fakty*. Gorzów Wielkopolski: British Know How dla Polski, 42–44.
Voskanian V. (2002). The Iranian loan-words in Lomavren, the secret language of the Armenian Gypsies // *Iran and the Caucasus* 1–2, 177–178.

ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ЦЫГАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

М. В. Смирнова-Сеславинская

Москва

ЦЫГАНСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XIX–XXI ВВ.

В данной статье мы рассмотрим особенности исследований цыганского языка и его использования в образовании в рамках краткого анализа языковой образовательной политики России XIX–XXI вв.[1]

Формирование основных тенденций государственной политики в отношении языков народов России до 1917 г.

Общие тенденции

Известный историк В. С. Дякин (1930–1994) подготовил собрание интереснейших и малоизвестных документов, иллюстрирующих деятельность центральной и местных властей Российской Империи в отношении нерусского населения и его языков, в том числе в области образования [Дякин 1998]. Он пишет в предисловии к изданию:

> ⟨…⟩ речь будет идти не о национальном вопросе в России, а о национальной политике правящих кругов. ⟨…⟩ Официальных документов, провозглашавших принципы национальной политики царизма в целом, не существует. Эта политика формулировалась *всегда применительно к конкретным конфессиям и народам* на том или ином этапе (выделение наше — *М. С.С.*). Можно, однако, проследить определенные общие закономерности этой политики [Дякин 1998: 14–16].

[1] Мы используем исследования и материалы в области российского образования, в том числе его национальных аспектов — В. К. Бацына и М. Н. Кузьмина, Э. Д. Днепрова, В. С. Дякина, С. В. Никитина, И. З. Сковородкиной и др.

В своих максимальных границах Российская империя сложилась ко второй половине XIX столетия. Долгое время самую заметную часть нерусского населения империи составляли татары и башкиры, исповедовавшие мусульманство. С присоединением Восточной Армении и Грузии и всего Северного Кавказа, а также Финляндии и Польши в первой половине XIX в., изменилось качество национального вопроса в России, так как основные народы присоединенных территорий имели развитые традиции государственности и собственной письменности. В качестве государственной национальной идеологии с этого периода проводилось внедрение единого государственного языка на всех уровнях администрирования и в государственном образовании, первоначально — высшем и среднем. При Николае I наметилась тенденция русификации малых народов и их перевода в православие, также как и тенденция подавления самобытности крупных народов (армян, грузин, татар, евреев, литовцев и др.). При Александре II эта политика была продолжена и усилена, на что повлиял ряд политических событий, таких, как польское восстание (1863–1864), реакция мусульманского населения Российской империи на Крымскую войну (1853–1856), усиление экспансии России в Среднюю Азию, на территории современных Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана (к 1860 гг.)[2].

Во второй половине XIX в. крупные народы центральных, южных и восточных районов Российской империи (армяне, грузины, татары, башкиры и др.) обучались грамоте и получали

[2] А. Ю. Белодед пишет, что в результате присоединения ряда территорий в состав Российской империи помимо обычных административно-территориальных единиц вошли «территории с особым статусом, которые лишь на начальном этапе пользовались определенной степенью автономии (Малороссия, Закавказье, Остзейские губернии, Бессарабская область), а также протектораты (на Кавказе, в Средней и Центральной Азии — *М.С.С.*), в дальнейшем инкорпорированные в состав государства как российские автономно-территориальные единицы» [Белодед 2009]. Автор указывает, что власти последовательно редуцировали права этих присоединенных территорий, хотя формально у них сохранялся статус автономий. Действительно, усечение прав автономных территорий, как в плане самоуправления, так и в плане использования языка основного населения в официальной сфере и в образовании, отражено в нормативных актах того периода (см. [Дякин 1998]).

образование на уровне начального на родном языке. В образовании народов западных частей империи, вошедших в состав России, но где сохранялись сильные традиции немецкой и польской системы образования (вплоть до университетов с соответствующими языками обучения), власть более жестко проводила политику русификации[3]. При этом меры контроля школ с нерусским языком обучения принимались центральной властью повсеместно, но в различной степени, в зависимости от национальной территории.

В то же время, в государственной политике в тот период четко обозначились *две основные и одновременные тенденции в отношении нерусского населения, которые, в той или иной мере, прослеживаются и далее в языковой и образовательной политике России:*

1) Первая была связана с тем, что с середины XIX в. становилась все более очевидной необходимость, во-первых, использования родного языка в течение первых нескольких лет получения образования (прежде всего, при обучении грамоте), а во-вторых, привлечения к этому процессу этнического корпуса учителей. В этом сыграла роль деятельность Н. И. Ильминского, разработавшего учебники на родном языке для татар и некоторых других народов — носителей языков тюркской группы. Он проводил, как и его последователи В. Т. Тимофеев и И. Я. Яковлев, линию на сближение инородцев с русским населением через распростра-

[3] Государственные средние учебные заведения Польши были полностью переведены на русский язык, а частные — частично, с 1875 г.; в Прибалтике (Остзейских губерниях), где языками начального образования были немецкий, а с середины XIX в. — также эстонский и латышский, с 1874 г. было введено обязательное изучение русского языка, а в 1887–1893 гг. языком всех учебных заведений стал русский (в начале XX в. эта политика была смягчена); украинцы же и белорусы воспринимались как часть русского народа, происходила борьба с идеей о языковой самостоятельности украинского и белорусского народов, а также с польским влиянием, особенно в Правобережной Украине; в Литве преобладали традиции немецко-, польско- и русскоязычного образования, с тенденцией к русификации, нарождающееся обучение на литовском подавлялось, с 1864 г. запрещена печать на литовской латинице, частичное преподавание на литовском велось в тайных школах [Дякин 1998: 287–318].

нение среди них европейского образования и русского языка (см., например [Ильминский 1861, 1885, 1913; Опыты 1883 и др.; Зеленин 1902].

2) При этом проводилась линия на ограничение использования родных языков в официальном образовании как «инородческого» (татар, башкир, евреев, народов Кавказа), так и «инославного» населения (поляков, украинцев, белорусов) и велась борьба с тенденциями развития национальных школ как с сепаратистскими. При понимании необходимости использования родного языка в начальной школе для детей, не говорящих по-русски, должностные лица в ряде случаев настаивали на их скорейшем переходе на русский язык обучения (см., например, документы 1907–1912 гг. обсуждения проекта Положения о начальных училищах и др. [Об изменении правил: Л. 28–35, 44–47, 147–155, 168–182, 196–197, 200–219, 234–240; цит. по: Дякин 1998: 95–99]).

С середины XIX в. активизируются исследования народов России, разрастается сеть научных обществ и музеев, появляется ряд историко-этнографических изданий о народах России. В 1862 г. Т. Паули издал описание народов России, в том числе цыган, в виде иллюстрированного альбома (первоначально на французском языке [Pauly 1862]). В этот же период вышел «Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России» П. Кеппена, в котором одна из глав посвящена цыганам [Кеппен 1861: 480–487].

Цыгане

Основные тенденции в отношении народов, не имевших развитой государственности и письменности (прежде всего, народов Сибири и Поволжья), были направлены на их русификацию и развитие их культуры путем сближения с русской культурой и языком. Цыгане по некоторым показателям — мобильному укладу, характеру внутриэтнических социальных связей, механизмам традиционной культуры, особенностям функционирования родного языка, — сопоставимы с народами Сибири и Дальнего Востока. И организация образования цыган была в ряде аспектов связана с трудностями, осложнявшими организацию об-

разования у этих народов[4]. Но, в отличие от народов Сибири и Дальнего Востока, цыгане не имели собственной территории; будучи небольшой частью населения, они не представляли интереса для государства, не составляя рисков для его целостности. Поэтому в этот период, связанный с организацией начального образования и началом распространения грамотности, цыгане оставались вне этих процессов, и никакой специальной образовательной политики в отношении них не проводилось.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., 14,7 % цыганского населения принадлежали к городскому населению [Общий свод 1905, т. II: 6–7]. Цыгане, и оседлые, и «кочевые», в целом были дисперсно расселены по территории России и жили традиционными занятиями; подавляющее большинство из них в конце XIX в. были неграмотны. Так, доля грамотных среди цыган в разных областях колебалась от 1 до 5 %[5]; грамотными в разных возрастных группах были преимущественно лица мужского пола[6]. Хоровые цыганские исполнители представляли собой особую прослойку городского населения, в которой сложился особый уклад. Но и эта среда, по воспоминаниям очевидцев, оставалась «полуграмотной» [Ром-Лебедев 1990: 15].

Политика по отношению к цыганскому языку и в этот период, и позже, составляла часть общей политики по отношению к

[4] Об организации образования для народов Севера в этот период см., например [Сковородкина, Артеменко, Подшивалова 2004: 22–26].

[5] Для сравнения: в то время в целом грамотным был 21 % от общей численности населения Российской империи, и 26,5 % грамотоспособного населения (после 9 лет). Посчитано по: [Общий свод 1905, т. I].

[6] Среди данных общего свода переписи 1897 г. (т. 2) сведения по грамотности цыган не выделены. Они содержатся в различных томах переписи, по которым определяется доля грамотных. Так, например, среди цыган Витебской губернии грамотных было 1,9 %, в Гродненской — 4,85 %, в Области Войска Донского — 4, 34 %, в Кубанской области — 1,14 %, в Иркутской губернии — 2, 83 %, и т. д. Посчитано по: [ПВПН Т. V: 80–83, Т. XI: 106–109, Т. XII: 82–85, Т. LXV: 64–67, Т. LXXV: 60–61]. Данные переписи 1897 г. (Таблица XV в томах переписи) указывают, что подавляющая часть цыган Великороссии была «грамотна на русском языке», и незначительная часть — «на других языках».

малым народам и их языкам. Но при этом отсутствие собственной территории явилось причиной того, что статус цыганского населения, а значит и возможности реализации его потребностей в области культуры и образования всегда были неизмеримо ниже, чем у других народов, даже на порядок меньших по численности, чем цыгане.

Самая ранняя известная фиксация языка цыган на территории Российской империи — диалекта цыган-*сэрвов* Украины — сделана В. Зуевым [Зуев 1787: 178–182], запись словарных данных языка *русских, или севернорусских, цыган* — наиболее многочисленного и раннего слоя цыганского населения Великороссии — по последним данным, относится к 1827 г. и сделана французом Л. де Лаво [Махотина, настоящий сборник]. К первой трети XIX в. относится и публикация Т. Нарбута (Вильно) со словарем *литовских цыган*, диалект которых близок *русским цыганам* [Narbutt 1830: 152–169]. В компилятивной работе И. Даниловича (Вильно), в значительной части основанной на зарубежных публикациях, приводятся данные словаря и некоторых грамматических категорий цыганского языка (разных диалектов), в сопоставлении с данными индоарийских языков [Daniłowicz 1824: 101–116]. В рамках общих тенденций изучения культур и языков народов России во второй половине XIX в. – начале XX в. появляется ряд описаний цыганского языка (грамматики, тексты, лексика, фразеология), из которых наиболее существенные связаны с севернорусским диалектом [Григорьев 1851; Истомин 1900; Добровольский 1908]; исследование о цыганах-*бошá* Армении и переднеазиатских *карáчах* [Патканов 1887] в основном содержит описания их лексики и фразеологии.

Положение о языках инородцев в начале XX в.

В последнее десятилетие перед Октябрьской революцией, в 1907 г. были изменены Правила о начальных училищах для «восточных и юго-восточных народов». В документах 1907–1909 гг. указано:

> Начальные училища для инородцев имеют целью, с одной стороны, содействовать их нравственному и умственному развитию и таким образом открывать им путь к улучшению их быта, а с другой — распространять между ними знание русского языка и сближать их с русским народом на почве любви к общему оте-

честву»; «Родной язык детей в первые два года обучения в училищах для инородцев служит языком преподавания. В последующие годы языком преподавания должен быть русский язык, но родной язык учащихся остается и предметом обучения, и оружием для *облегчения преподавания на русском языке прочих предметов* (выделение наше — *М. С.С.*) [Об изменении правил, цит. по: Дякин 1998: 95–96][7].

Положение о начальных училищах 1912 г.

В то же время, несколькими годами позже, при утверждении нового «Положения о начальных училищах», в отношении национальных языков был избран самый реакционный вариант. Так, Комиссия верхней палаты Государственного совета во главе с бывшим обер-прокурором Синода П. П. Извольским рассмотрела проект «Положения», окончательно одобренного III Государственной Думой 25 апреля 1911 г., и в 1912 г. он был принят с существенными поправками. При этом были совершенно исключены принятые думой «Правила об училищах для детей нерусского происхождения», разрешавшие преподавание в начальной школе на родном языке для тех народов, которые имели письменность[8].

«В области начального образования, как и в средней и высшей школе, передовой русской общественности не удалось преодолеть сопротивление самодержавия», и самодержавные положения и уставы в области образования «рухнули вместе с режимом» [Днепров 2011б: 565].

[7] Это указание связано с одной из важнейших *функций* родного языка, которая играет центральную роль в освоении носителями миноритарных языков образовательной программы на языке окружения и *реально обеспечивается* существованием корпуса учителей — носителей миноритарного языка и ментальности. Отсутствие этого корпуса представляет собой одну из причин недостаточной доступности русскоязычного образования для учащихся с нерусским родным языком. О функции *родного языка как вспомогательного* см. [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2011а: 104–108].

[8] РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 138. Л. 54 об. 554. Цит. по [Днепров 2011а: 553].

Государственная языковая политика СССР в области образования в 1919-1938 гг.

Общие тенденции

15 (2) ноября 1917 г. Совет народных комиссаров принял «Декларацию прав народов России», в которой были провозглашены равенство и суверенность народов России и, в частности, свободное развитие национальных меньшинств и групп, населяющих территорию России [История Советской Конституции 1957: 19–20]. В рамках этой политики в октябре 1918 г. вышли два постановления органов управления народным образованием, которые определили понимание национальной школы и постулировали права национальностей [Бацын, Кузьмин 1995: 11]:

1) Постановление Государственной комиссии по просвещению утверждало принципы *национальной школы* Российской Республики, которая

> обслуживает меньшинство населения, отличающееся от большинства своим языком и бытовыми особенностями. Преподавание в национальной школе ведется на родном языке. ⟨…⟩ В связи с родным языком изучается национальная литература и история своего народа [Цит. по: Очерки истории школы 1980: 144].

2) В Постановлении Наркомпроса «О школах национальных меньшинств» говорится:

> Все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы (т. е. начальной и средней — *Бацын, Кузьмин*) и в высшей школе. ⟨…⟩ В школах национальных меньшинств вводится обязательное изучение языка большинства населения данной области. Школы национальных меньшинств являются школами государственными [Сборник декретов и постановлений 1920: 41, цит. по: Бацын, Кузьмин 1995: 11].

Новая власть, стремившаяся сохранить в составе России крупнейшие национальные территории, в первую очередь присоединенные в последний период расширения империи в XIX в., предоставила им в составе образованного в 1922 г. СССР статус союзных республик. Национальные территории, вошедшие в состав РСФСР или союзных республик, получили статус автономий. При этом образовательная политика учитывала на началь-

ном этапе тенденцию к созданию национальных школ на родных языках; в отношении народов, не имевших письменности, проводилась линия на ликвидацию безграмотности через создание письменностей на родном языке. К 1927 г. в начальных школах РСФСР обучение на родных языках проходило подавляющее число представителей 48 народов РСФСР [Всесоюзная школьная перепись 1927]. Национальные системы образования, обеспеченные кадровой и научной преемственностью, начинают складываться в рамках всесоюзной образовательной системы в первую очередь у народов, обладавших собственной традицией письменности — у народов союзных республики СССР, ряда автономных субъектов. В целом политика развития *национальной школы* проводится и в отношении народов, не имевших письменности (как народы Севера, Поволжья, малые народы Кавказа, цыгане). В национальной школе акцент делается на использовании в образовании родных языков и развитии «национальных по форме и социалистических по содержанию» литератур, в то время как культура и история народов отходят на второй план в эту эпоху «слома старого мира».

Цыгане

Политика в отношении образования и языка цыган в этот период в современных цыгановедческих публикациях описана в разном объеме, см. [Деметер, Бессонов, Кутенков 2000: 206–207; Абраменко, Кулаева 2004: 36–39; Русаков, Калинин 2006: 269–274, 283–287; Смирнова-Сеславинская, Цветков 2011а: 29–30; Цветков 2011: 198–201; Бугай 2012: 26–27, 217–218], и особенно в [Торопов 1999; Калинин, Подлипский 2005: 47–57[9]].

В качестве основных источников выступают публикации 1920–1930-х гг. [Баранников 1931: 85–88; Герман 1931: 93–100; Попова, Бриль 1932], периодика той эпохи, общественно-политические издания, мемуары и личные архивы [Ром-Лебедев 1990: 163; неопубликованные архивы Н. А. Панкова, И. И. Ром-Лебедева], а

[9] Публикация В. Калинина и А. Подлипского, содержащая многочисленные сведения о событиях 1920–30-х гг., основана на данных публицистики, частью — на данных архива Н. А. Панкова. В то же время отсутствие ссылок, а также ряд неточностей публикации затрудняют ее использование и требуют проверок данных.

также пока недостаточно изученные документы государственных архивов.

В период 1920–30-х гг. были созданы Всероссийский союз цыган, театр «Ромэн», Цыганская секция при Союзе пролетарских писателей, цыганские ремесленные артели, музыкальные ансамбли; с конца 1920-х гг. осуществлялась первая в мире образовательная программа для цыган. В разных городах и республиках СССР были открыты цыганские классы и школы с использованием родного языка в обучении, создан педагогический техникум для цыган и т. п. В соответствии с общим курсом на ликвидацию безграмотности в 1927 г. была разработана письменность для цыган, с 1928 по 1938 гг. выпущено более 200 изданий на цыганском языке, в том числе целый ряд учебников, а также оригинальные произведения цыганских авторов (более 30), переводы русской классики, периодические издания [Попова, Бриль 1932; Абраменко, Кулаева 2004: 38–39; Друц, Гесслер 1990: 294–300; Русаков, Калинин 2006: 283–287; Романо каталого].

Цыганский язык в школе. Цыганский язык в этот период используется в начальной общеобразовательной школе и при обучении грамоте[10]. В группу разработчиков цыганской письменности входили М. В. Сергиевский, Н. А. Панков, Н. А. Дударова, большой вклад в создание литературы и учебников, просвещение цыган внесли Н. А. Панков, А. В. Герман, Т. В. Вентцель[11], в исследования цыганского языка — А. П. Баранников [Герман 1931: 94; Торопов 1999: 19; Калинин, Подлипский 2005: 47]. Цыганская письменность была узаконена письмом наркома просвещения А. В. Луначарского к Всероссийскому союзу цыган 10 мая 1927 года за № 63807 (по материалам архива Н. А. Панкова [цит. по: Друц, Гесслер 1990: 294–295; Торопов 1999: 19]).

[10] См., например, «Список изданий на цыганском языке 1928–38 гг., хранящихся в Российской государственной библиотеке» [Романо каталого]. Он включает ряд учебников — буквари, учебники математики, цыганского языка, литературного чтения и проч., предназначенные для 1–4 класса, а также пособия по обучению грамоте взрослых.

[11] Вклад Н. А. Панкова связан в основном с просветительской деятельностью (организация образования цыган, участие в создании корпуса учебников, переводы на цыганский), А. В. Герман создавал художественные произведения на цыганском языке.

В 1920–1930-х гг. были созданы базовые пособия на цыганском языке, в частности, «Букварь для цыганских школ» [Дударова 1932], «Букварь для неграмотных» [Панково 1934], «Букварь для неграмотных» [Вентцель 1936], пособие по грамматике цыганского языка и правописанию [Сергиевский 1931], учебники цыганского языка до 4 класса включительно. Всего до 1938 г. было выпущено 13 учебников по цыганскому языку, а кроме этого, книги для литературного чтения на цыганском языке и хрестоматии по цыганской литературе (основные авторы — Н. А. Панков и А. В. Герман, подробнее см. [Русаков, Калинин 2006: 286–287; Романо каталого]).

Изучение и описание цыганских диалектов. В эти годы происходит дальнейшее описание диалекта *севернорусских цыган* [Сергиевский, Баранников 1938 (под редакцией Н. А. Панкова)] и описание диалекта цыган-*сэрвов* [Barannikov 1934: 5–108; Сергиевский, Баранников 1938][12]. Материалы по другим цыганским диалектам в этот период (преимущественно по *влашским*) представлены только в полевых материалах А. П. Баранникова [Barannikov 1934: 112–226].

Организация образования для цыган. Организация образования в этот период происходит в общих рамках формирования *национальных школ*. В 1927 г. при отделе национальных меньшинств Института методов школьной работы была создана комиссия по изучению цыган. А. В. Герман пишет:

> Задачей комиссии является изучение того процесса, который под влиянием индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства происходит в наши дни во всех сферах жизни цыган. В конечном счете анализ этого процесса приведет к формулировке принципов, на основе которых должно строиться и развиваться просвещение цыганской народности ⟨…⟩ [Герман 1931: 8][13].

[12] Следует оговориться, что исследователи не были носителями цыганского языка и недостаточно хорошо им владели, опираясь в своих исследованиях на предыдущие работы — на грамматику П. Истомина (Патканова). Поэтому в настоящее время существует потребность в ревизии этих изданных материалов и углубленного исследования современного состоянии этих диалектов.

[13] А. В. Герман пишет о составе комиссии: «В работе комиссии принимают участие проф. А. П. Баранников, М. В. Сергиевский, П. В. Венц-

За период с 1926 по 1938 гг. в разных областях СССР существовал ряд школ и классов с обучением на цыганском языке[14], две группы для поступления цыган на рабфак, Цыганский педагогический техникум, цыганское отделение при педагогическом училище.

Проживавшие в России цыгане принадлежали к различным группам, диалекты которых имели между собой существенные различия, и требовалось создание учебных пособий хотя бы на нескольких крупнейших цыганских диалектах. Между тем, за основу разработки пособий был взят только диалект *русских (севернорусских) цыган*, хотя и наиболее многочисленной в России цыганской группы, но далеко не единственной. Это не позволило привлекать к цыганоязычным программам носителей иных диалектов. (В этот период, впрочем, отмечено несколько инициатив местных учителей цыганских школ, использовавших при обучении диалект цыган-*сэрвов* и *кавказских цыган-дома́ри* [Калинин, Подлипский 2005: 50]). При этом очень большая часть цыган оказалась неохваченной образованием в этот период еще и потому, что около 2/3 цыганского населения России сохраняли мобильный уклад, а этнические школьные коллективы в основном организовывались в крупных городах.

Еще одну проблему представляло непонимание в тот период органами управления образованием особенностей владения родным языком различными социальными группами малых народов. Так, часть цыганского населения, наиболее активно выступавшая на публичных форумах, представляла наиболее интегрированную, и в значительной степени ассимилированную часть городских цыган, преимущественно носителей *русскоцыганского диалекта*. Опираясь на мнение тех московских цыган, которые практически утратили цыганский язык, к середине 1930-х гг. некоторые представители управления образованием

ковский (ГУС), педолог А. М. Шуберт, антрополог Ярхо, Д. Н. Саввов (Наркомпрос), Жвигур (МОНО), и представители организаций, связанных с разрешением цыганского вопроса. Привлечены к активной работе и представители от цыганских масс» [Герман 1931: 8–9].

[14] В. Калинин и А. Подлипский указывают, без ссылок на источники, что в разное время в тот период в СССР существовало 86 школ и классов с обучением на цыганском языке [Калинин, Подлипский 2005: 52].

стали выступать за перевод цыганских классов на русский язык обучения. Кроме этого, цыганские школы и классы, не имевшие собственных помещений и ресурсов, были чрезвычайно зависимы от местных властей, которые разрешали конфликты интересов (например, по поводу школьного помещения) преимущественно в пользу русскоязычного большинства; в ряде случаев условия обучения цыганских детей были гораздо хуже, чем у русскоязычных учащихся той же школы [Попова, Бриль 1932, цит. по: Друц, Гесслер 1990: 298–299].

Несмотря на все эти трудности, благодаря проводимой языковой и образовательной политике, часть цыган, прежде всего из городских хоровых семей, в этот период получила образование, дав начало слою цыганской интеллигенции [Ром-Лебедев 1990: 159; Деметер, Бессонов, Кутенков 2000: 241; Калинин, Подлипский 2005: 74–76; ПМСЦ: Образование].

Русификация образования в СССР в 1938–1991 гг.

Общие тенденции

Усиление тоталитарных и унитаристских тенденций с конца 1920-х гг. привело к изменениям в образовательной политике. Прежде всего, это означало «поворот в сторону унитаризации содержания, в сторону централизма» [Бацын, Кузьмин 1995: 13][15]. Первым заметным событием стала ликвидация в 1934 г. структур, курировавших национальную школу. Через несколько лет 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК КПСС приняло, а 17 декабря Политбюро утвердило постановление «О национальных школах», в котором они признавались наносящими вред национальной политике, и их предлагалось преобразовать «в советские школы обычного типа»[16]. 24 января 1938 г. ЦК КПСС принял секретное постановление «О ликвидации национальных школ и национальных

[15] Повышение роли русского языка в различных сферах жизни в описываемый период — объективный фактор. В то же время резкое «наступление» на родные языки, начавшееся во второй половине 1930-х гг., и полное «изгнание» большей их части из общественной сферы, в том числе из образования, связано с тенденциями тотального контроля сознания граждан в этот период и позже.

[16] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос Книга 2. 1933–1945. М., 2009. С. 2. Цит. по [Бугай 2012: 327].

отделений в школах», которые были признаны «вредными, отгораживающие детей от советской жизни» [РЦХИДНИ: ф. 17, оп. 114, д. 837, л. д. 99–111].

В реализации этой политики В. К. Бацын и М. Н. Кузьмин выделяют две основные вехи:

> — конец 30-х гг. — принятие упомянутого постановления об обязательном изучении русского языка, когда принцип «школа на родном языке» в целом продолжал сохраняться;
> — конец 50-х гг. — отказ от этого принципа и фронтальный перевод большей части национальных школ РСФСР на русский язык обучения.
> С середины 60-х гг. произошел нажим с теми же целями на школу союзных республик, для чего было создано общесоюзное Министерство просвещения СССР (1966) [Бацын, Кузьмин 1995: 13].

Авторы отмечают, что, помимо всего прочего, эта политика преследовала и сугубо прагматические цели: в 1938 г. началась реформа армии, и необходимо было обеспечить единый язык общения в армии в условиях введения всеобщей воинской обязанности. Добавим, что развитие промышленности и науки также расширяло сферу использования русского языка как языка межкультурного общения в этих сферах, и главного языка научно-промышленного потенциала, стимулируя процессы русификации, в первую очередь среди представителей младописьменных народов. (В то же время, эти процессы развития *двуязычия* и *перераспределения коммуникативных сфер между языками*, конечно, вовсе не могут быть основанием административного изгнания из образования родных языков).

Эта политика, между тем, находилась в русле тенденций, которые были артикулированы российским правительством еще в 1910–1911 гг. Так, в ходе «Междуведомственного совещания по вопросу о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением»[17] отмечалось: «Идеалом школы с точки зрения государственного единства представлялась бы единая для всех народностей Империи школа с государствен-

[17] Совещание проходило с 30.11.1910 по 14.12.1911 под председательством товарища министра просвещения Л. А. Георгиевского и состояло из 34 заседаний.

ным языком преподавания… Но такого идеала можно достигнуть только постепенно…» [Журнал междуведомственного совещания; цит. по: Дякин 1998: 104].

Поворот в языковой политике советской власти, начавшийся со второй половины 1930-х гг., знаменовал «откат» в процессе демократизации образования, возвращая его в русло доктрины «охранительного просвещения», сложившейся еще в первой половине XIX в. и делавшей школу орудием политики [Днепров 2011б: 93]. С 1930-х гг. вытеснение родных языков народов России из образования и их русификация проводились под эгидой создания «единой российской нации». Насколько утопичны эти идеи в стране, объединяющей народы с разными культурами, языками, цивилизационными типами, и насколько разрушительны были избранные советской властью методы их внедрения, показали результаты этой политики: огромные пласты российского населения, оторванные от своих национальных духовных корней, оказались маргинализованы. Маргинализация собственной культуры сопровождалась восприятием редуцированных форм русской культуры; в этом процессе сильно пострадали национальные языки.

В полиэтническом обществе унитарного типа политика центральной власти по отношению к тому или иному народу и его языку *в значительной мере представляет собой политику вынужденных уступок*. При этом реальными факторами этой политики *являются статус народа и его языка*: наличие собственной территории и демографическая мощность языка. Это объясняет, почему в результате развития политики унитаризма в первую очередь пострадали языки малых народов.

Так, в СССР национальные различия были институциализированы, закреплены в законодательстве и системе государственного управления. Принцип этнофедерализма определял права субъектов — национально-территориальных образований — в соответствии с их статусом: 1) союзных республик СССР; 2) автономных республик в составе союзных республик; 3) малых автономных образований: областей и округов. Народы без территории не имели никакого статуса и ресурсов для развития своих языков (ассирийцы, цыгане и др.). При ужесточении национальной политики в конце 1930-х гг. они полностью

лишились прав и возможностей развития национальной культуры и языка в системе образования. Примечательно, что российская перепись 1989 г., перечисляя народы без своих национально-государственных образований в РФ, выделяет цыган отдельной графой «Национальные группы народов, в основной своей части проживающие за пределами РФ и не имеющие там своей государственности» [Национальный состав населения СССР 1991].

С 1938 г. русский язык вводился в качестве обязательного учебного предмета во всех национальных школах, «с этого момента его зона влияния в национальной школе (а его преподавание начиналось со второго класса) неуклонно расширяется, идет постепенное вытеснение им родных языков — сначала в качестве языков обучения, а затем и в качестве учебных предметов» [Бацын, Кузьмин 1995: 13–14]. Для облегчения восприятия русского языка письменность языков, имевших латинскую основу, еще до войны была переведена на кириллицу. В 1952 г. введены новые учебные планы со значительным увеличением часов на изучение русского языка. С 1950–1960-х гг., при идеологическом руководстве Н. С. Хрущева, происходит переход национальной школы на русский язык обучения. Это выразилось в существенном сокращении использования родных языков как языков обучения в средней школе с середины 1950-х до начала 1970-х гг. У большинства малых народов родной язык к 1970/71 и далее к 1987/88 гг. сохранился как средство обучения только на уровне первых нескольких классов или вообще исчез. Исключение составили народы нескольких союзных и автономных республик: татары, башкиры, грузины и армяне, у которых к развалу СССР образование на родном языке сохранилось в полном объеме средней общеобразовательной школы, а также тувинцы, якуты и казахи, у которых обучение на родном языке велось в 1–7 классах [То же: 16–17]. При проведении этой политики к идеологическим установкам добавляется представление о дороговизне обеспечения обучения на родных языках в ситуации перехода ко всеобщему 8-летнему и далее 10-летнему образованию [То же: 14–15]. С. В. Никитин пишет:

> К середине 1980-х гг. от национальной школы осталось в основном лишь название. Так стали называться школы, в учебном процессе которых в каком-либо объеме использовался родной (не-

русский) язык. В большинстве из них родной язык сохранился лишь в качестве учебного предмета. Из учебных программ школ было почти полностью устранено все, что относилось к национальной культуре, литературе, истории [Никитин 1995: 70].

Образование цыган в 1938–1991 гг.

В результате поворота национальной политики все национальные культурные и образовательные программы были ликвидированы, национально-культурные автономии прекратили свое существование, образовательная программа для цыган и преподавание цыганского языка прерваны. Цыганская письменность стала одной из ликвидированных в 1938 г. [Алпатов 1997: 81–94; Бацын, Кузьмин 1995: 12–13]. В 1938 г. цыганские школы и классы были расформированы и объединены с русскоязычными, откуда бóльшая часть цыганских учеников в дальнейшем была вытеснена. Бóльшая часть цыган, сохранявших мобильный уклад, оказалась не затронутой образованием в этот краткий период.

5 октября 1956 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством» (известный среди цыган как «Указ об оседлости»), а 20 октября 1956 г. принято постановление Совета Министров РСФСР с тем же названием [Хронологическое собрание законов 1959: 616–617]. Советы Министров союзных республик были обязаны принять меры к расселению цыган на постоянное место жительства, к их трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию. Переход цыган к постоянной оседлости сопровождался установлением контроля со стороны местных администраций в том, что касалось любых передвижений цыганских семей (что продолжалось около десяти лет). Кроме того, был установлен строгий контроль за посещаемостью детьми школ [ПМСЦ]. В результате этого средний уровень образования цыганских детей вырос, хотя в основном в пределах начальной школы, реже — до 5–6 класса. Такая ситуация наблюдается и сейчас среди достаточно широких слоев цыганского населения, сохраняющих традиционную культурную модель (см., например [ВРПН 2002; Смирнова-Сеславинская, Цветков 2011а: 43; Торохов, Тороде, Чащихина 2003: 31, 35–36]); при этом социологические данные показывают, что около 80% цыганских детей после 11 лет не посещают школу [Торохов, Тороде, Чащихина

2003: 31, 35–36]. Таким образом, после привлечения детей в школы, в 1960–1980-е гг. у основной массы цыган сложилась модель получения образования, соотносимая с моделью, характерной для крестьянских семей доиндустриальной дореволюционной России, где дети в основном учились грамоте, а 90% из них после 12 лет школу не посещали [Земские подворные переписи 1880–1913 1926][18].

Сложение и воспроизводство этой модели у большой массы цыган обусловлено сохранением в общих чертах традиционной модели социально-экономического встраивания в окружение и трансляции культуры [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2011а: 49–51]. Так, традиционная модель занятости, связанная с частной торговлей, посредничеством, ремеслом, музыкальными выступлениями, веками основывалась на «профессионализации» целой группы на каком-то одном основном виде занятий. При этом передача традиций жизнеобеспечения происходила в рамках родственного коллектива (от старших родственников к младшим), в форме *инкультурации* младших членов в жизнь группы, вне рамок развивающегося у окружения социального института образования. Вплоть до кризиса модели традиционной экономики цыган, начавшейся в результате экономических реформ 1990-х гг. и вытеснения цыган из привычных экономических ниш, умение читать, писать и считать были основной целью посещения школ цыганскими детьми. Низкая мотивация получения среднего образования обусловлена и сегодня стереотипами этнической культуры *устного типа*, что связано с особенностями функционирования коммуникативного пространства в традиционной среде. Эти особенности традиционной культуры сохраняются, в той или иной мере, у очень большой части цыганского населения. Проблемы обучения цыганских детей в школе могли бы быть в значительной степени преодолены, если бы российская система обра-

[18] Конечно, существует и более адаптированный и интегрированный в окружение слой цыган, представители которого получают современные профессии. Но он слишком узок, и развивающаяся в последние 20 лет резкая дифференциация доходов в среде цыган представляет собой дополнительный фактор, осложняющий полноценную социально-экономическую интеграцию и адаптацию большей части цыганского населения.

зования была менее формализована и предоставила возможность адаптации хотя бы начальных ступеней общеобразовательной школы к *родному языку* учащихся и к их *устной языковой модели* (подробнее см. [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2011а: 51–74]. Сейчас в условиях отсутствия адаптивных языковых методик и программ обучения и подготовленных к работе с цыганскими детьми педагогических кадров образовательные проблемы цыганских детей нередко рассматриваются учителями и администрацией школ как медицинские, что в подавляющем большинстве случаев не имеет никакого основания.

В 1970-е гг. была предпринята попытка распространить на цыган опыт «социализации», использованный по отношению к коренным малочисленным народам Севера (КМНС): дети ряда цыганских общин были «добровольно-принудительным» методом оформлены в интернаты, что встретило массовое сопротивление родителей (сведения А. Л. Бугаевой, специалиста по образованию коренных малочисленных народов, в 1970-е гг. работавшей в Министерстве образования РФ начальником Отдела национальных школ и заместителем начальника Главного управления школ РФ)[19].

Издания на цыганских диалектах[20]

С 1938 г. публикации на цыганских диалектах прекратились; новые исследования затормозились почти на тридцать лет. В 1960-1970-х гг. (с периода хрущевской «оттепели») выходит ряд статей о цыганском языке, наиболее заметные авторы которых — Т. В. Вентцель, Л. Мануш, Л. Н. Черенков. Единственным крупным изданием до 1980-1990-х гг. стала монография Т. В. Вентцель по севернорусскому диалекту цыганского языка [Вентцель 1964]. В СССР до 1980-х гг. издания текстов на

[19] Такой подход к воспитанию детей КМНС с долговременным проживанием в интернатах в отрыве от традиционной среды привел к резко негативным последствиям: нарушению связи между поколениями, маргинализации народов без их полноценной интеграции [Бугаева 2009: 116–119]. Сейчас развивается тенденция использования антропологических подходов в моделях и программах образования КМНС.

[20] Подробные библиографические ссылки на цитируемые издания этого раздела представлены в [Сводный список; Смирнова-Сеславинская 2012а].

цыганском языке можно пересчитать по пальцам [Кантя 1970; Ariste 1973]; в этот период они публикуются в основном в зарубежных журналах (П. Аристэ, Л. Мануш, В. И. Санаров, Л. Н. Черенков).

Первым преодолением негласного запрета на цыганоязычные публикации в СССР стал сборник фольклора цыган-кэлдэрарей [Деметер, Деметер 1981]. В середине 1980-х гг. Ленинградское отделение Института языкознания РАН публикует материалы по русскоцыганскому диалекту Ф. А. Елоевой и А. Ю. Русакова, В. Г. Торопов депонирует в ИНИОН РАН материалы по диалекту крымских цыган. В 1990 г. выходит цыганский словарь (кэлдэрарский диалект) Р. С. и П. С. Деметеров. Заметный рост публикаций начался после 1990–1991 гг., с отменой 6-ой статьи Конституции СССР о руководящей роли коммунистической партии и с принятием Конституции 1993 г.

Тенденции языковой образовательной политики в России после 1991 г.[21]

Общие тенденции

В тенденциях пост-тоталитарной образовательной политики рубежа 1980-1990-х гг. выделились три направления:

— постперестроечная советская государственная традиция;
— демократическое видение национальных проблем в контексте целостной образовательной политики России, рассчитанной на переход от тоталитаризма к гражданскому обществу;
— местные инициативы, исходящие зачастую из утилитарного понимания национально-культурных потребностей этноса и регионов и с выразительным вектором возврата к национальным традициям, стремлением прежде всего к этнизации школы [Бацын, Кузьмин 1995: 25][22].

[21] Автор выражает благодарность специалисту в области этнопедагогики проф. А. Л. Бугаевой за консультацию при подготовке этого раздела статьи.

[22] Авторы также отмечают, что в этот период вызрело новое понимание национальной школы «как школы национальной не только по языку обучения, но и по соответствующему содержанию гуманитарного образования, по своим целям в отношении сохранения и трансляции

Развитие второй и третьей тенденций привело к внесению поправок в Конституцию РФ в 1993 г.

В развитии основных тенденций языковой политики, и в частности в образовании, основополагающую роль играют следующие статьи Конституции 1993 г.

Прежде всего, в результате преобразований в сторону симметричного федеративного устройства, полномочия республик, краев, областей, городов федерального значения, автономных областей и автономных округов стали одинаковыми (Ст. 5 п. 4, Ст. 72).

Произошло освобождение публичной сферы и отмена цензуры (Ст. 29, пп. 4, 5).

В соответствии с этим изменилась и языковая политика (Ст. 26 п. 2, Ст. 68, Ст. 69). В указанных статьях провозглашается право выбора языка общения, воспитания, обучения, творчества, право республик устанавливать государственные языки, используемые на их территориях наравне с русским, а статья 69 является гарантом сохранения и развития языков коренных малочисленных народов Севера, в частности, в системе образования.

В 1990-х гг. в рамках российской реформы образования и как ее важнейшая часть началось возрождение и развитие национальных образовательных систем. «Если в 1988 г. в российской школе функционировало 46 национальных языков, то в 1992 г. — 77, и обучение велось на 26 языках» [Днепров 2011а: 106]. Но при этом в результате социальных процессов 1990-х гг., приведших к деградации государственных институтов и ухода государства из социальной сферы, образовательное пространство стало сегментизироваться, что проявилось, в частности, в тенденциях этнизации образования в национальных регионах.

Трансформации, которые, начиная с 1992 г. претерпела федеральная политика в области образования, в целях его модернизации и сохранения единого образовательного пространства, выразились в изменениях Федерального Закона (ФЗ) «Об образовании» (ФЗО). В частности, были введены федеральные госу-

---

своей культуры и воспроизводству определенного типа личности» [Бацын, Кузьмин 1995: 25].

дарственные образовательные стандарты (ФГОС)[23], которые регламентируют и использование в образовании родных языков.

ФГОС первого и второго поколения, регулирующие использование родных языков в образовании, разработаны в законах 2004 и 2007 гг. [ФЗО 1992–2004; ФЗО 2007]. Актуальный ФГОС введен ФЗ № 309 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» от 01.12.2007 г. ФГОС включает два компонента: основной (федеральный) и дополнительный. К последнему относятся языки обучения и изучения. Уточнения, введенные ФЗО № 273 от 21.12.2012 г. (Ст. 14), определяют право на обучение на родном языке и изучение родного языка *в пределах возможностей, предоставляемых системой образования*. При этом языки, используемые в обучении, определяются нормативными актами образовательного учреждения (то есть уставами школ) [ФЗО 2012: Ст. 14]. В свою очередь, уставы школ определяются учредителями образовательных учреждений, которыми в государственных учреждениях образования являются органы федеральной, региональной или муниципальной власти, а в немногочисленных частных школах — негосударственные организации и физические лица [ФЗ 2007: Ст. 6][24].

[23] Стандартизация образования — глобальная тенденция, проявляющаяся во всех ведущих странах начиная с 1980–1990-х гг. Структура Российских государственных образовательных стандартов определяется Законом об образовании РФ. Они содержат нормы и требования, определяющие обязательный минимум содержания основных образовательных программ общего образования, максимальный объем учебной нагрузки обучающихся, уровень подготовки выпускников образовательных учреждений, а также основные требования к обеспечению образовательного процесса. Нормы использования родного языка (в качестве языка обучения или же предмета обучения) прописаны в примерных образовательных программах разных ступеней общего образования и в соответствующих базисных учебных планах (БУП).

[24] Как показано в исследовании «министра-реформатора» 1990-х гг. Э. Д. Днепрова, определенные тенденции российской образовательной политики имеют давнюю традицию. Ср., например, пункты 3 и 4 ([ФЗ 2012: Ст. 5, п. 3] и [ФЗО 2012: Ст. 14]) с принципами школьного управления, установленными в ходе школьной реформы 1860-х гг.: «В школьном деле, как и в других областях жизни, самодержавие при

ФЗ от 2012 г. уточняет, что полномочиями по финансовому обеспечению данных обязательств наделяются органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов [ФЗ 2012: Ст. 5, п. 3].

Использование родных языков в образовании: нормы и практика

Законодательство РФ гарантирует использование *любого родного языка* в образовании. В настоящее время в целом использование родных языков в образовании регламентируется рядом документов, такими, как Конституция РФ, Закон РФ «Об образовании», Закон РФ «О языках народов Российской Федерации», ФГОС, базисными учебными планами (БУП).

Соответственно законодательству, ряд родных языков функционируют и в качестве региональных *государственных* [Конституция 1993: Ст. 68, п. 2], что позволяет им использоваться в публичной сфере соответствующих субъектов РФ. Самый высокий статус у русского языка, который является государственным языком на территории всей Российской Федерации и преимущественно используется во всех коммуникативных сферах. *При этом доступ к ресурсам для развития коммуникативной сферы на языке на деле является основным фактором, который обусловливает неравенство языков и в образовательной сфере.* Таким образом, реальная языковая политика в образовании в отношении конкретных языков продолжает определяться все теми же двумя одинаково значимыми факторами:

1) наличием у носителей языка национальной территории в статусе субъекта федерации и доступом к ресурсам;

2) демографической и коммуникативной мощностью языка.

проведении реформ постаралось сохранить максимум своего влияния. Точно так же как фиктивным было объявленное судебной реформой отделение судебной власти от административной, фиктивным было и провозглашенное школьными уставами отделение административной власти от школьного руководства: училищные советы, на которые Положение о начальных народных училищах 1864 г. возлагало задачу материального обеспечения народных школ и задачу руководства их учебной деятельностью, тем же положением были фактически поставлены в полную зависимость от местной администрации» [Днепров 2011а: 126].

Поэтому реальные механизмы финансирования и наибольшие гарантии использования в образовании, после русского языка, имеют только региональные языки в статусе региональных государственных, такие, как татарский, башкирский, чувашский, коми и др. Определенные гарантии есть у языков коренных малочисленных народов севера, права которых оговорены отдельной статьей Конституции РФ [Конституция 1993: Ст. 69].

Некоторым диаспорам, национальные территории которых находятся за пределами России, а также общинам мигрантов из автономных республик в период с 1990-х гг. удалось организовать в крупных городах России классы или даже учебные заведения с этническим компонентом. Они курировались соответствующими землячествами, в частности, грузинским, армянским, латышским, и др. После внесения изменений в Закон об образовании в 2007–2012 гг. большинство этих коллективов перестали быть частью официальной системы образования; некоторые из них сохранились в качестве культурных центров соответствующих общин, перейдя на их финансирование. Школьные программы с этнокультурным компонентом в школах сократились, преимущественно сохраняясь на территориях автономий и титульных народов, где этнокультурный компонент сейчас в основном связан с использованием, в той или иной мере, родного языка[25].

[25] В 1990 г. в Москве был создан уникальный поликультурный Учебно-воспитательный комплекс национальных культур № 1650 с углубленным изучением языков и истории различных народов, под руководством О. В. Аракелян, в котором в 1990-х гг. некоторое время существовал и цыганский класс под руководством В. П. Деметера. К настоящему времени в этой школе (Государственном бюджетном образовательном учреждении города Москвы средней общеобразовательной школе с этнокультурным (национальным) компонентом образования № 1650) классы с использованием языков народов России и стран ближнего зарубежья (республик бывшего СССР) больше не функционируют. В соответствии с учебным планом на 2012/2013 гг., в качестве дополнительных специальных курсов заявлены: курс этнологии (в средней и старшей школе), курс «Все мы разные, но вместе — сила» (внеурочная деятельность в начальной школе), курсы русского языка как иностранного и неродного, и деятельность творческого объединения «Сценическое отражение культуры армянского народа» для детей 7–9 и 10–13 лет [ГБОУ СОШ 1650, http://www.schoolofelia.com/main.php

Некоторая часть общества разделяет националистические взгляды на проблему поликультурного образования, в том числе на школьное двуязычие. Сторонники этих взглядов понимают политику укрепления позиций русского языка и защиты российской государственности в контексте подавления всего нерусского, вплоть до полного изгнания национальных языков из системы общего образования. Эта тенденция является проявлением реакции на распад СССР, ослабление позиций России и русского языка на постсоветском пространстве, а в последние годы — и как реакция на рост в центральные части России миграционного потока с Кавказа и из Средней Азии.

Цыганский язык в образовании после 1991 г.

Цыганский язык в общеобразовательных учреждениях

Вопросы методической организации образования с использованием цыганского языка в общеобразовательных учреждениях решать непросто в силу ряда объективных и субъективных причин. Прежде всего, государственный образовательный стандарт предусматривает использование родного языка как предмета изучения или же как средства обучения. Второе было бы крайне желательно в течение нескольких лет начальной школы для тех детей, которые плохо знают русский язык (обычная ситуация в зонах компактных поселений). Но этого не позволяет почти полное отсутствие педагогических кадров со знанием цыганского языка и корпуса программ и пособий. В этой ситуации учащимся и учителям значительно помогло бы использование цыганского языка *как вспомогательного средства при обучении* (подробнее об этом см. [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2011б]). Цыганский язык используется в этом качестве в значительной части разработок сотрудников ФГАУ ФИРО, пособиях сотрудников организации АДЦ «Мемориал», а также некоторыми учителями, составляющими «вспомогательные» цыганские азбуки и цыганско-русские словари для коммуникации и помощи в обучении детям. В то же время, в ситуации формализации и даже бюрократизации российского образования в последние годы использо-

?sec=16: Учебный план 2012/2013, Учебный план дополнительного образования].

вание пособий (на цыганском языке или двуязычных) может рассматриваться как нарушение образовательного стандарта. Поэтому разработчики могут предлагать только пособия и справочники для повышения квалификации и самостоятельной работы учителя, пособия для дополнительного и неформального обучения учащихся, а также для менее формализованного дошкольного обучения[26].

Ныне существующие нормативные основы использования цыганского языка в общеобразовательных учреждениях сформулированы в «Ответе на обращения учителей и родителей…», составленном сотрудниками ФГАУ «Федеральный институт развития образования» М. В. Сеславинской и Х. Т. Загладиной (опубликован в [Смирнова-Сеславинская 2012б: 54–55; Научный сайт: http://kulturom.ru/publicatios_of_education.html]). В числе прочего закон определяет, что для введения программ с использованием цыганского языка должны быть сформированы группы учащихся с соответствующим родным языком (что обеспечивается за счет федерации или субъекта)[27].

[26] По сведениям АДЦ «Мемориал» за 2009–2010 гг., руководства только 10–15% школ с цыганскими учащимися согласились участвовать в проектах по совершенствованию обучения цыган. Хотя за последние несколько лет в результате взаимодействия общественных организаций с руководством школ в некоторых из них наблюдаются положительные тенденции в организации обучения цыганских детей и некоторое улучшение качества их образования, все же этого недостаточно. Для кардинального улучшения ситуации требуются общие усилия цыганских общин, местных и школьных администраций, а также помощь государства в виде целевых проектов Минобразования.

[27] Формирование цыганоязычных групп учащихся в общеобразовательной школе (при получении основного и дополнительного образования) для языкового обучения возможно преимущественно в зонах компактных поселений, где высока локальная плотность цыганского населения. В крупных городах такие коллективы реально создавать как группы дополнительного образования при цыганских культурных и общественных организациях. В то же время в ситуации сокращения финансирования образования и передачи социальных обязательств государства в регионы, организация групп цыганских учащихся для изучения русского языка или же некоторых предметов начальной школы и

С одной стороны, учителя школ имеют право выбора пособий из числа рекомендованных Минобразования и разработки собственных программ [ФЗО 2012; Ст. 12, пп. 5–7, 9, 12]. С другой стороны, в условиях бюрократизации школьного образования, разработанные по инициативе самих учителей *вспомогательные* двуязычные пособия, предназначенные для *дополнительного* использования при освоении общеобразовательных программ, трудно легализовать[28]. Так, известен случай, когда разработанная учителями начальная азбука для цыган на родном языке, облегчающая условия их обучения грамоте, и поддержанная руководством школы, была запрещена Департаментом образования (по сведениям О. А. Абраменко). Но и имеющие гриф пособия и программы могут быть не приняты к использованию учебным заведением, если его учредители сочтут использование двуязычного подхода в обучении цыганских детей ненужным — ситуация, скорее типичная для межкультурных отношений в образовании цыган.

Сокращение финансирования образования и придание коммерческих функций учреждениям социальной сферы [ФЗ 2010] не способствуют решению проблемы получения полноценного образования цыганскими детьми, в частности потому, что лишает цыганские семьи стимулов и гарантий получения образования.

Исследования цыганского языка[29]

Отмена цензурных ограничений в 1990-е гг. стимулировала оживление исследований цыганского языка: в 1990–2000-е гг. заметен рост публикаций, в том числе описаний диалектов, текстов, пособий, грамматик; появляются несколько диссертаций. Ав-

---

дошкольной подготовки с использованием цыганского языка за счет бюджетных средств практически нереализуема.

[28] Новые пособия, предлагаемые к использованию, должны проходить экспертизу в организациях и институтах Министерства образования, получать рекомендации органа управления образованием и соответствующий гриф департамента образования. Они должны печататься в типографиях, входящих в специальный список Минобразования.

[29] Подробные библиографические ссылки на цитируемые издания этого раздела представлены в [Сводный список; Смирнова-Сеславинская 2012а]. Публикации по цыганскому языку, связанные с образовательными проектами, представлены в Приложении.

торы публикаций этого периода — О. А. Абраменко, Л. Мануш, Д. Махотин, А. Ю. Русаков и Ф. А. Елоева, В. Г. Торопов, Г. Н. Цветков и М. В. Сеславинская, Л. Н. Черенков, В. В. Шаповал. В последние годы появился ряд новых фамилий: К. А. Кожанов, С. А. Оскольская, М. В. Ослон, Н. В. Перкова. Более 10 лет действует сайт «Лилоро» с публикациями исследований цыганского языка и источников [Liloro: http://liloro.ru], с 2010 г. — сайт цыгановедческих исследований [Научный сайт: http://kulturom.ru]. Финансирование публикаций происходит из разных источников: за счет грантов зарубежных фондов, самих авторов, две публикации — за счет целевых средств московской мэрии и российской автономной некоммерческой организации. Исследования в большинстве случаев проводятся за счет авторов, за отдельными исключениями — за счет грантов, как, например, проведение полевых работ М. В. Ослона за счет гранта Фонда фундаментальных лингвистических исследований.

Разработки алфавитов и принципов орфографии цыганских диалектов

В связи с ростом количества публикаций на цыганском языке и с необходимостью создания пособий для начальной школы на родном языке назрела необходимость разработки общих принципов алфавита и подходов к орфографии для цыганских диалектов[30]. Эта проблема вызвала оживленные дискуссии на Рабочем совещании по цыганскому языку, прошедшем 5 октября 2012 г. в Институте лингвистических исследований РАН, и дальнейшие обсуждения в интернет-пространстве. В настоящий период проблемой алфавитов и орфографии занимаются О. А. Абраменко, К. А. Кожанов, М. В. Ослон, В. Г. Торопов и В. Б. Гумероглый, М. В. Сеславинская и Г. Н. Цветков[31]. Предлагаются разные варианты алфавитов, в том числе экспериментальные.

[30] Имеющиеся в настоящее время публикации на цыганском языке отражают различные взгляды разных авторов на эту проблему, нередко даже в пределах одного диалекта.

[31] Позиции вышеназванных авторов на эту тему представлены в их публикациях (включая настоящий сборник) и изданных ими пособиях, содержащих тексты на цыганских диалектах. На настоящий момент подробная разработка алфавита сделана для диалекта крымских

Государственные и общественные тенденции и инициативы в области образования цыган

В связи с усложнением общественной жизни в стране, ликвидацией монополии государства на функционирование публичной сферы, расширением прав общественных организаций в области культурной и образовательной деятельности, стали развиваться различные тенденции и инициативы в сфере образования цыган. Наиболее заметные из них представлены ниже, в соответствии с субъектами деятельности в сфере образования.

Деятельность цыганских организаций и общин. Некоторые местные цыганские общественные организации РФ создают группы дополнительного обучения. Одна из первых групп языкового обучения цыган (правда, без методико-педагогического обеспечения) была организована в начале 1990-х гг. при детском вокально-хореографическом ансамбле «Гилори», организованном в 1987 г., которым руководил В. П. Деметер [ПМС]. В 1990-х гг. коллектив несколько лет существовал как класс в составе московской межнациональной школы № 1650, где в программу были включены занятия рисованием (преподаватель — Т. Р. Деметер), был приглашен учитель русского языка для обучения русской грамоте (для дошкольников и неграмотных). Л. Н. Черенков вел занятия по обучению письменности на цыганском языке, основам цыганской диалектологии (для всех желающих). К сожалению, из-за недостаточного внимания руководства школы 1650 к проблемам межнациональных отношений через несколько лет цыганский класс перешел в Центр творчества детей и юношества «Сокол» [ПМС]. К 2000 г. коллектив представлял собой музыкальный ансамбль с группой обучения русской грамоте, а через некоторое время в нем сохранилось только обучение танцу и музыке для детей и подростков. В. П. Деметер явился организатором журнала «Шунэн, ромалэ» («Слушайте, цыгане!»), несколько выпусков которого появились в 1997 г. – начале 2000-х гг. Журнал содержал раздел на цыганском языке с текстами, загадками, пословицами.

цыган В. Г. Тороповым и В. Б. Гумероглым [Торопов, Гумероглый, настоящий сборник].

В 2003 г. цыганская организация г. Екатеринбурга «Рома-Урал» осуществила проект по социологическому исследованию цыган Екатеринбурга и области, составной частью которого стало исследование положения в области образования цыган, содержащее данные о характере проблем в языковом обучении [Торохов, Тороде, Чащихина 2003].

В 2004 г. Межрегиональная общественная организация «Союз цыганских общественных организаций» в рамках Международного цыганского фестиваля в Москве и при поддержке мэрии г. Москвы провела две международных конференции:

1) «Социокультурная специфика образования цыган в российской системе образования и подготовка научно-педагогических кадров», Москва, 23.03.2004 г.

2) «Философско-культурологические проблемы современной ромологии», Москва, 22.03.2004 г.

В 2006 г. эта организация представила в Министерство регионального развития РФ план развития образования для цыган России; по ее инициативе и при поддержке государственных структур с 2007 г. были возобновлены исследования и разработки в области образования цыган в системе Министерства образования — в ФГАУ «Федеральный институт развития образования». В 2010 г. «Союз» оказал помощь специалистам ФГАУ ФИРО (см. далее) и Российскому центру исследований цыганской культуры[32] в создании научного цыгановедческого сайта с электронной библиотекой современных исследований и источников [Научный сайт]. Часть страниц сайта посвящены образованию цыган и цыганскому языку.

Известны инициативы местных цыганских общин в организации «цыганских» начальных школ на территории локальных поселений там, где имевшиеся школы находились на большом удалении от поселка. Эти инициативы, как правило, возглавляют уважаемые люди общины, нередко это бизнесмены, делающие пожертвования на устройство школы. Так были, например, организованы школы в поселках цыган-кэлдэрарей в пос. Чудово Новгородской области [Подходы 2011; ПМСЦ: Образование], в

[32] Основу коллектива этого центра составили разработчики цыгановедческой проблематики в ФГАУ ФИРО.

пос. Плеханово Тульской области [Ковач, Ослон 2012]. Некоторые другие такие классы созданы с помощью цыганских общественных организаций, например, в Самарской, Ростовской областях [Бугай 2012: 219]. Есть пример создания факультативных классов с этнокультурным компонентом (изучение цыганского языка и культуры) в некоторых школах и культурных центрах Волгоградской области, которые курирует межрегиональная общественная организация по Южному федеральному округу «Ассоциация цыган» (Волгоград) [Бугай 2012: 221–222, 226]. Финансирование факультатива обеспечивается за счет средств руководителя организации [«Цыганский президент» 2002].

Деятельность АДЦ «Мемориал». Регулярные проекты по образованию цыган с 2000-х гг. в г. Санкт-Петербурге осуществляет Антидискриминационный центр «Мемориал»[33]. Это, в частности, проведение этносоциологического исследования поселений цыган-кэлдэрарей, включая исследование проблем образования детей из компактных поселений [Абраменко 2009]. В числе проектов, основными координаторами которых являются О. А. Абраменко и С. Б. Кулаева, — проведение семинаров по обмену опытом учителей, обучающих цыган в школах, оказание им методической помощи, консультации психолога, помощь в получении международных стипендий для цыганских студентов. Центр издал несколько пособий, в том числе языковых, которые могут использоваться как вспомогательные пособия в школе, а также при получении дополнительного и неформального образования, несколько книжек для дополнительного чтения на цыганском языке (Приложение). В качестве удачного результата совместной деятельности организации и цыганских общин необходимо упомянуть деятельность жителя цыганского поселка г. Чудово Новгородской области, студента Новгородского государственного университета С. В. Янополя, который перевел на родной кэлдэрарский диалект цыганского языка сказки (см. Приложение) и ведет занятия с дошкольниками на цыганском языке. На сайте организации можно увидеть электронные версии пособий,

[33] С 2007 г. АДЦ «Мемориал» продолжил проекты, ориентированные на цыган, которые ранее (с 2001 по 2007 гг.) развивались как отдельное направление в СПб ОО «Мемориал».

публикации по проблемам образования цыган [АДЦ]. Проекты центра финансируются из благотворительных зарубежных фондов.

Инициатива сотрудников системы образования. Время от времени инициаторами совершенствования программ образования цыган (начального, иногда — дошкольного или дополнительного) становятся учителя [Ханова 2013; Шкуренок 2009; Яковлева 2012]. При отсутствии у цыганских детей подготовки к школе учителя, как правило, совмещают приемы дошкольного развивающего обучения и обучения грамоте. В некоторых случаях, когда в школе обучается много цыганских детей, учителя сами изучают цыганский язык [Конюхова 2012]. Отмечены редкие случаи создания учителями, при помощи старших школьников и родителей, пособий на цыганском языке — азбуки с несложными текстами, словаря [Шкуренок 2009; Яковлева 2012]. К сожалению, как отмечалось выше, далеко не всегда администрации школ поддерживают эти инициативы.

Инициатива местных администраций. В качестве редких социальных проектов, инициированных руководством субъектов РФ, можно назвать исследования народов Прикамья, и в том числе местного цыганского населения, осуществленные при поддержке администрации Пермского края. Группа исследователей под руководством социального антрополога А. В. Черных (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет) находится в постоянном контакте с местными цыганскими общинами, реализует проекты в области образования цыган (по информации А. В. Черных).

Исследования и разработки в системе Министерства науки и образования. Как было упомянуто выше, с 2007 г. в Федеральном институте развития образования была возобновлена на государственном уровне разработка проблематики образования цыган, в чем большую роль сыграла инициатива межрегионального «Союза цыганских общественных организаций». В основе группы исследователей — Г. Н. Цветков и М. В. Сеславинская, привлеченные участники — методист, разработчик инновационного метода структурирования информационного поля языка Т. Ю. Березовская, консультанты и редакторы — специалист по

образованию и социализации малых народов России А. Л. Бугаева, историк и социолингвист А. А. Бурыкин.

К 2011 г. авторы опубликовали «Концепцию образовательных программ с этнокультурной составляющей и моделей образования для общеобразовательных учреждений с учащимися — этническими цыганами», разработанную на основе анализа особенностей культурной модели цыган и культурной и языковой специфики цыган в образовании. **Разработка указанной «Концепции»**, в которой сформулированы принципы «встраивания» традиционных слоев цыганского населения в систему образования, **представляет собой важнейшую часть процесса «легализации» цыганского языка в современной системе образования, в рамках российского законодательства и федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС).** В рамках этого же процесса легализации использования дополнительных двуязычных пособий при освоении цыганскими детьми общеобразовательных программ на русском языке введено понятие *вспомогательного языка* как отдельного учебно-педагогического статуса в системе образования, что актуально и для других младописьменных и устных языков [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2011б].

Авторы издали сборник материалов для учителей школ «Межкультурная русско-цыганская коммуникация», в составе которого — грамматика цыганского языка (на основе диалекта ловарей), двуязычные школьные словари и школьные диалоги (русский язык, ловарский и кэлдэрарский диалекты), культурологический словарь и другие пособия. Готовится к печати экспериментальный «Цыганско-русский словарь языковедческой терминологии» (список опубликованных работ см. в Приложении). Составлен сборник двуязычных текстов для дополнительного чтения (русский язык, русскоцыганский и ловарский диалекты), вариант сводного алфавита цыганского языка. Специальные страницы научного цыгановедческого сайта посвящены образованию цыган и цыганскому языку [Научный сайт].

Это единственные исследования и разработки в сфере образования цыган, проведенные за счет средств бюджета.

Есть отдельные проекты государственных научных организаций, посвященные исследованию положения образования

цыган, правда, не содержащие лингвистической направленности. Это, в частности, социологическое исследование образования цыган г. Томска, проведенное в рамках проекта Томского госуниверситета «Диалог. Комплекс мероприятий, способствующих интеграции томских цыган в местное сообщество» [Проект Диалог 2003]. Сюда же можно также отнести и вышеупомянутые проекты А. В. Черных из Перми, осуществляемые с коллегами из Института истории и археологии Уральского отделения РАН и Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Отношение представителей государственных институций к проблеме языкового образования цыган. Среди сотрудников государственной системы образования, региональных и местных органов власти, которые являются учредителями большинства общеобразовательных школ, представлены сторонники различных политических направлений и взглядов на национальный компонент в образовании. Их позиции оказывают влияние на трактовку ими законодательства и на принятие ими решений в соответствующих ситуациях на уровне их должностных полномочий. Так, разноречивость трактовки правоприменения норм, гарантирующих использование родного языка в образовании, в отношении цыган проявлялась все 1990–2000-е гг. Она проявляется и сейчас на уровне конкретных решений сотрудников разных звеньев системы образования, руководства общеобразовательных учреждений. Эта ситуация обусловлена *отсутствием реальных механизмов реализации указанных норм закона* для народов, не имеющих собственных национально-территориальных образований, не представляющих национальное большинство в субъекте РФ, и соответственно, не имеющих доступа к ресурсам. В условиях неразвитости институтов гражданского общества передача части полномочий в сфере реализации языковой образовательной политики на местный уровень (субъекта федерации, местной администрации и образовательного учреждения) не препятствует, а нередко даже способствует дискриминации носителей цыганского языка в образовании.

Комплексный план мероприятий по социально-экономическому и этнокультурному развитию российских цыган. К 2012–2013 гг., в результате ухудшающегося социального

положения цыган и развития негативных тенденций в этнической среде, и отвечая на регулярные обращения общественных организаций, руководство РФ обратило внимание на проблему социокультурного развития цыган. Разработан «Комплексный план мероприятий по социально-экономическому и этнокультурному развитию российских цыган», который утвержден за подписью Д. Н. Козака 31 января 2013 г. на заседании Межведомственной рабочей группы по вопросам межнациональных отношений при Президенте РФ. Как заявил источник в правительстве, комментируя эту новость для интернет-издания РБК, это единственная в России «комплексная программа этнической направленности. ⟨…⟩ По другим этносам такой нет. Цыгане — особенная, брошенная на произвол судьбы и нуждающаяся в заботе государства народность» [РБК. 20.02.2013].

В то же время, под проекты, реализация которых предусмотрена за счет субъектов федерации, пока не выделены конкретные средства. Политолог Р. Туровский так комментирует проблемы реализации плана: «…проблема состоит в том, что у цыган нет территорий компактного проживания, помощь невозможно привязать к регионам и обеспечить софинансирование со стороны органов региональной власти» [Цыган интегрируют 2012].

Потребностям этносоциокультурного развития цыган в рамках системы образования в этом плане посвящен только один небольшой проект Минобразования, который, разумеется, не может рассматриваться как достаточный. Это хорошо понимают и специалисты по этнокультурным аспектам образования в Минобразования. В частности, представитель министерства в ходе обсуждения данной проблемы, состоявшегося с автором данной статьи и ее коллегами 20.02.2013 г., высказался о необходимости долговременной разработки языковых программ для цыганских учащихся через госзадания Минобразования, то есть в рамках регулярного бюджетного финансирования.

В рамках реализации Комплексного плана 21.07.2013 г. в Москве состоялся Круглый стол «Актуальные вопросы социокультурного развития цыган в России» (организаторы — Департамент государственной политики Российской Федерации в сфере межнациональных отношений и Российский институт культурологии). В мероприятии приняли участие специалисты в

области образования малых народов России, разработчики проектов образования для цыган из ФГАУ ФИРО и АДЦ «Мемориал», руководство ФНКА цыган, эксперты по межнациональным отношениям и представитель Минобразования. Был озвучен ряд проблем образования цыган, решения для которых пока не предложены. Во-первых, при подготовке Комплексного плана не был утвержден проект по дошкольному обучению детей. А между тем, раннее обучение, в том числе языковое, и подготовка к школе — базовые составляющие успешной школьной интеграции детей малых народов, закладывающие основу их качественного среднего образования. Во-вторых, для детей с недостаточным знанием русского языка необходимо организовывать его изучение в малокомплектных группах в рамках основного образования или в группах дополнительного обучения, что требует отдельного финансирования. Бюджет, однако, не предусматривает эти траты, и решение этого вопроса, как частной образовательной проблемы, находится в компетенции местных властей, что вряд ли ускорит ее решение в условиях постоянного сокращения финансирования российских школ[34].

Таким образом, в значительной степени роль «Комплексного плана» состоит в публичной демонстрации внимания государства к потребностям этносоциокультурного развития цыганского населения, «лоббировании» его интересов в российских ведомствах, что сделано впервые после 1930-х гг. Конечно, возникают вопросы о механизмах его реализации. Важно и то, как будет проводиться политика в отношении интеграции цыган и их этносоциокультурного развития после его окончания.

Заключение

Несмотря на кажущуюся противоречивость государственной языковой образовательной политики России в разные периоды ее истории, прослеживается преемственность различных ее этапов, связанная с общими тенденциями во внутренней нацио-

[34] Это также указывает на необходимость скорейшего решение проблемы с разработками алфавитов и основных принципов орфографии для основных диалектов цыганского языка, что позволит официально «легализовать» цыганский язык в системе российского образования.

нальной политике. Так, сильные унитаристские тенденции, сформулированные при самодержавии и доминировавшие на протяжении XIX в. и почти всего XX в., в узловые периоды истории ослабевали, и происходило движение в сторону федерализма — очередной виток мы наблюдали последние двадцать лет. Именно в эти периоды развивались национальные традиции общеобразовательной школы в регионах, были заложены основы национальной школы в СССР как части российской общеобразовательной школы. Хочется верить, что сегодняшний этап развития национальных отношений, удержав их как от центробежных, так и от центростремительных тенденций, переведет в новое качество и национальные отношения в сфере образования, сделав их постоянной составляющей общероссийского образования.

Произошедшие за последние два десятилетия перемены в сторону демократизации публичной сферы привели к оживлению исследований и разработок в области языка и образования цыган. При этом развивающаяся инициатива участников образовательного и научного процесса стабильно опережала изменения, происходящие в отношении к этой проблеме и со стороны макрообщества, и со стороны части управленцев. В этом смысле озвученный правительством «Комплексный план» — явный шаг в сторону согласования интересов различных частей полинационального общества.

Подытоживая тенденции использования родного языка в образовании цыган за последние двадцать лет, можно сказать следующее. Учитывая необходимость повышения качества образования детей, цыганский язык в программах общеобразовательной школы может и должен играть роль *языка обучения* на начальном этапе получения образования или же *вспомогательного средства обучения* [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2011б]. Последнее очень актуально при фактическом отсутствии корпуса учителей — носителей цыганского языка, и подразумевает использование соответствующих двуязычных пособий. В то же время, легальное использование дополнительных пособий, облегчающих коммуникацию учителя с ребенком при обучении по программам общего образования, затруднено в условиях формализации российского образования в последние годы.

Что касается изучения цыганского языка *как предмета* в рамках общеобразовательной школы — это требует разработки программ в рамках ФГОС с учетом многодиалектности цыганского языка в России. При этом многие цыганские семьи, осознающие важность образования для своих детей, заинтересованы, прежде всего, в повышении качества владения детьми *русским языком*, как основного средства получения качественного образования [Бугай 2012: 224; ПМСЦ: Образование], что в некоторых школах вызывает увеличение количества учебных часов именно для этого предмета.

Учитывая сказанное, внедрение появляющихся двуязычных и цыганоязычных пособий, где бы они ни разрабатывались, легче происходит в сфере дополнительного образования, проектной деятельности и иных *неформализованных* инициатив.

В развитии родного языка, двуязычного образования и социокультурной сферы должна повышаться роль цыганских общин и общественных организаций как наиболее заинтересованных участников этого процесса. Но важнейшее условие в развитии школьного (то есть *институционального*) образования цыганских детей — внимание к этой проблеме местных администраций и управлений образованием, руководства школ, что в условиях единства образовательного пространства в значительной степени определяется позицией Министерства образования как основного органа планирования и проведения государственной образовательной политики. В центре этой политики должен стоять ребенок, для которого методически полноценно обеспеченное двуязычие должно стать *преимуществом*, предоставляя импульс развития в двух культурных и языковых системах.

Литература и источники

Абраменко О. А. (2009). *Проблема доступа к образованию детей — жителей компактных цыганских поселений*. Доклад, сделанный на Научно-практическом семинаре для преподавателей общеобразовательных учреждений с учащимися этническими цыганами. Москва. 7.04.2009. (http://kulturom.ru/publicatios_of_education.html).

Абраменко О. А., Кулаева С. Б. (2004). *История и культура цыган*. Санкт-Петербург.

АДЦ — Сайт *Антидискриминационного центра «Мемориал»* (http://adc memorial.org).

Алпатов В. М. (1997). *150 языков и политика*: *1917–1997*. Москва: ИВ РАН.

Баранников А. П. (1931). *Цыганы СССР. Краткий историко-этнографический очерк*. Москва: Центриздат.

Бацын В. К., Кузьмин М. Н. (1995). Национальные проблемы образования в Российской Федерации // *Школа и мир культуры этносов* 2, 5–30.

Белодед А. Ю. (2009). Статус территориальных автономий в Российской Империи // *Евразийский юридический журнал* 2. (http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3890:2013-02-05-05-37-05&catid=184:2010-12-13-11-50-40).

Бугаева А. Л. (2009). *Традиционная педагогическая культура коренных малочисленных народов Севера*. Москва: Издательский дом КлинВест.

Бугай Н. Ф. (2012). *Цыгане России: общество, адаптация, консенсус (1900–2010)*. Москва: Кучково поле.

Вентцель Т. В. (1936). *Лылвари пиро романы чиб. Ваш набутлылварэнгири школа*. Москва: Учпедгиз.

ВРПН 2002 — *Всероссийская перепись населения 2002 г.* Т. 4. Образование. Население отдельных национальностей по уровню образования по субъектам РФ. (www.perepis2002.ru).

Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года. Т. I–II. Москва: Государственное планово-хозяйственное издательство.

ГБОУ СОШ 1650 — Сайт *Первой поликультурной школы 1650* Центрального окружного управления образования Департамента образования города Москвы, Нормативные документы. (http://www.schoolofelia.com/main.php?sec=16).

Герман А. В. (1931). *Цыгане вчера и сегодня*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство.

Григорьев М. (1851). *Формы и словарь цыганского языка*. Рукопись, хранящаяся в архиве Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.

Деметер Р. С., Деметер П. С. (1981). *Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей*. М.: Наука.

Деметер Р. С., Деметер П. С. (1990). *Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)* / Под ред. Л. Н. Черенкова. Москва: Русский язык.

Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. (2000). *История цыган — новый взгляд*. Воронеж: ИПФ Воронеж.

Днепров Э. Д. (2011а). *Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки*. Москва: Мариос.

Днепров Э. Д. (2011б). *Российское образование в XIX — начале XX века*. Т. 1. Политическая история российского образования. Москва: Мариос.

Добровольский В. Н. (1908). *Киселевские цыганы*. В. 1. Цыганские тексты. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Друц Е. А., Гесслер А. Н. (1990). *Цыгане*. Москва: Советский писатель.

Дударова Н. А. (1932). *Амари Буты* (букварё). Москва.

Дякин В. С. (1998). *Национальный вопрос во внутренней политике царизма* (XIX — начало XX вв.). Санкт-Петербург: ЛИСС.

Журнал междуведомственного совещания по вопросу о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением // *РГИА*. ф. 1022, оп. 1, д. 28, л. 1–187.

Закон РФ «*О языках народов Российской Федерации*» от 25 октября 1991 г. (в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ).

Зеленин Д. К. (1902). Н. И. Ильминский и просвещение инородцев (к 10-летию со дня смерти 27.XII.1901 г.) // *Русская школа* 2.

Земские подворные переписи 1880–1813: Поуездные итоги (1926). Москва: ЦСУ СССР.

ЗО 1992 — Закон РФ «*Об образовании*» от 10.07.1992 № 3266-1. (http://www.consultant.ru/popular/edu/43_1.html).

Зуев В. (1787). *Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году*. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Ильминский Н. И. (1861). *Самоучитель русской грамоты для киргизов*. Казань: Университетская типография.

Ильминский Н. И. (1883). *Из переписки по поводу применения русского алфавита к инородческим языкам*. Казань: Типография Университета.

Ильминский Н. И. (1913). *О системе просвещения инородцев и о Казанской крещено-татарской школе*. Казань: П. В. Щетинкин.

Истомин П. (Патканов). (1900). *Цыганский язык. Грамматика и руководство к практическому изучению речи современных русских цыган*. Москва: Русское товарищество печатного и издательского дела».

История Советской Конституции. Сборник документов 1917–1957 (1957). / Отв. ред. Гайдуков Д. А., Коток В. Ф., Ронин С. Л. Москва: Издательство АН СССР.

Калинин В., Подлипский А. (2005). Из России в СССР // Калинин В. *Загадка балтийских цыган*. Минск: Логвинов, 35–80.

Кантя Г. В. (1970). *Фолклорос романо*. Кишинев: Картя молдовеняскэ.

Кеппен П. (1861). Цыганы // *Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России.* Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 480–487.

Ковач Е., Ослон М. Маленькая Индия под Тулой // *Молодой коммунар*. 15.06.2012. (http://mk.tula.ru/articles/a/16962/index.php?month=05&year=2012).

Конституция РФ. (1993). Принята 12.12.1993. (http://www.consultant.ru/popular/cons/1_3.html#p382).

Конюхова К. Табор школе не помеха // *Московский Комсомолец* № 26045 от 19 сентября 2012 г. (http://www.mk.ru/social/article/2012/09/18/750087-tabor-shkole-ne-pomeha.html).

Махотина И. Ю. *Диалект русских цыган в источнике 1827 года*. Настоящий сборник.

Научный сайт «*Российский центр исследований цыганской культуры*». (http://www.kulturom.ru).

Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. (1991). Москва: Финансы и статистика.

Никитин С. В. (1995). Проблемы образования в программных документах современных национальных движений // *Школа и мир культуры этносов*. 2, 65–85.

Об изменении правил о начальных училищах для восточных и юго-восточных народов // РГИА. ф. 1276, оп. 4, д. 662.

Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / Под ред. Н. А.Тройницкого. Т. I. Санкт-Петербург: Паровая типолитография Н. Л. Ныркина, 1905. — XXII, 268, 89 с. // Демоскоп. Сайт Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». (http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_97.php).

Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. II. Санкт-Петербург: Паровая типолитография Н. Л. Ныркина, 1905. — LIX, 417 с.

Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и др. инородческие языки в начале текущего столетия (1883). / Сост. и автор предисловия Н. Ильминский. Казань: Типография Университета.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917–1941 гг. (1980). Москва.

Панково Н. А. (1934). *Букварё. Ваш налылварэ манушэнгэ*. Москва.

Патканов К. П. (1887). *Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган Боша и Карачи*. Санкт-Петербург Типография Императорской Академии Наук.

ПВПН (1897). — *Первая всеобщая перепись населения 1897 г.* Санкт-Петербург: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Т. V. Витебская губерния. Тетрадь 3 (последняя), 1903. Т. XI. Гродненская губерния, 1904. Т. XII. Область Войска Донского, 1905. Т. LXV. Кубанская область, 1905. Т. LXXV. Иркутская губерния, 1904.

ПМС — *Полевые материалы М. В. Сеславинской*. Находятся в личном архиве автора.

ПМСЦ — *Полевые материалы М. В. Сеславинской и Г. Н. Цветкова*. Находятся в личном архиве авторов.

Подходы разные — цель одна (2011) // *АДЦ «Мемориал»,* 15.08.2011. (http://adcmemorial.org/www/2477.html#more-2477).

Попова Е., Бриль М. (1932). Цыгане в Союзе ССР // *Советское строительство* 2.

Проект «*Диалог. Комплекс мероприятий, способствующих интеграции томских цыган в местное сообщество*», грант Института «Открытое общество» CHG210, сентябрь 2002 г. — август 2003 г. (http://www.indem.ru/ceprs/Minorities/Tom/Tom12.htm), (http://www.soros.karelia.ru/projects/public03_01.html).

Российские власти собираются улучшить имидж цыган // *РБК*, 20 февраля 2013 г. (http://top.rbc.ru/society/20/02/2013/846002.shtml).

Ром-Лебедев И. И. (1990). *От цыганского хора к театру «Ромэн»*. Москва: Искусство.

Романо каталого (Список изданий на цыганском языке 1928–38 гг., хранящихся в Российской государственной библиотеке); (http://www.liloro.ru/library/romano_catalogo.htm).

РЦХИДНИ — *Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории* (в настоящее время Российский государственный архив социальной и политической истории), ф. 17, оп. 114, д. 837, л. 99–111.

Русаков А., Калинин В. (2006). Литература на цыганском языке в СССР: 1920–1930-е годы (Приложение 3) // Абраменко О. *Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русска и лотфитка рома)*. Санкт-Петербург: Анима, 266–287.

Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. (1920). В. 1 (с 28 октября 1917 г. по 7 ноября 1918 г.). Москва.

Сводный список публикаций российских авторов по цыганскому языку (с 1929 по 2010 гг.) // Научный сайт «*Российский центр исследо-*

ваний цыганской культуры». (http://kulturom.ru/archives.html #bibliografii).

Сергиевский М. В., Баранников А. П. (1938). *Цыганско-русский словарь*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Сергиевский М. В. (1931). *Цыганский язык. Краткое руководство по грамматике и правописанию*. Москва: Центриздат.

Сковородкина И. З., Артеменко О. И., Подшивалова Н. В. (2004). *Образование на Севере: история, теория, практика*. Москва: ИНПО.

Смирнова-Сеславинская М. В. (2012а). Текстовые источники изучения языка и культуры цыган России — краткий обзор публикаций // *Журнал социологии и социальной антропологии* 4, 188–200.

Смирнова-Сеславинская М. В. (2012б). Цыганский язык в рамках языковой образовательной политики России XIX–XXI вв. // *Образовательная политика* 4 (60), 78–108.

Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. (2011а). *Антропология социокультурного развития цыганского населения России*. Москва: ФГАУ ФИРО.

Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. (2011б). Учебно-педагогический статус языка. Вспомогательный язык // *Антропология социокультурного развития цыганского населения России*. Москва: ФГАУ ФИРО, 104–108.

Торопов В. Г. (1999). История изучения цыганского языка в России // *Цыгане*. Москва: Координационно-методический центр «Народы и культуры» ИЭА РАН, 16–26.

Торопов В. Г., Гумероглый В. Б. *Опыт составления алфавита для записи устной речи крымских цыган*. Настоящий сборник.

Торохов А., Тороде Н., Чащихина О. (2003). Доклад круглого стола «*Положение рома в Уральском регионе России*». Екатеринбург, 28–29 июля 2003. (в архиве авторов — оттиски докладов предоставлялись участникам семинара, организованного Европейским центром защиты прав цыган (Будапешт) для представителей цыганских общественных организаций; Санкт-Петербург, июнь 2004 г.).

Установочный документ ЮНЕСКО «Образование в многоязычном мире» (октябрь 2002) // Сайт «*Организация объединенных наций*», (http://www.un.org/ru/events/iyl/brochure/monitoring_2002.pdf).

Федеральный закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ «*О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта*», вступивший в силу 5 декабря 2007 г. // RG.RU — Российская

газета, 5 декабря 2007 г., Федеральный выпуск № 4535. (<http://www.rg.ru/2007/12/05/obrazovanie-stansart-dok.html).

Федеральный закон Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «*О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений*», вступивший в силу 1 января 2011 г. // RG.RU — Российская газета, 12 мая 2010 г., Федеральный выпуск № 5179. (http://www.rg.ru /2010/05/12/pravovoe-izmenenie-dok.html).

Федеральный закон от 28.02.2012 № 10-ФЗ *«О внесении изменений в закон Российской Федерации «Об образовании» и статья 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»* (принят ГД ФС РФ 15.02.2012) // Президент России. (http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1602843).

Федеральный закон РФ «*Об образовании*» от 10.07.1992 № 3266-1 со всеми последующими изменениями, включая изменения 2004 г. (http://www.consultant.ru/popular/edu/43_1.html).

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «*Об образовании в Российской Федерации*» // Опубликовано 31 декабря 2012 г. в «Российской газете» — Федеральный выпуск № 5976. Вступил в силу 1 сентября 2013 г. (http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html).

Ханова Н. (2013). Звезда табора: юная девушка стала наставником детей кочевого народа // *Аргументы и факты*, № 6. Февраль 2013 г. (http://www.aif.ru/society/article/59842).

Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. (1959). Т. 5, 1954–1956 гг. Москва: Госюриздат.

Цыган интегрируют в современное общество: правозащитники / *ИА REX. Информационное агентство*. 17 декабря 2012. (http://www.iarex.ru/articles/32248.html).

«Цыганский президент» будет защищать права ромалов // *Известия*, 11 апреля 2002. (http://izvestia.ru/news/260709).

Шкуренок Н. (2009). Азбука заговорила по-цыгански // *АДЦ Мемориал. Бюллетень*. № 26, июнь 2009. (http://www.memorial.spb.ru/www /214.html?lang=ru).

Яковлева Н. (2012). Чтобы научить цыганят грамоте, русская учительница сама выучила цыганский // *Сибкрай.ru. Информационный портал: новости из первых уст о значимых событиях Новосибирска и области*, 14.05.2012. (http://sibkray.ru/news/6/30095/).

Ariste P. (1973). Einige Märchen der Čuchny-Zigeuner // *Ученые записки Тартуского гос. университета*. В. 309. Труды по востоковедению. II, 5–10.

Barannikov A. P. (1934). *The Ukrainian and South Russian Gypsy Dialects*. Leningrad : Publishing Office of the Academy.

Daniłowicz I. (1824). *O cyganach wiadomość historyczna*. Wilno: W drukarni A. Marcinowskiego.

Liloro — Сетевая инициатива, посвященная цыганской культуре. (http://liloro.ru/).

Narbutt T. (1830). *Rys historyczny ludu cygańskiego*. Wilno: Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego.

de Pauly T. (1862). *Description ethnographique des peuples de la Russie*. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F.Bellizard, MDCCCLXII.

Приложение. Список публикаций в области языкового обучения цыган, изданных после 1991 г.

Разработки АДЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

Абраменко О., Кулаева С. (2004). *История и культура цыган.* Пособие для дополнительных занятий с цыганскими учениками. Санкт-Петербург.

Азбука с цыганским этническим компонентом. (2009). Пособие для тех, кто изучает русский язык как неродной. Санкт-Петербург: Анима.

Клейн А. (2010). *Романэ байки. Цыганские сказки*. Санкт-Петербург: Анима.

Пискунова И. В., Суркова А. Е. (2009). *Рабочая тетрадь к двуязычной азбуке: русский и цыганский языки (кэлдэрарский диалект)*. Санкт-Петербург: Анима.

Рромано алфавито. Алфавит цыганского языка (кэлдэрарский диалект). (2012). Плакат. Санкт-Петербург. Художник Е. Ковач.

Рромано алфавито. Алфавит цыганского языка (кэлдэрарский диалект). (2012). Плакат. Санкт-Петербург. Художник И. Махотина.

Сказки на цыганском языке (русскоцыганский диалект). (2012). Книжка-раскраска с вопросами и заданиями. Санкт-Петербург: Анима.

Сказки на цыганском языке (кэлдэрарский диалект). (2012). Книжка-раскраска с вопросами и заданиями. Санкт-Петербург: Анима.

Шаповал В. В. (2008). *Краткое руководство по цыганскому языку (кэлдэрарский диалект)*. Санкт-Петербург: Анима.

Разработки ФГАУ «Федеральный институт развития образования»:

Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. (2009). Грамматика цыганского языка (диалекты ловаря и кэлдэраря, с опорой на диалект ловаря) // *Межкультурная русско-цыганская коммуникация*. Пособие для учителей общеобразовательных учреждений. Москва: ИНПО, 218–425.

Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. (2011). Концепция образовательных программ с этнокультурной составляющей и моделей образования для общеобразовательных учреждений с учащимися — этническими цыганами // Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. *Антропология социокультурного развития цыганского населения России*. Москва: ФГАУ ФИРО, 75–101.

Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. (2009). *Межкультурная русско-цыганская коммуникация*. Пособие для учителей общеобразовательных учреждений. Москва: ИНПО.

Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. Цыганско-русский словарь языковедческой терминологии — экспериментальная разработка // Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. *Модернизация языкового образования в поликультурной среде*. Вып. 1. Лингвоантропологический взгляд на двуязычие в поликультурном образовании. Цыганский и русский языки. Москва: ФГАУ ФИРО, в печати.

Цветков Г. Н. (2011). Культурная и языковая специфика цыган в образовании // Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. *Антропология социокультурного развития цыганского населения России*. Москва: ФГАУ ФИРО, 49–70.

Цветков Г. Н. (2011). Особенности современного функционирования романи́ // *Цыганский язык (романи́) и его исследование в интегральном междисциплинарном поле «язык — человек, культура, общество»*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, 179–225.

В. Г. Торопов, В. Б. Гумероглый

Иваново, Новороссийск

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ АЛФАВИТА ДЛЯ ЗАПИСИ УСТНОЙ РЕЧИ КРЫМСКИХ ЦЫГАН

При подготовке к составлению алфавита языка крымских цыган, в первую очередь, необходимо было определиться с тем, на основе каких принципов он будет строиться.

Основополагающим принципом должно являться использование для его составления только букв и буквенных сочетаний современного (в редакции 1918 г.) русского кириллического алфавита. Следование данному принципу значительно упрощает и ускоряет все виды набора текстов на русскоязычных машинах (пишущих машинках, компьютерах и т.д.) без необходимости перенастройки на набор иных букв, в том числе с различными диакритическими знаками, как это имеет место, например, в алфавите абхазского языка: *ҕ, ӷ, ҽ, ҟ, ҧ*.

Так, при переносе набранного текста с одного компьютера на другой становится все сложнее сохранять ранее набранные в тексте знаки с диакритикой.

***

Для записи речи крымских цыган нами предлагается использовать фонематический принцип в сочетании с этимологическим.

Фонематическая запись речи экономична по количеству необходимых букв. Фонемы, реализующиеся по-разному в зависимости от позиции, записываются единообразно. Замечено, что в слабых позициях фонемы крымскоцыганского диалекта теряют такие свои признаки, как звонкость, палатализованность, придыхательность. Например, произносится [*гат*] ‘рубашка’, [*дик*] ‘смотри’, хотя должно быть написано *гад* (проверочное слово — *гада́* ‘рубашки’), *дикх* (проверочное слово — *дикхэ́л* ‘(он/она) смотрит’). (Здесь и далее в косых скобках показаны фонемы, в квадратных скобках — звуки, в кавычках «» — буквы.) Палатализованность конечного согласного не указывается (например,

в слове *пхол* ‘золото’ пишется буква «*л*», обозначающая непалатализованную фонему /*л*/, хотя во всех его иных формах имеется фонема /*ль*/, ср. *пхоля́* ‘золотые вещи’, *пхоле́ндар* ‘из золотых вещей’), так как есть исключение из этого правила: слово *бэлвэ́ль* ‘вечер’, в котором конечная согласная фонема /*ль*/ палатализованности не теряет.

И наконец, поскольку алфавит основан на фонематическом принципе, пишущим приходится встречаться с необходимостью обозначения безударных гласных: *дес* ‘день’, *дисёл* ‘светает’, *дисипэ́* ‘рассвет’; *зор* ‘сила’, *зурало́* ‘сильный’ (переход фонем /*э*/, /*о*/ (ударное положение) в слове в их варианты /*и*^{е}/, /*о*^{у}/ (безударное положение)).

Наибольшую трудность при записи речи представляет запись гласных фонем, не проверяемых ударением. В этом случае возможно использование в цыганском языке этимологических написаний гласных. Так, в речи крымских цыган были засвидетельствованы три варианта написания слова татарского происхождения со значением ‘работа’: кр.-цыг. *хезме́ти, хызмэ́ти, хэзмэ́ти.* С целью унификации написания непроверяемой безударной гласной первого слога нами предлагается ее этимологическое написание через букву «*ы*», т. е. *хызмет*, имеющее место в крымскотатарском языке.

***

Язык крымских цыган на сегодня представлен несколькими разновидностями, из которых исследователями выделяется основной, наиболее распространенный говор. В этом говоре у части как древних исконных, так и более поздних заимствованных корней, суффиксов и окончаний имеют место фонемы /*с*/ и /*ф*/, в отличие от другого говора, в котором на месте этих фонем встречается фонема /*гх*/. Второй говор имеет цыганское название: *гхогхои́тико.* [*Гх*]-говор цыганами, говорящими на [*с*]-говоре, воспринимается как искаженный, т. е. *пхагэрдо́* ‘поломанный’, [*с*]-говор признается за образцовый, а речь на нем — за наиболее престижную.

Таблица 1. Примеры слов [*с*]-говора в сравнении с [*гх*]-говором

[*с*]-говор	**[*гх*]-говор**	**Перевод**
эси́	*эгхи́*	‘(он/она/они) есть’
со	*гхо*	‘что?’
састо́	*гхасто́*	‘целый’
сабаста́н	*сабагхта́н*	‘утром’
которі́са	*которі́гха*	‘немножечко’
кэрдяму́сас	*кэрдяму́гхас*	‘(мы) сделали (давно)’
ко́фа	*ко́гха*	‘ведро’
фу́лел	*гху́лел*	‘(он/она) выходит (из транспорта)’
фа́йма	*гха́йма*	‘наверно’

Для речи крымских цыган характерен еще один говор, который можно условно назвать [*кь*]-говором. Главной фонетической чертой этого говора, называемого цыганами *чёрноморлу́тико*, является наличие в древних словах фонем /*гь*/, /*кь*/ и /*кхь*/ на месте фонем /*г*/, /*к*/ и /*кх*/, находящихся в позиции перед фонемой /*э*/, т. е. это как бы произношение на татарский манер с использованием среднеязычных татарских звуков на месте исконных /*г*/ и /*к*/.

Таблица 2. Примеры слов [*с*]-говора в сравнении с [*кь*]-говором

[*с*]-говор	**[*кь*]-говор**	**Перевод**
кэра́в	*кера́в*	‘делаю’
бишужэ́скэ	*бишужэ́ске*	‘нечистому, черту’
гэлэ́	*гелэ́*	‘(они) ушли’
мангэ́с	*мангэ́с*	‘просишь’
кхэрэ́	*кхерэ́*	‘домой’

***

В настоящее время значительное число крымских цыган на советском постпространстве проживают на территории Российской Федерации и находятся под влиянием русского языка и культуры, а также на территории Украины и находятся под влиянием украинского языка, а на территории Республики Крым, восстановленной в 1991 г., — крымскотатарского. Крымские цыгане, проживавшие на территории Адыгейской автономной области в

80-х гг. XX в., адыгейским языком не владели, с местным населением они говорили только по-русски. Эти выводы были сделаны на основании опросных данных в ходе исследований автора. Крымские цыгане, проживавшие в свое время на территории Абхазской АССР, Аджарской АССР и в западных областях Грузинской ССР, весь XX в. находились под влиянием языков грузинского, мегрельского и в ограниченной степени абхазского, на последнем они свободно не говорили, зная лишь ограниченное количество самых необходимых слов. После распада СССР на этих территориях грузинский язык начал теснить русский. С провозглашением в 1999 г. суверенной Абхазской Республики на ее территории несколько усилилось влияние абхазского языка, ставшего вместе с русским государственным языком.

Состояние языка крымских цыган, в свое время подвергшихся репрессиям и депортации вместе с крымскими татарами в Среднюю Азию, до сих пор в науке остается практически не изученным. Можно предполагать, что языки местного населения, такие как казахский, киргизский, узбекский, таджикский, наряду с крымскотатарским, также оказывали на него свое влияние.

***

Каждый человек, пишущий на языке крымских цыган, должен понять, что он пишет на цыганском языке, используя оригинальный цыганский алфавит, составленный из кириллических букв, со специфическими, только ему присущими, правилами алфавита и орфографии, а не записывает цыганские слова по правилам орфографии русского языка, как это делали некоторые российские лингвисты до 1918 г. Например, цыганские слова *пхол* ‘золото’ и *кхам* ‘солнце’ в своей публикации от 1875 г., этнограф В. Х. Кондараки записал следующим образом: *холъ* ‘золото’ и *камъ* ‘солнце’ [Кондараки 1875: Ч. 9, 79–80]. Буква ъ в цыганских словах в этом конкретном случае — дань русской орфографии того времени, а не обозначение какого-либо цыганского звука.

Гласные фонемы языка крымских цыган

Фонемный состав языка крымских цыган начнем с рассмотрения системы гласных фонем. Для определения количества гласных фонем выявим группы слов из исконного лексического фонда языка, где гласные звуки находятся в сильной позиции, т. е. под ударением и каждое из этих слов отличается одно от другого лишь только этим гласным звуком.

a) *мар* ‘стукни’ ~ *мэр* ‘умри’;
b) *шол* ‘свист’ ~ *шыл* ‘холод’ ~ *шэл* ‘сто’;
c) *ров* ‘заплачь’ ~ *рув* ‘волк’;
d) *пхир* ‘ходи’ ~ *пхэр* ‘наполни’;
e) *джяв* ‘(я) ухожу’ ~ *джёв* ‘ячмень (злак)’ ~ *джюв* ‘вошь’;
f) *чхи* ‘брось’ ~ *чхе* ‘обращение к женщине’.

Суммируя данные, мы выявляем шесть фонем, которые предстают в словах как после твердых, так и после палатализованных согласных.

Таблица 3. Гласные фонемы крымскоцыганского языка

/*а*/	среднерядная широкая неогубленная
/*о*/	заднерядная полуширокая огубленная
/*ы*/	среднерядная узкая неогубленная
/*и*/	переднерядная узкая неогубленная
/*э*/	переднерядная полуширокая неогубленная
/*у*/	заднерядная узкая огубленная

Гласные фонемы крымскоцыганского языка обозначаются двумя группами букв (по пять штук), причем буквы первой группы («*а*», «*о*», «*ы*», «*э*», «*у*»), занимая позицию после согласных, указывают на их твердость, а буквы второй («*я*», «*е*», «*и*», «*е*», «*ю*») — после согласных указывают на их палатализованность. В начале слов и слогов возможны все гласные фонемы: /*а*/, /*о*/, /*ы*/, /*э*/, /*у*/, /*и*/. Необходимо при этом отметить, что палатализованность крымскоцыганских согласных, как и в русском языке, — их дополнительная йотовая артикуляция — свойство согласных звуков, но на письме с целью экономии букв для обозначения согласных звуков она обозначается особыми глас-

ными буквами, предназначенными для этой роли: вместо сочетаний фонем /*тьа*/, /*джьо*/ мы пишем: /*тя*/, /*джё*/ и т. д.

Исключение из этого правила составляет крымскоцыганская согласная фонема /*й*/, палатальная по своей природе, как звук среднеязычной артикуляции. После фонемы /*й*/ предлагается писать следующий набор гласных букв, как если бы это была твердая фонема: «*а*», «*о*», «*ы*» «*и*», «*э*», «*у*»: кр.-цыг. *йакх* ‘глаз’, кр.-цыг. *йэкх* ‘один’, кр.-цыг. *йив* ‘снег’, кр.-цыг. *йоргха́ни* ‘одеяло’, кр.-цыг. *йӳ́ги* ‘юг’, кр.-цыг. *йылба́шы* ‘Новый год’, хотя гласные звуки [*а*], [э], [*о*], [*у*] после нее в словах слышатся так, как если бы они стояли после мягких согласных фонем.

***

Под влиянием языка крымских татар в язык крымских цыган в свое время проникли многочисленные слова и вместе с ними гласные фонемы, характерные для фонетической системы крымскотатарского языка. Этот набор гласных фонем значительно отличается от изложенного выше.

Крымскотатарский язык имеет девять гласных фонем [Языки Российской Федерации 2 2001: 165; Меметов 2012: 7]:

Таблица 4. Гласные фонемы крымскотатарского языка

/*и*/	переднерядная неогубленная узкая краткая
/*е*/	переднерядная неогубленная широкая
/ӳ/ «*ю*»	переднерядная огубленная узкая
/ö/ «*ё*»	переднерядная огубленная широкая
/*ы*/	заднерядная неогубленная узкая краткая
/*а*/	заднерядная неогубленная широкая
/*ə*/ «*я*»	переднерядная неогубленная широкая
/*у*/	заднерядная огубленная узкая
/*о*/	заднерядная огубленная широкая

Далее даны примеры перехода крымскотатарских слов в крымскоцыганские при их заимствовании, иллюстрирующие адаптацию гласных фонем одного языка в другом:

а) кр.-тат. *килим* ‘ковер’ > кр.-цыг. *кили́ми* ‘палас’; кр.-тат. /*и*/ > кр.-цыг. /^{в}*и*/;

b) кр.-тат. *тен* ‘тело’ > кр.-цыг. *тэ́ни* ‘тело, интимные части тела’; кр.-тат. /*е*/ > кр.-цыг. /*э*/;

c) кр.-тат. *тюс* ‘цвет, масть, тон’ > кр.-цыг. *тю́си* ‘цвет’; кр.-тат. /*ÿ*/ > кр.-цыг. /^{b}*у*/;

d) кр.-тат. *дёртлюк* ‘надпись из четырех строчек’ > кр.-цыг. *дорт(л)и́ки* ‘рубль’; кр.-тат. /*ö*/, /*ÿ*/ > кр.-цыг. /*о*/, /*и*/;

e) кр.-тат. *сыра* ‘ряд, порядок’ > кр.-цыг. *сы́ра* / *си́ра* ‘нитка с бусинами на ней, судьба’;

f) кр.-тат. *дам* ‘вкус’ > кр.-цыг. *да́ми* ‘вкус’;

g) кр.-тат. *уджуз* ‘дешевый’ > кр.-цыг. *уджю́зи* ‘дешевый’; кр.-тат. /*джу*/ > кр.-цыг. /*дж*^{b}*у*/;

h) кр.-тат. *топуз* ‘булавка’ > кр.-цыг. *топу́зи* / *тупу́зи* ‘булавка’; кр.-тат. /*о*/ > кр.-цыг. /*у*/;

i) кр.-тат. *иляч* ‘лекарство, снадобье’ > кр.-цыг. *ля́джи* ‘жидкое лекарство, микстура’; кр.-тат. /*ə*/ > кр.-цыг. /^{b}*а*/.

Необходимо заметить, что в большинстве своем согласные звуки крымскотатарского языка в исконных татарских словах не знают йотовой артикуляции и не имеют различий по признаку твердости / палатализованности.

Для крымскотатарского языка характерно наличие после фонемы /*й*/ фонемы /*ы*/: кр.-тат. *йылбаш* ‘Новый год (праздник)’ ~ кр.-цыг. *йылба́шы* ‘Новый год (праздник)’. В языке крымских цыган фонема /*ы*/ в этом слове неустойчива и реализуется в звуках: [*ы*], [*и*] и [*у*].

Многие крымские цыгане старшего поколения в своей речи до сих пор в заимствованиях из татарского языка употребляют такие татарские звуки как: [*е*], [*ÿ*]: кр.-цыг. *Се́ит* ‘Сэит (мужское имя)’, кр.-цыг. *тюшюндю́м* ‘(я) подумал, (я) предчувствовал’. Большинство же цыган молодого поколения (т.е. родившихся в 1960-х гг.) в своей речи в татаризмах не произносят татарские звуки, а заменяют их на цыганские, произнося многие татарские согласные звуки с явной йотовой артикуляцией. Старое произношение слова *тюшюндю́м* характеризуется отсутствием у всех его согласных звуков палатализованности, т. е. йотовой артикуляции, и произношением гласного звука [*ÿ*] как татарского переднерядного огубленного узкого, подобного немецкому [*ü*]. Новое же произношение этого слова характеризуется йотовой артикуля-

цией звуков [*т*] и [*ш*] в речи части крымских цыган, и практически русским звучанием гласного, передаваемого буквой [*ю*].

В речи цыган старшего поколения еще в 80-х гг. прошлого века сохранялось произношение гласных с татарской артикуляцией и в исконно цыганских словах: кр.-цыг. (речь молодого поколения) /*бэш*/ ‘сиди’ ~ кр.-цыг. (речь старшего поколения) /*беш*/ ‘сиди’. Однако в данной произносительной норме может быть усмотрена более старая, произносительная норма языка предков крымских цыган, характерная для более раннего, возможно еще для докрымского периода.

***

Для цыган Крыма до сих пор остается мало изученным вопрос проникновения в их язык заимствований из восточнороманских языков. Обычно считается, что все эти заимствования происходили до середины XV в. от носителей восточнороманских языков, проживавших на территориях современной Румынии. Однако при исследованиях также были выявлены немногочисленные заимствования предположительно из арумынского языка с более южных территорий Балканского полуострова, но этот вопрос требует дополнительного изучения.

Заимствования из диалектов восточнороманского языка Румынии и Бессарабии были весьма затруднены из-за крепостной зависимости цыганского населения на территориях распространения этих языков, которая была постепенно ликвидирована лишь после 1812 г., времени ее присоединения к Российской империи.

***

Влияние украинского языка на язык крымских цыган было длительным (XIX–XX вв.), за это время в последний из украинской речи, как украинцев Крыма, так и казаков Кубани, проникли многие украинские слова:

a) укр. *олія* ‘подсолнечное масло’ > кр.-цыг. *олúйа* ‘подсолнечное масло’;

b) укр. *бджола* ‘пчела’ > кр.-цыг. *обджёли* ‘оса’; укр. /*о*/ > кр.-цыг. /^{ь}*о*/;

c) укр. *гільце* ‘веточка’ > кр.-цыг. *гхильцэ́с* ‘деревце печеное из теста с украшениями (традиционный предмет на казацких свадьбах)’;

d) укр. *неня* ‘ласковое обращение к матери, женщине’ > кр.-цыг. *нэ́нэ* ‘мама’;

e) укр. *стеля* ‘потолок’ > кр.-цыг. *стэ́ля* ‘потолок’;

f) укр. *хай* ‘пусть’ > кр.-цыг. *хай* ‘пусть’ и некоторые другие.

Система вокализма украинского языка, представленная шестью гласными фонемами, не могла оказать значительное влияние на систему гласных фонем крымскоцыганского языка, так как не содержит ни одной новой для него гласной фонемы.

Гласные фонемы украинского языка следующие: /*і* (рус. *и*)/, /*и* (рус. *ы*)/, /*е* (рус. *э*)/, /*у*/, /*о*/, /*а*/ [Языки Российской Федерации 3 2005: 236].

В безударных позициях фонемы /*и*/ и /*е*/ реализуются как /$и^{е}$/, звук средний между ними. Фонемы /*о*/ и /*у*/ в безударной позиции реализуются как /$о^{у}$/, т. е. здесь имеется практически «болгарская» система редукции безударных гласных. Для украинского языка аканье не характерно, оно представлено лишь в ряде центральных и восточных говоров северного наречия: укр. *голова*, *добро* в этих говорах произносятся: [*галава*], [*дабро*]. Гласные в заимствованных из украинского языка словах крымскими цыганами произносились с редукцией гласных в безударных слогах, весьма близкой к редукции в украинском языке.

***

Крымские цыгане, проживавшие длительное время на территории Грузии, испытывали на себе в первую очередь влияние грузинского языка, гласные фонемы которого: /ა (рус. *а*)/, /ი (рус. *и*)/, /ე (рус. э)/, /ო (рус. *о*)/, /უ (рус. *у*)/, однако, не могли оказать особого влияния на систему гласных фонем языка цыган, так как в ней эти фонемы уже имелись [Языки народов СССР 4 1967: 25–26].

***

Фонетика русского языка, начиная с конца XVIII в., оказывает все более сильное влияние на произносительные нормы

устной речи крымских цыган. Русские гласные звуки с присущими им артикуляциями незаметно для говорящих постепенно переходят в цыганскую речь. Основной поток заимствования русских слов, а с ними и русских фонем, происходил устным путем из русских (точнее южнорусских) говоров Крыма, Кубани, часто в их просторечных вариантах, ср. рус. простореч. *аблакат* > кр.-цыг. *аблака́ти* ‘адвокат’, рус. простореч. *буркулёз* ‘туберкулез’ > кр.-цыг. *буркулёзи* ‘туберкулез’. Сейчас крымские цыгане в своей речи могут использовать практически любое русское слово, адаптируя его под фонетическую систему родного языка.

Гласные фонемы русского языка следующие [Языки Российской Федерации 2 2001: 478]: /*u*/, /*e*/, /*a*/, /*o*/, /*y*/. Фонема /*u*/ после твердых согласных имеет вариант [*ы*].

Коренным отличием системы гласных фонем русского языка является специфическая система их редукции в безударных положениях (аканье). В безударных (точнее: в предударных безударных) позициях фонемы /*o*/ и /*a*/ в русском языке произносятся как звук [*ʌ*] — гласный средне-нижнего подъема непереднего ряда неогубленный: рус. *вода́* ~ *в*[*ʌ*]*да́*, рус. *дари́ть* ~ *д*[*ʌ*]*ри́ть*. Фонемы /*o*/, /*a*/, /*e*/ после палатализованных согласных фонем в безударной позиции произносятся как /*и*^{e}/ — гласный переднего ряда средний между [*и*] и [*е*]: рус. *леса́* ~ [*л’и*^{e}]*са́*, рус. *пята́к* ~ [*п’и*^{e}]*та́к*.

Так как аканье в полной мере еще не проникло в фонетическую систему крымскоцыганского диалекта, гласные фонемы в словах, заимствованных из русского языка, можно записывать не только так, как они звучат в речи цыган Крыма, но и так, как они записываются в словах в исходном языке, т. е. в русском.

Согласные фонемы крымскоцыганского языка

Для выявления системы согласных фонем языка крымских цыган подберем группы слов, в которых согласные фонемы находятся в сильной позиции, т.е. в начале слова (реже слога) перед гласным звуком, и различаются только этим согласным звуком:

а) *бай* ‘рукав’ ~ *тай* ‘и’ ~ *кай* ‘где, что?’ ~ *дай* ‘мать’ ~ *най* ‘палец’;

b) *вас* ‘рука’ ~ *кхас* ‘сено’ ~ *лас* ‘(мы) берем’ ~ *джяс* ‘(мы) идем’ ~ *сас* ‘(он/она) был(а)’ ~ *гхас* ‘(он/она) был(а)’ ~ *тхас* ‘(мы) ставим’;

c) *гав* ‘деревня’ ~ *дав* ‘я даю’;

d) *зэн* ‘седло’ ~ *пхэн* ‘сестра’;

e) *мэр* ‘умри’ ~ *пэр* ‘упади, живот’;

f) *ров* ‘заплачь’ ~ *шов* ‘шесть’;

g) *фо́та* ‘фартук’ ~ *ро́та* ‘колесо’;

h) *хор* ‘глубокий’ ~ *чёр* ‘вор, воруй’ ~ *чхёр* ‘лей’;

i) *шукэ́л* ‘(он/она) сохнет’ ~ *шужо́л* ‘(он/она) становится чище’;

j) *жумэ́ря* ‘выжарки’ ~ *хумэра́* ‘различные сорта теста’;

k) *Цэ́йа* ‘женское имя’ ~ *мэйа́* ‘(именно) я’.

l) *дэс* ‘(ты) даешь’ ~ *дес* ‘день’;

m) *авэ́са* ‘(ты) придешь’ ~ *аве́са* ‘с ширинкой (о брюках)’;

n) *бэ* ‘обращение к мужчине’ ~ *би* ‘бы (показатель сослагательного наклонения глагола)’;

o) *ги* ‘желудок’ ~ *ли* ‘и’ ~ *ми* ‘моя’ ~ *ти* ‘твоя’ ~ *си* ‘(он/она) есть’ ~ *гхи* ‘(он/она) есть’;

p) *пинро́* ‘ступня’ ~ *пхинро́* ‘открытый’;

q) *кири́* ‘муравей’ ~ *пири́* ‘тарелка’;

r) *мортхи́* ‘кожа’ ~ *морди́* ‘стиранная, наточенная’;

s) *кхил* ‘сливочное масло’ ~ *лил* ‘бумага’;

t) *ришии́йэл* ‘(он/она) ссорится’ ~ *лишии́йэл* ‘(он/она) цепляется, лезет (к кому-либо)’;

u) *кра́фи* ‘гвоздь’ ~ *кра́би* ‘краб’;

v) *Ни́на* ‘имя женское’ ~ *Зи́на* ‘имя женское’;

w) *нани́* ‘искупанная’ ~ *наши́* ‘нельзя’;

x) *хи́три* ‘хитрый’ ~ *ли́три* ‘литр’;

y) *гив* ‘пшеница’ ~ *йив* ‘снег’.

Суммируя все эти слова, можно выявить следующие непалатализованные согласные фонемы, представленные в языке крымских цыган парами: твердая и палатализованная:

Таблица 5. Непалатализованные парные согласные фонемы языка крымских цыган

/*б*/	губно-губная звонкая смычная шумная
/*п*/	губно-губная глухая смычная шумная
/*пх*/	губно-губная глухая придыхательная смычная шумная
/*д*/	зубная звонкая смычная шумная
/*т*/	зубная глухая смычная шумная
/*тх*/	зубная глухая придыхательная смычная шумная
/*г*/	заднеязычная звонкая смычная шумная
/*к*/	заднеязычная глухая смычная шумная
/*кх*/	заднеязычная глухая придыхательная смычная шумная
/*в*/	губно-губная звонкая щелевая шумная
/*ф*/	губно-губная глухая щелевая шумная
/*ц*/	зубная глухая свистящая аффриката шумная
/*з*/	зубная звонкая щелевая шумная
/*с*/	зубная глухая щелевая щумная
/*ш*/	небная глухая щелевая щумная
/*гх*/	заднеязычная звонкая щелевая шумная
/*х*/	заднеязычная глухая щелевая шумная
/*м*/	губно-губная носовая смычно-проходная сонорная
/*н*/	зубная носовая смычно-проходная сонорная
/*л*/	зубная боковая смычно-проходная сонорная
/*р*/	небная дрожащая сонорная

Приведем список палатализованных фонем, парных к рассмотренным выше:

/*бь*/, /*пь*/, /*пхь*/, /*дь*/, /*ть*/, /*тхь*/, /*гь*/, /*кь*/, /*кхь*/, /*вь*/, /*фь*/, /*ць*/, /*зь*/, /*сь*/, /*шь*/, /*гхь*/, /*хь*/, /*мь*/, /*нь*/, /*ль*/, /*рь*/.

В крымскоцыганском языке имеется как твердая фонема /*ш*/ (кр.-цыг. *шыл* ‘холод’), так и палатализованная фонема /*шь*/ (кр.-цыг. *наши́* ‘нельзя’, *шаши́йэл* ‘(он/она) удивляется’).

/*ц*/ — зубная глухая свистящая аффриката шумная, в языке, представлена твердой и парной ей палатализованной фонемой /*ць*/, наличной в заимствованиях из украинизированной речи казачества Кубани: кр.-цыг. *морозэ́ци* ‘иней, морозец’ < укр. *морозець* ‘морозец’.

Следующие согласные фонемы в крымскоцыганском языке представлены одной фонемой:

/*й*/ — среднеязычная звонкая щелевая шумная, в силу природы своей среднеязычной артикуляции она всегда палатальная;

/*джь*/ — небная звонкая шипящая аффриката шумная,

/*чь*/ — небная глухая шипящая аффриката шумная и

/*чхь*/ — небная глухая придыхательная шипящая аффриката шумная.

В диалекте эти три фонемы представлены только одним палатализованным вариантом, фонема /*чхь*/ в языке крымских цыган, скорее всего, не воспринимается как смыслоразличающая, но как звук, отличный от звука [*чь*], может наличествовать в речи части носителей языка.

/*ж*/ — небная звонкая шипящая щелевая.

Наличие же в языке фонемы /*жь*/ проблематично, так как она, по имеющимся данным, выделяется лишь в одном исконном корне в речи части цыган, находившихся под влиянием языков Грузии (кр.-цыг. *шужо́л* ‘(он/она) чистится’ и кр.-цыг. (грузино-мегрельское влияние) *шужёл* ‘(он/она) чистится’).

***

Под влиянием языка крымских татар язык крымских цыган находился довольно длительный промежуток времени. Для основной массы цыган это — 70-е гг. XV в. – 1944 г. (год депортации татар Крыма в восточные территории СССР). Для цыган, депортированных вместе с татарами, это влияние было еще более продолжительным.

Основное и самое важное отличие системы согласных фонем крымскотатарского языка — отсутствие в ней за некоторым исключением палатализованных согласных фонем, т. е. фонем, имеющих йотовую артикуляцию.

Носители крымскотатарского языка выявляют в нем следующие согласные фонемы:

Таблица 6. Согласные фонемы крымскотатарского языка [Языки Российской Федерации 2 2001: 166; Меметов 2012: 16].

/*п*/	губно-губная глухая смычная шумная
/*б*/	губно-губная звонкая смычная шумная
/*т*/	переднеязычная глухая смычная шумная
/*т'*/	палатализованная переднеязычная глухая смычная шумная
/*д*/	переднеязычная звонкая смычная шумная
/*к*/	заднеязычная глухая смычная шумная
/*к'*/	среднеязычная глухая смычная шумная
/*г*/	заднеязычная звонкая смычная шумная
/*г'*/	среднеязычная звонкая смычная шумная
/*къ*/	увулярная глухая смычная шумная
/*нъ*/	увулярная звонкая носовая смычная шумная
/*ñ* (*нъ*)/	заднеязычная звонкая носовая смычная шумная
/*ф*/	губно-губная глухая щелевая шумная
/*в*/	губно-губная звонкая щелевая шумная
/*с*/	переднеязычная свистящая глухая щелевая шумная
/*з*/	переднеязычная свистящая звонкая щелевая шумная
/*ш*/	переднеязычная шипящая глухая щелевая шумная
/*ж*/	переднеязычная шипящая звонкая щелевая шумная
/*гъ*/	увулярная звонкая щелевая шумная
/*ğ* (*гъ*)/	заднеязычная звонкая щелевая шумная
/*х*/	увулярная глухая щелевая шумная
/*ч*/	переднеязычная шипящая глухая аффриката шумная
/*ц*/	переднеязычная свистящая глухая аффриката шумная
/*дж*/	переднеязычная шипящая звонкая аффриката шумная
/*м*/	губно-губная носовая смычная сонорная
/*н*/	переднеязычная носовая смычная сонорная
/*л*/	переднеязычная боковая щелевая сонорная
/*л'*/	палатализованная переднеязычная боковая щелевая сонорная
/*р*/	переднеязычная дрожащая сонорная
/*р'*/	палатализованная переднеязычная дрожащая сонорная
/*й*/	среднеязычная звонкая щелевая шумная
/*h*/	ларингальная глухая щелевая шумная

Ниже приведены примеры перехода крымскотатарских слов в крымскоцыганские при их заимствовании, иллюстрирующие адаптацию согласных фонем из одного языка в другом:

a) кр.-тат. *папаз* ‘поп, священник’ > кр.-цыг. *попáзи* ‘поп, священник’;

b) кр.-тат. *булут* ‘туча, облако’ > кр.-цыг. *булýти* ‘туча, облако’;

c) кр.-тат. *тен* ‘тело’ > кр.-цыг. *тэ́ни* ‘тело, интимные части тела’;

d) кр.-тат. *дам* ‘вкус’ > кр.-цыг. *дáми* ‘вкус’;

e) кр.-тат. *терек* ‘дерево’ (*к* — заднеязыч.) > кр.-цыг. *тэрэ́ки* ‘дерево’;

f) кр.-тат. *кяр* ‘выгода’ (*к* — среднеязыч.) > кр.-цыг. *кя́ри* ‘барыш’;

g) кр.-тат. *леген* ‘корыто, таз’ (*г* — среднеязыч.) > кр.-цыг. *легéни*/*лигéни* ‘тазик’;

h) кр.-тат. *къаве* ‘кофе (зерна, напиток)’ > кр.-цыг. *кавэ́с* ‘кофе (зерна, напиток)’;

i) кр.-тат. *танълай* ‘небо’ (*нъ* — увуляр.) > кр.-цыг. *тангла́ви* ‘небо’;

j) кр.-тат. *бинъ* ‘тысяча’ (*нъ* — заднеязыч.) > кр.-цыг. *би́ни* ‘тысяча’;

k) кр.-тат. *афу* ‘извинение’ > кр.-цыг. *апýви* ‘извинение’;

l) кр-тат. *вакъыт* ‘время, пора’ > кр.-цыг. *вахы́ти* ‘время, пора’;

m) кр.-тат. *сес* ‘голос, звук’ > кр.-цыг. *сэ́си* ‘голос’;

n) кр.-тат. *заман* ‘время, эпоха, период’ > кр.-цыг. *о замáн* ‘во время, в эпоху’;

o) кр.-тат. *шекер* ‘сахар’ > кр.-цыг. *шэкэ́ри* ‘сахар’;

p) кр.-тат. *чалгъы* ‘коса (сельхоз. инструмент)’ (*гъ* — увуляр.) > кр.-цыг. *чялгхы́йа* ‘коса (сельхоз. инструмент)’;

q) кр.-тат. *хызмет* ‘служба, работа’ > кр.-цыг. *хэзмэ́ти*/*хызмэ́ти*/*хезмéти* ‘работа’;

r) кр.-тат. *чул* ‘тряпка’ > кр.-цыг. *чю́ли* ‘вещь из ткани’;

s) кр.-тат. *джады* ‘ведьма, (колдун)’ > кр.-цыг. *джяды́с* ‘колдун, ведьма’;

t) кр.-тат. *нам* ‘слава, известность’ > кр.-цыг. *нáми* ‘молва, сплетня’;

u) кр.-тат. *бал* ‘мед’ > кр.-цыг. *бáли* ‘мед’

v) кр.-тат. *раат* ‘покой, спокойствие’ (*р* — непалатализ.) > кр.-цыг. *рагхáти* ‘отдых’;

w) кр.-тат. *якъа* ‘воротник’ > кр.-цыг. *йакáс* ‘воротник’;

x) кр.-тат. *йылбаш* ‘новый год’ > кр.-цыг. *йылбáшы* ‘праздник Новый год’.

Заимствования татарских слов с очень редкой для этого языка фонемой /*ж*/ в современном крымскоцыганском языке отсутствуют.

Степень влияния татарской произносительной нормы на язык цыган Крыма была различной по времени, так как разные группы цыган приходили в Крым в разное время. Постепенно у цыган Крыма сложилось произношение тюркизмов как на цыганский, так и на татарский манер.

Необходимо отметить, что язык татар Крыма представлял собой три основных группы диалектов: северная кыпчакская, центральная смешанная и южная огузская. Из первых двух цыгане заимствовали наибольшее количество слов.

В 70-х гг. XX в. на территории Кубани проживали крымские цыгане старшего поколения, которые еще помнили татарский язык и могли свободно говорить на нем. Со временем это поколение ушло, а молодые люди нового поколения цыган уже не владели татарским языком и постепенно стали утрачивать заимствования из языка татар. Все большее количество таких заимствований в языке цыган стало переходить в пассивный фонд лексики. Однако у части крымских цыган татарская артикуляция и до сих пор сохраняется в речи.

Среднеязычные татарские фонемы /*к’*/ и /*г’*/ в речи цыган обычно представлены цыганскими палатализованными фонемами /*кь*/ и /*гь*/.

Татарская увулярная фонема /*х*/ многими цыганами произносится как увулярная с характерной для этих звуков «хрипловатой» артикуляцией. Основываясь на этом факте, можно сделать следующее заключение: в крымскоцыганском языке частью его носителей различаются звуки — исконный [*х*]-заднеязычный и заимствованный [*х*]-увулярный. По всей видимости, в крымскоцыганском диалекте нет ни одной пары слов, в которых [*х*]-заднеязычный и [*х*]-увулярный различали бы смысл слов и являлись бы разными фонемами. Как пример довольно плохой пары можно привести слова: кр.-цыг. *хáса* ‘(ты) будешь кушать’ ~ кр-цыг. *хáся* ‘истинные’, в последнем слове, заимствованном из крымско-

татарского языка, [*х*] — увулярное. В речи молодых цыган наблюдается возможность произнесения всех [*х*]-подобных звуков то как заднеязычных, то как увулярных. Необходимость обозначения увулярной, татарской по происхождению, фонемы /*х*/ в цыганском языке особым графическим знаком, например буквосочетанием «*хъ*», требует своего изучения.

До последнего времени в речи части крымских цыган сохранялась увулярная артикуляция фонемы /*гъ*/ в заимствованиях: кр.-тат. *чалгъы* ‘коса (сельхоз. инструмент)’ > кр.-цыг. *чялгхы́йа* ‘коса (сельхоз. инструмент)’ здесь цыганский [*гх*] — увулярный звук.

Передненебные аффрикаты /*ч*/ и /*дж*/ в речи татар отличаются довольно резкой артикуляцией, которой не знают исконные цыганские аффрикаты /*чь*/, /*чхь*/ и /*джь*/. Возможно, влияние татарской артикуляции привело к тому, что в артикуляции исконных цыганских аффрикат произошли изменения, приведшие к падению аффрикаты /*чхь*/ в речи части крымских цыган и замену ее фонемой /*чь*/.

Язык крымских татар в словах своего исконного лексического фонда не знал согласной фонемы /*ц*/, которая в современном языке встречается лишь в иноязычных заимствованиях: рус. *цемент* > кр.-тат. *цемент* > кр.-тат. *цементлемек* ‘(я) цементирую’, а также рус. *цинк*, *цирк*, *цинга* > кр.-тат. *цинк*, *цирк*, *цинга*.

Возможно, под влиянием тюркских языков окружающего населения в речи цыган Крыма стало возможным употребление слов со следующей альтернацией фонем: зубной глухой свистящей аффрикаты /*ц*/ ~ особой зубной свистящей глухой фрикативной, которую можно обозначить буквосочетанием [*съ*] ~ передненебной свистящей глухой фрикативной /*с*/. Чтобы произнести [*съ*], было необходимо, по нашему наблюдению, произнося звук [*ц*], полностью заменить взрывное [*т*] на [*с*]. При такой артикуляции звук [*с*] на слух становится более твердым, чем обычно.

a) кр.-цыг. *цы́ндос* ~ *съы́ндос* ~ *си́ндос* ‘следствие, разбирательство’;

b) кр.-цыг. *цэбэ́рка* ~ *съэбэ́рка* ~ *сэбэ́рка* ‘ведерко’;

c) кр.-цыг. *тапцы́йа* ~ *тапсъы́йа* ~ *тапси́йа* ‘миска’.

Альтернация *цэ́гхла ~ съэ́гхла ~ сэ́гхла* ‘кирпич’ в языке крымских цыган отсутствует, а в альтернации кр.-цыг. **цы́па ~ съы́па ~ си́па* ‘кожура, кожица, скорлупа’ отсутствуют первый и второй члены, первый из них известен за пределами крымско-цыганского языка: сев.-рус.-цыг. *цы́па* ‘шкура, кожа’.

Звук [*съ*] также был в исконном окончании творительного падежа множественного числа *-е́нца*, но в дальнейшем в этом форманте возобладало произношение аффрикаты: кр.-цыг. *ромэ́нца ~ ромэ́нсъа* ‘с цыганами, цыганами’, *ма́нца ~ ма́нсъа* ‘со мной, мною’. Заметим, что фонема /*ц*/ отсутствовала в исконной лексике крымскотатарского языка, влияние которого могло сказаться на произношении этого звука цыганами.

В кириллическом варианте письменности крымскотатарского языка отсутствует одна согласная, которая, однако, присутствует в латинском варианте. Эта согласная обозначается как «*h*», иногда встречается в южных говорах в речи лиц старшего поколения в арабизмах и иранизмах. Ее характеристика как ларингальной глухой фрикативной фонемы условна, она определяется как некий шум. В словах цыганского языка она реализуется фонемой /*гх*/: кр.-тат. *раат*/*rahat* ‘покой, спокойствие’ > кр.-цыг. *рагха́ти* ‘отдых’; кр.-тат. *баарь*/*bahar* ‘весна’ > кр.-цыг. *багхэ́ри* ‘весна’; кр.-тат. *рамет*/*rahmet* ‘сострадание, милость, милосердие’ > кр.-цыг. *рагхмэ́ти* ‘царство небесное’; кр.-тат. *ава*/*hava* ‘воздух, погода’ > кр.-цыг. *гхава́с* ‘погода’; кр.-тат. *эльва*/*hel'va* ‘сладкое кушанье из жареной муки, халва’ > кр.-цыг. *гха́лва* ‘халва’. Исключение: кр.-тат. *саат*/*saat* ‘час, часы’ > кр.-цыг. *сагха́ти* ‘час’.

***

Влияние на язык крымских цыган со стороны грузинского языка характеризуется проникновением грузинских слов, а с ними — фонем (звуков). В 80-х гг. XX в. в западных районах Грузинской ССР проживало значительное число крымских цыган, многие из которых не только умели говорить по-грузински, но и получали образование в грузинских школах.

В речи этих цыган удалось зафиксировать некоторые грузинские слова, которые можно причислить к заимствованиям. Так, кр.-цыг. *тхуд* ‘кислое молоко’ было заменено на груз.

მაწონი ‘кисломолочный напиток’ > кр.-цыг. (груз. вариант) *мацIóни* ‘кисломолочный напиток’, кр.-цыг. *пиростúйа* ‘треножник для приготовления пищи на огне’ — на груз. *სამფეხი* ‘треножник для приготовления пищи на огне’ > кр.-цыг. (груз. вариант) *сампэ́хъи* ‘треножник’, кр.-цыг. *карыштырмáс* ‘кочерга’ — слово из крымскотатарского языка — на груз. *მაშა* ‘щипцы для камина’ > кр.-цыг. *машáс* ‘щипцы для камина’, а кр.-цыг. *чя́па* ‘тяпка’ — на груз. *თოხი* ‘тяпка’ > кр.-цыг. (груз. вариант) *тóхъа* ‘тяпка’. От последнего слова по законам цыганского языка было образовано производное слово *тохъаискэрэ́л* ‘он полет’. Интересна фраза, сказанная одной из пожилых цыганок, некогда жившей в городе Очамчира: *Амэ́нгэ камэ́л лачхé бáгъи* ‘Нам нужен хороший огород’. В этой фразе исконное цыганское слово *бар* ‘огороженный участок земли при доме’ заменено заимствованием из грузинского языка: груз. *ბაღი* ‘сад’ > кр.-цыг. (груз. вариант) *бáгъи* ‘сад, огород’.

Система согласных фонем грузинского языка [Языки народов СССР 4 1967: 26–28] характеризуется отсутствием в ней парных палатализованных фонем, характерных для крымскоцыганского языка, отсутствием палатальной фонемы /*й*/ и фонемы /*ф*/, наличием девятнадцати фонем, часть из которых присутствует, например, в русском языке или языке татар Крыма:

/*ბ* (рус. б)/, /*დ* (рус. д)/, /*გ* (рус. *г*)/, /*ფ* (рус. *п*)/, /*თ* (рус. *т*)/, /*ჟ* (рус. *к*)/, /*ჯ* (кр.-тат. *дж*)/, /*ჩ* (рус. *ч*)/, /*ც* (рус. *ц*)/, /*ვ* (рус. *в*)/, /*ზ* (рус. *з*)/, /*ს* (рус. *с*)/, /*ჟ* (рус. *ж*)/, /*შ* (рус. *ш*)/, /*მ* (рус. *м*)/, /*ნ* (рус. *н*)/, /*რ* (рус. *р*)/, /*ლ* (рус. *л*)/, /*ჰ* (кр.-тат. *h ларингальное*)/,

и девяти спицифических «кавказских» фонем: свистящая звонкая аффриката /*ძ* (*дз*)/; увулярные: /*ღ* (*гъ*)/, /*ხ* (*хъ*)/; абруптивные смычные и аффрикаты: /*ტ* (*тI*)/, /*პ* (*пI*)/, /*კ* (*кI*)/, /*წ* (*цI*)/, /*ჭ* (*чI*)/, /*ყ* (*кIъ фарингальная*)/.

Для записи абруптивных согласных, на наш взгляд, стоит использовать знак I, как это делается, например, в адыгейском языке.

***

В систему согласных фонем украинского языка [Языки Российской Федерации 2 2001: 237] входят 32 фонемы: /*б*/, /*п*/, /*д*/,

/*т*/, /*дь*/, /*ть*/, /*ґ* (рус. *г*)/, /*к*/, /*дж*/, /*ч*/, /*дз*/, /*ц*/, /*дзь*/, /*ць*/, /*ф*/, /*з*/, /*с*/, /*ж*/, /*ш*/, /*зь*/, /*сь*/, /*х*/, /*г*/, /*в*/, /*м*/, /*н*/, /*нь*/, /*й*/, /*л*/, /*р*/, /*ль*/, /*рь*/.

Для согласных фонем украинского языка характерны: твердые /*ч*/ (укр. *піч* ‘печь’) и /*ц*/ (укр. *серд̀це* ‘сердце’), палатализованная /*ць*/ (укр. *кінця* ‘конца’), а также удвоенные палатализованные согласные звуки: [*ччь*] (укр. *клоччя* ‘клочья’); [*жжь*] (укр. *Запоріжжя* ‘(город) Запорожье’); [*шшь*] (укр. *розкішшю* ‘роскошью’), которые в украинском языке не являются фонемами.

В украинском языке имеются две фонемы, представляющие звонкие свистящие аффрикаты: /*дз*/ (укр. *кукурудза* ‘кукуруза’) и /*дзь*/ (укр. *дзьобик* ‘клюв’).

Во многих исконных славянских словах со смычной фонемой /*г*/ в украинском языке на этом месте имеется фарингальная звонкая щелевая фонема /*ґ*/ (рус. *гора* ~ укр. *г[h]ора*, рус. *дуга* ~ укр. *дуг[h]а*). Смычная фонема /*ґ*/ в украинском языке встречается редко: укр. *ґанок* ‘крыльцо’, укр. *ґуля* ‘шишка от удара’.

***

Влияние русского языка на язык цыган Крыма происходило и в части согласных фонем [Языки Российской Федерации 2 2001: 478], которых в современном русском языке выделяется 37 единиц: /*п*/, /*пь*/, /*б*/, /*бь*/, /*т*/, /*ть*/, /*д*/, /*дь*/, /*кь*/, /*гь*/, /*к*/, /*г*/, /*ц*/, /*чь*/, /*ф*/, /*фь*/, /*в*/, /*вь*/, /*с*/, /*сь*/, /*з*/, /*зь*/, /*ш*/, /*ж*/, /*шшь*/, /*жжь*/, /*х*/, /*хь*/, /*й*/, /*м*/, /*мь*/, /*н*/, /*нь*/, /*л*/, /*ль*/, /*р*/, /*рь*/.

Для системы согласных фонем русского языка характерны 15 пар фонем, различающихся по признаку твердости — мягкости, и непарные согласные фонемы: /*ж*/, /*ш*/, /*ц*/ (только твердые) и /*шшь*/, /*жжь*/, /*чь*/, /*й*/ (только мягкие).

Для русского языка характерны две долгие палатализованные шипящие фонемы: /*шшь*/ и /*жжь*/, которые на письме обозначаются: буквой «*щ*» (рус. *щавель*) или сочетаниями букв: «*сч*» (рус. *счастье*), «*жж*» (рус. *вожжи*), «*зж*» (рус. *визжать*).

В язык крымских цыган проникли некоторые русские слова с фонемой /*шшь*/: *щявэ́ли* ‘щавель’, *щю́ка* ‘щука’, *бо́рщи* ‘борщ’, хотя многие цыгане это слово произносят как *бо́ршы*, поэтому для внесения русской долгой глухой щелевой небной фонемы /*шшь*/,

которую часто путают с краткой фонемой /*шь*/, в число крымско-цыганских фонем требуются дополнительные исследования.

Необходимо указать еще на факт заимствования крымскими цыганами слов не из литературного языка, а из русских диалектов и говоров Крыма и Кубани, система согласных фонем которых несколько отличается от русской литературной нормы. Особую трудность представляет звучание фонем /*г*/ и /*гь*/. Для цыган жителей Кубани русская буква «*г*» однозначно ассоциируется не со взрывным, а с фрикативным звуком, похожим на украинский звук [*ґ*]. Поэтому в заимствованиях из русского языка, где цыгане слышат взрывную фонему [*г*], можно писать букву «*г*», а где — фрикативную фонему [*ґ*] — писать буквосочетание «*гх*»: рус. *гора́* > кр.-цыг. *гора́с*/*гхора́с*.

В цыганский язык сначала может быть заимствовано слово с фонемой в ее слабой позиции и, пока не произойдет заимствования однокоренного русского слова с той же фонемой в ее сильной позиции, в цыганском языке придется в соответствии с фонематическим принципом записи писать букву, отличную от таковой в русском слове. Приведем пример: рус. *сапожок* > кр.-цыг. *сапо́шка* (пишется с буквой «*ш*», если оно — единственное из слов с этим корнем, заимствованных из русского языка) > кр.-цыг. *сапо́жка* (пишется с буквой «*ж*», если в цыганском языке имеется еще заимствованное с этим корнем слово, где фонема, обозначаемая этой буквой, стоит в сильной позиции, например кр.-цыг. *сапожо́ки*). На эту особенность написания заимствований всегда необходимо обращать особое внимание, так как различные написания возможны, сколь бы строго ни соблюдался фонематический принцип записи слов, заимствованных из русского и других языков.

Наконец, рассмотрим пример, когда заимствование в речи цыган старшего поколения звучит как украинизм, а в речи молодого поколения как русизм, ср. кр.-цыг. (старшее поколение) *холодэ́ци* (фонема /*ць*/) < укр. *холодець*; кр.-цыг. (молодое поколение) *холоде́цы* (фонема /*ц*/) < рус. *холодец*. Одно и то же слово цыганами произносится то по-украински, то по-русски, хотя оба звука [*о*] в нем цыганами произносятся весьма четко.

Алфавит крымскоцыганского языка на базе русской кириллицы

Для записи речи крымских цыган, находящихся под влиянием русского языка, составлен следующий алфавит: **А а, Б б, В в, Г г, Гх гх, Д д, Дж дж, е, ё, Ж ж, З з, И и, Й й, К к, Кх кх, Л л, М м, Н н, О о, П п, Пх пх, Р р, С с, Т т, Тх тх, У у, Ф ф, Х х, Ц ц, Ч ч, Ш ш, Ы ы, ь, Э э, ю, я.**

В этот алфавит могут быть добавлены следующие буквы и буквосочетания:

а) буква **Щ щ** может быть использована для записи русской фонемы /*шшь*/ в цыганских заимствованиях из русского языка;

б) буквосочетание **Дз дз** для записи звонкой свистящей аффрикаты в заимствованиях из украинского и кавказских языков;

в) буквосочетание **Чх чх** для записи звука /*чх*/ цыганами, в речи которых он существует;

г) буквы **І** и **ъ** для записи в крымскоцыганских словах звуков, характерных для кавказских языков (**ПІ пІ, ТІ тІ, КІ кІ, ЧІ чІ, ЦІ цІ, КІъ кІъ, Къ къ, Гъ гъ, Хъ хъ**) и для записи **Съ съ.**

Запись гласных фонем

В начале слога или слова пишутся следующие гласные: «*а*», «*о*», «*ы*», «*э*», «*у*», «*и*». Примеры: *ай* ‘*междометие* ай’, *а́вгос* ‘раньше’, *ов* ‘он’, *о́кэ* ‘вон здесь’, *ыргха́ти* ‘работник’, *эй* ‘*междометие* ну’, *э́ла* ‘давай’, *у́нги* ‘ноготь, коготь’, *каурма́с* ‘каурма, жаркое’, *и́кос* (в сочетании: *дэл и́кос* ‘(он/она) зовет’).

Запись согласных фонем

Любая буква или буквосочетание, написанные отдельно, обозначают твердую согласную фонему: /*б*/, /*д*/, /*г*/, /*п*/, /*т*/, /*к*/, /*пх*/, /*тх*/, /*кх*/, /*ц*/, /*в*/, /*з*/, /*ж*/, /*гх*/, /*ф*/, /*с*/, /*ш*/, /*х*/, /*м*/, /*н*/, /*л*/, /*р*/.

Палатализованные согласные фонемы обозначаются буквой «*ь*», ставящейся за буквой или буквосочетанием, обозначающим одну из согласных фонем: /*бь*/, /*дь*/, /*гь*/, /*пь*/, /*ть*/, /*кь*/, /*пхь*/, /*тхь*/, /*кхь*/, /*ць*/, /*джь*/, /*чь*/, /*вь*/, /*зь*/, /*гхь*/, /*фь*/, /*сь*/, /*шь*/, /*хь*/, /*мь*/, /*нь*/, /*ль*/, /*рь*/.

Палатализованные согласные фонемы на конце слогов перед первой согласной фонемой следующего слога сохраняются как палатализованные, что обозначается буквой «*ь*»: *чёчькáс* ‘поросенок’, *кáчька* ‘утка (птица)’.

На конце слов палатализованные согласные фонемы: /*джь*/, /*чь*/, /*чхь*/, при обозначении на письме букву «*ь*» никогда не теряют: кр.-цыг. *йиджь* ‘вчера’, *пхучь* ‘спроси’. Другие палатализованные согласные фонемы все теряют палатализованность: *пхолáй* (золотые вещи, монеты), но *пхол* (золото; золотая вещь, монета). Исключением является исконное слово *бэлвэ́ль* ‘вечер’.

В слогах, когда за согласной фонемой следует гласная фонема, твердость согласной указывается гласными: «*а*», «*о*», «*ы*», «*э*», «*у*», идущими за ней: *ба*, *до*, *цы*, *пэ*, *ту*. Палатализованный характер фонем указывается буквой, передающей гласную фонему /*и*/, и буквами «*я*», «*ё*», «*е*», «*ю*». Примеры: *бя*, *дё*, *ри*, *пе*, *тю*.

Придыхательные согласные на письме обозначаются сочетаниями букв, обозначающих смычный звук или аффрикату, с добавлением буквы «*х*»: «*п*», «*т*», «*к*», «*чь*» > «*пх*», «*тх*», «*кх*», «*чхь*».

Звонкая шипящая аффриката /*джь*/ на письме обозначается буквосочетанием *д+ж* > «*дж*», а звонкая свистящая /*дз*/ в заимствованиях из кавказских языков — буквосочетанием *д+з* > «*дз*».

В заимствованиях из кавказских языков абруптивные согласные записываются сочетаниями букв: «*п*», «*т*», «*к*», «*ч*», «*ц*», «*къ*» со знаком «*I*»: «*пI*», «*тI*», «*кI*», «*чI*», «*цI*», «*кIъ*». Увулярные согласные записываются сочетаниями букв «*к*», «*г*» с буквой «*ъ*»: «*къ*», «*гъ*».

Запись фонемы /*й*/

Согласная фонема /*й*/ — палатальная по своей природе. Она может находиться в начале в середине и в конце слова, после нее пишутся буквы, обозначающие фонемы: /*а*/, /*о*/, /*э*/, /*у*/, /*и*/. Примеры: *йáбас* ‘пальто’, *йакх* ‘глаз’, *йоргхáни* ‘одеяло’, *йэкх* ‘один’, *йив* ‘снег’, *йилó* ‘сердце, душа’, *кай* ‘где, что’, *дай* ‘мать’, *дэйáтэ* ‘у матери’. Сочетание /*йы*/ встречается лишь в одном заимствовании из крымскотатарского языка — *йылбáшы* ‘праздник начала нового года’.

Употребление в языке крымских цыган букв «*я*», «*е*», «*ё*», «*ю*» для обозначения сочетания фонем /*йа*/, /*йэ*/, /*йо*/, /*йу*/ и использование буквы «*ь*» в функции разделительной, как в русском языке, не желательно, так как для обозначения на письме сочетаний фонем /*йи*/ и /*йы*/ в кириллице нет нужных букв.

Пример записи сказки на языке крымских цыган

Сапоро

Бэшэлас пхуро тай пхури, тай на сас лэндэ пуйа. Тай сас гэрэ, вай, пхурэ. Тай нанай, кон пал лэндэ догхлядывал, вай, гэрэ. Вай печька си, вай кашта камэн. Тай гэлэ андэ вэш, андэ вэш тэ пхагэрэн кашта. Пхагэрэл о пхуро, э пхурякэ пхэнэл: «Ай ты, таскай!» Эй акана, короче, лэл о пхуро пхагэрэл, э пхури ташыдийэл. Акана пхагэрэл, пхагэрэл, короче, тай пхагэрэл йэкх каш. Ай дикхэл андэ си тикноро сапоро. Сапоро си, тай си кай марэл пэс андэ пху, тай си кай ровэл сар пуйос. Акана о пхуро дикхэл. Шашты, айады лэс. Э пхури, атял — атял, на пхэнляс пхурякэ. Лэл ов, эй, одолэ сапорэс тай гэлэл, вай кхэрэ. Тай сас лэндэ печька. Тай гэнэйа сар тикнёри духовка тай тхэл одолэ сапорэс андэ. Тхэл о пхуро. Эй акана, короче, хавдярэл лэс о пхуро: сути лэскэ по гхалиса. Ай ов, вай барёл, барёл, барёл… Ужэ андэ одолэ духовкатэ на рэсэл, тай аш никлисто, короче, тай си кай ровэл, эй, марэл пэс ан пху. Ужэ пхури дикхляс лэс. Сар? Со? Эй, тай рас, тай чхел оправал пэстэ кожа одова сап, тай овэл баро сап, тай чхел оправал пэстэ э кожа тай си чхяворо романо. Короче, тай никлёл андар патишайи. Эй, шукар, о Дэл мэ на дэл.

Змееныш

Жили старик и старуха, и не было у них детей. И были несчастные, ведь, старые. И нет, кто за ними доглядывал (бы), ведь несчастные. Ведь печка есть, ведь дрова нужны. И ушли в лес, в лес нарубить дров. Рубит старик, старухе говорит: «А ты таскай!» Ну, теперь, короче, берет старик рубит, а старуха таскает. Теперь рубит, рубит, короче, и рубит одно дерево. Видит: внутри есть маленький змееныш. Змееныш есть, и бьется о землю, и плачет как ребенок. Теперь старик видит. Удивился, пожалел его. Старуха, так — так, не сказал старухе. Берет он, ну, того змееныша и уносит ведь домой. И была у них печка. И еще

как маленькая духовка и ставит того змееныша в нее. Ставит старик. Ну, теперь, короче, кормит его старик: молока ему понемногу. А он, ведь растет, растет, растет… Уже внутри той духовки не помещается, и аж вылез, короче, плачет, ну, бьется об землю. Уже старуха увидала его. Ну, и раз, и сбрасывает с себя кожу тот змей, и становится большим змеем, и сбрасывает с себя кожу и есть парень цыганский. Короче, и выходит оттуда царь. Ну, красивый, не дай Бог.

Употребление прописных и строчных букв алфавита для записи устной речи крымских цыган

Почти каждая буква алфавита крымскоцыганского языка представлена в нем двумя разновидностями: прописная (большая): А, Д, Ш, и строчная (малая): а, д, ш. В буквосочетаниях, передающих в языке один звук, прописными являются их первые буквы: кр.-цыг. *Джя́ва* ‘(я) буду уходить’, *Тхэдэ́м* ‘(я) поставил(а)’.

В устной речи любая фонация крымских цыган, будь то отдельный звук, звукосочетание, полная мысль или ее часть, всегда оформляется интонационно как фраза.

В письменной речи записываются:

1. отдельная буква: кр.-цыг. *а, п, к, Б, Д, Э*;

2. буквосочетание: кр.-цыг. *дж, Дж, абр, плом, цвг*;

3. отдельный звук: кр.-цыг. [*а*], [*о*], [*з*];

4. звукосочетание: кр.-цыг. [*ба*], [*мо*], [*год*], [*кан*], [*кэр*] (звуки и звукосочетания обычно заключаются в квадратные скобки, что помогает отличать записанные звуки от букв).

Одиночный гласный звук, а также сочетания одного или нескольких согласных с гласным образуют слог: кр.-цыг. *а, на, вра, зор, ов.* Некоторые слоги несут лексический или грамматический смысл: слог кр.-цыг. *зор* имеет лексический смысл ‘сила’; слог кр.-цыг. *на* имеет грамматический смысл отрицания действия; слог кр.-цыг. *ов* имеет лексический смысл ‘он’.

Грамматический смысл может иметь одиночный согласный звук: кр.-цыг. *д* — показатель совершенного вида действия: кр.-цыг. *кэрэ́л* ‘(он/она) делает’ и кр.-цыг. *кэрдя́с* ‘(он/она) сделал(а)’;

5. отдельное слово (лексема): кр.-цыг. *ром* ‘цыган’;

6. словосочетание: кр.-цыг. *романи́ чхиб* ‘цыганский язык’;

7. отдельное предложение, обозначающее:

а) законченную мысль, которая на письме оформляется так: первое слово предложения пишется с прописной (большой) буквы, а в конце ставится один из следующих знаков препинания: «.» — точка, «!» — восклицательный знак, когда записывается эмоционально окрашенная речь, или «?» — вопросительный знак, когда речь содержит в себе вопрос. Примеры: кр.-цыг. *Мэ андём кхэрэ́ манро́ тай йэкх йали́ су́ти.* ‘Я принес домой хлеб и одну бутылку молока’ и кр.-цыг. *Ка́на ту кан-тхэс ман кан?!* ‘Когда ты послушаешься меня?!’ (наличие двух знаков в конце второго предложения указывает на то, что фраза содержит в себе вопрос, а ее произношение эмоционально окрашено);

б) незаконченную мысль, которая на письме обозначается знаком многоточие «…», стоящим в конце предложения (кр.-цыг. *Мэра́в, да́йэ…* ‘Умираю, мама…’) или находящимся и в начале, и в конце, указывающим на часть какого-либо предложения, например следующего: *Лэ́ски пхури́ ромни́ гхонди́йэлас пхарэ́с, роиндо́с*. ‘Его старая жена стонала тяжело, плача’, которая будет оформлена так: кр.-цыг. *…Пхури́ ромни́ гхонди́йэлас пхарэ́с…* ‘…старая жена стонала тяжело…’;

8. отдельное предложение с чужой речью:

а) которая противопоставлена словам автора и передается им буквально, как она была кем-то сказана, на письме оформляется как прямая речь: заключается в кавычки и пишется с большой буквы: кр.-цыг. *Ой са́льтя пхэнэ́л*: «*Ма́ джя ни́кхай, мо́ чхе*». ‘Она постоянно говорит: «Не уходи никуда, мой сын».’ «*На вуло́, да́дэ, ни́што», — пхэнле́м мэ мэ пхурэ́ дадэ́стэ*. ‘«Не случилось, папа, ничего», — сказал я моему старому отцу.’ От предыдущего слова прямая речь дополнительно отделяется «:» двоеточием, а от последующего — «,» запятой и «—» тире; когда прямая речь содержит вопрос или произносится с восклицанием, то после нее ставится «?» вопросительный или «!» восклицательный знак и «—» тире: «*Ада́ кон дэл бэ́бэря*?» *— пхучьля́с э дай пэ тикнорэ́ пуйо́с*. ‘«Это кто кричит?» — спросила мать своего маленького ребенка.’ «*Гха́дэнаба*!» *— шунле́м мэ акайа́ збо́ра пхурэ́ ромэ́стар*. ‘«Пойдемте!» — услышал я это слово от старого цыгана.’;

б) в которую инкорпорированы слова автора:

кр.-цыг. «*Тумэ́ндэ атхэ́ бут шука́р эсе́, — пхэна́вас мэ, — тато́, чало́*». ‘«У вас здесь очень хорошо, — говорил я, — тепло, сытно».’; если на месте разрыва нет никакого знака или должны стоять «,» запятая, «;» точка с запятой, «:» двоеточие, «—» тире, то слова автора выделяются с обеих сторон «, —» запятой и тире;

кр-цыг. «*Ко саба́гхи тэ анэ́с ма́ндэ ловэ́, — тыны́ки пхэнля́с мо дад. — Акана́ мэ кан-па́шляв тэ сова́в*». ‘«К утру чтобы ты принес мне деньги, — тихо сказал мой отец. — Теперь же я лягу спать».’; если на месте разрыва должна стоять «.» точка, то перед словами автора ставятся запятая и тире «, —», а после них — точка и тире «. —»;

кр.-цыг. «*Со хызмэ́ти си ту́тэ? — пхучьля́с о гаджё. — Эй? Со хызмэ́ти?*» ‘«Что за работа есть у тебя? — спросил мужик. — Ну? Что за работа?»’; если на месте разрыва прямой речи должен стоять вопросительный «?» или восклицательный «!» знак, то перед словами автора пишется один из этих знаков и тире «? —», «! —», а после слов автора точка и тире «. —»;

кр.-цыг. «*На камэ́л… — пхэнля́с о пхуро́, — на камэ́л, раклэ́йа*!» ‘«Не надо… — сказал старик, — не надо, парень!»’, «*У́джяр которі́са… — пхэнля́с лэ́ско ама́л. — Шун со кан-пхукава́в…*» ‘«Подожди немного…— сказал его друг. — Послушай, что расскажу…»’; если на месте разрыва прямой речи должно стоять многоточие «…», то перед словами автора ставятся многоточие и тире «… —», после слов автора ставятся запятая и тире «, —» (если вторая часть прямой речи не образует самостоятельного предложения), или точка и тире «. —» (если вторая часть представляет собой новое предложение), первое слово второй части прямой речи во втором случае пишется с прописной буквы;

если чужая речь должна начинаться с многоточия и строчной буквы: кр.-цыг. *…балва́л — балва́л…* ‘…ветер — ветер’, то, став частью предложения, она как прямая речь заключается в кавычки с сохранением многоточий, но изменением строчной буквы на прописную: кр.-цыг. «*…Балва́л — балва́л…*» *— сар кай пхэнля́с о Дэл опрэ́.* ‘«…Ветер — ветер…» — как будто сказал Бог вверху’;

в) которая инкорпорирована в слова автора: кр.-цыг. *О дад диня́с бэ́бэри*: «*А́кэ ту́кэ алайи́*!», *лиля́с тыны́шы тай чя́льти гэло́*

аври́. ‘Отец крикнул: «Вот тебе и все!», вздохнул и быстро вышел.’; тогда после предыдущего слова ставится двоеточие «:», прямая речь заключается в кавычки, а слова автора сохраняют все знаки препинания такими, какими бы они были без прямой речи.

***

С большой буквы в крымскоцыганском диалекте предлагается также писать имена собственные:

1) религиозные термины: *Дэл* ‘Бог’, *Алла́гхи* ‘Аллах’, *Ийэгхова́* ‘Иегова’, а также словосочетание: *Дэвлэ́ски Дай* ‘Божья Матерь’;

2) имена, отчества, фамилии и прозвища людей: *Никола́й Гхэна́дйэвичь Карачю́к* (Николай Генадьевич Карачук), *Наде́жда Нэйша́йэвна Огхлы́* (Надежда Нейшаевна Оглы). Если цыганские имена людей восходят к словам, обозначающим предметы или свойства, то они должны писаться с большой буквы (в русском языке они употребляются без перевода): кр.-цыг. *гоно́* ‘мешок’, *лулуди́* ‘цветок’. *Шука́р лоли́ лулуди́ эса́с пашли́ опрэ́ пуранэ́ гонэ́стэ*. ‘Красивый красный цветок лежал на старом мешке’, но *Амари́ Лу́луди бут дэхэ́л э Гонэ́с*. ‘Наша Лулуди очень любит Гоно.’ Также необходимо помнить, что в паспортах Российской Федерации имена, отчества и фамилии граждан — крымских цыган записаны по-русски, по-цыгански же они могут писаться иначе: рус. *Оглы* (фамилия) ~ кр.-цыг. *Огхлы́*;

3) названия цыган по именам их предков (национальные названия крымскоцыганских родов или фамилий): кр.-цыг. *Карачюра́с* (мн.ч. *Карачюра́дэс*) ‘цыган — потомок цыгана по имени Карачура’, кр.-цыг. *Алимо́с* (мн.ч. *Алимо́дэс*) ‘цыган — потомок цыгана по имени Алим’, кр.-цыг. *Зуйа́с* (мн.ч. *Зуйа́дэс*) ‘цыган — потомок цыгана по имени Зуй’;

4) клички животных: кр.-цыг. *Ченги́з* (кличка кота), *Мухта́р* (кличка кобеля), *Коро́* (кличка коня), *Ло́жна* (кличка кобылы), *Но́чька* (кличка телки);

5) географические названия: кр.-цыг. *Кавка́зи* (*йама́чя*) ‘Кавказ (горы)’, (*диз*) *Гхэри́шы* ‘(город) Керчь’, (*диз*) *О́ри* ‘(город) Перекоп’, *Кали́* (*дэря́в*) ‘Черное (море)’, (*хар*) *Во́лга* ‘(река) Волга’, (*страна́с*) *По́льша* ‘(страна) Польша’, (*совхо́зи*) «*Урожа́йни*» ‘(совхоз) «Урожайный»’;

6) названия праздников: кр.-цыг. *Йылба́шы* ‘Новый год’, *Па́сха* ‘Пасха’, *Йэгоря́* ‘день святого Георгия’, *Василя́ско дес* ‘день святого Василия Кессарийского’;

7) названия газет, журналов, литературных и музыкальных произведений (все названия подобного рода заключаются в кавычки): кр.-цыг. *гхазе́тка* «*Хроно́метри*» ‘газета «Хронометр»’, *журна́ли* «*Огхоне́ки*» ‘журнал «Огонек»’, *парамисы́* «*Ру́жыца*» ‘сказка «Ружица»’, *гилы́* «*Кас дэл о Дэл…*» ‘песня «Кому дает Бог…»’;

8) названия учреждений и организаций: кр.-цыг. *Гхосуда́рствени Ду́ма э Росы́йски Федерацыйа́ки* ‘Государственная Дума Российской Федерации’.

Выявление полного объема слов, написание которых желательно с прописной буквы, требует дополнительного изучения этого вопроса.

Основные правила переноса слов в крымскоцыганском языке

Слова в крымскоцыганском диалекте при необходимости могут быть перенесены с одной строки на другую. Перенос слов производится по слогам в соответствии со следующими правилами:

1) для переноса слово делится на слоги: кр.-цыг. *ка-рыштыр-ма́-са* ‘с кочергой’ (при делении на слоги одна согласная буква между гласными обычно относится к следующему слогу, а две согласные обычно относятся к предыдущему и последующему слогам), это слово может быть перенесено четырьмя способами: *ка-рыштырмаса, карыш-тырмаса, карыштыр-маса* и *карыштырма-са*;

2) если слово начинается или заканчивается на слог, состоящий из одной гласной буквы, то этот слог не оставляется на предыдущей строке и не переносится на новую: кр.-цыг. *а-вэ́-са* ‘(ты) придешь’, т. е. у слова возможен только один способ переноса: *авэ́-са*;

3) буква «*ь*» при переносе никогда не отделяется от предыдущей буквы: в кр.-цыг. словах *чечь-касоро́* ‘поросеночек’ и *иль-дыы́м* ‘(я) повесил’ буква «*ь*» в слогах *чечь-* и *иль-* при переносе не отделяется от букв «*ч*» и «*л*»;

4) сочетания двух букв (*пх, тх, кх, гх, чх, дж*), обозначающие в крымскоцыганском языке один звук, при переносе не разделяются: например, для кр.-цыг. слов *ара-кха́ва* ‘(я) буду находить’, *мор-тхуно́* ‘кожаный’ и *дикх-ло́* ‘увиденный’ возможен лишь указанный перенос буквосочетаний (исключением из этого правила является слово кр-цыг. *Насипхо́н*, обозначающее женское имя, в котором буквосочетание *пх* обозначает не один, а два звука, оно может быть перенесено следующим образом: *Насип-хо́н*);

5) две одинаковые согласные при переносе всегда относятся к двум слогам: предыдущему и последующему, переносимому на другую строку: кр-цыг. *милио́н-ни* ‘милионный’, *ва́ннайа* ‘ванная’.

Литература

Кондараки В. Х. (1875). *Универсальное описание Крыма*. Ч. 9. Санкт-Петебург.

Меметов А. М. (2012). *Крымскотатарский язык. Фонетика.* Симферополь: Крымучпедгиз.

Языки народов СССР. (1967). Т. 4. Москва: Наука.

Языки Российской Федерации и соседних государств. (2001–2005). Т. 2, 3. Москва: Наука.

Содержание

Предисловие 3

Л. Н. Черенков (*Москва*)
Цыганская диалектология в России: современное состояние и задачи 6

ДИАЛЕКТ РУССКИХ ЦЫГАН

И. М. Махотина (*Тверь*)
Диалект русских цыган в очерке Ж. Лекуэнта де Лаво (1827) 25

В. В. Шаповал (*Москва*)
Цыганско-славянские языковые контакты и источники их изучения 43

В. В. Шаповал (*Москва*)
Marginalia к «Цыганско-русскому словарю» 1938 г. 50

ВЛАШСКИЕ ДИАЛЕКТЫ ЦЫГАНСКОГО ЯЗЫКА

К. А. Кожанов (*Москва*)
Модальные конструкции с глаголом ‘быть’ в кэлдэрарском цыганском (говор котляров-молдовая) 71

С. А. Оскольская (*Санкт-Петербург*)
Каритив в кэлдэрарском диалекте цыганского языка 105

Г. Н. Цветков (*Москва*)
Секретный лексикон цыган-ловарей 134

ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ЦЫГАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

М. В. Смирнова-Сеславинская (*Москва*)
Цыганский язык и языковая образовательная политика России в XIX–XXI вв. 153

В. Г. Торопов (*Иваново), В. Б. Гумероглый (Новороссийск)*
Опыт составления алфавита для записи устной речи крымских цыган 199

ЦЫГАНСКИЙ ЯЗЫК В РОССИИ

Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России
Санкт-Петербург, 5 октября 2012 г.

Подписано в печать 18.11.2013. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 14,38
Тираж 300 экз. Заказ № 3611

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23